

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С. М. Севярын

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б. В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А. М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В. Ф. Байнёў
Т. А. Гарупа
А. А. Гужалоўскі
Т. І. Доўнар
А. І. Забейварота
У. В. Здановіч
У. Л. Ключня
У. У. Лосеў
Б. М. Ляпешка
А. А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ ЭКАНОМІКА ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2020

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 30.01.2020 № 22
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 20.11.2020 № 271)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

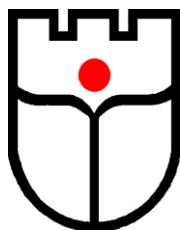
Вабішчэвіч А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё вёскі Рубель на Століншчыне (1945 г. – пачатак XXI ст.): гісторыка-краязнаўчае даследаванне.....	5
Занько Е. Ю. Музейное дело и охрана историко-культурного наследия в западных областях БССР (1944–1950-е гг.).....	15
Даркович А. Л. Городское самоуправление Бреста: национальный состав и межнациональные взаимоотношения (1919–1939 гг.).....	24
Савіч А. А. Станаўленне і развіццё ў 1920-я – першай палове 1950-х гг. айчынай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.....	29
Лудзіч А. Р. Структура і функцыянаванне павятовых фінансава-падатковых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.....	35
Володькин А. А. Развитие основных векторов внешней политики государств Балтии в период их интеграции в ЕС и НАТО (1995–2004 гг.).....	45
Лисовская Т. В. Теоретико-прикладные аспекты формирования системы сепарации в государственно-конфессиональных отношениях в БССР.....	53
Самусік А. Ф. Роля І. Пацея ў стварэнні ўніяцкай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVI – пачатку XVII ст.....	58

ЭКАНОМІКА

Конончук В. В. Моделирование эффективности использования ресурсного потенциала регионального АПК в условиях агроэкологических рисков.....	63
Белый С. А. Влияние денежно-кредитной политики на экономический рост Республики Беларусь.....	70
Черновалов П. А. Разработка методики оценки бизнес-моделей региональных биоэкономических кластеров.....	79

ПРАВА

Романюк Е. В. Проблемные аспекты разграничения кражи и присвоения найденного имущества.....	87
Вабищевич В. В. Особенности содержания вины, целей и мотивов посягательств на персональные данные.....	93
Игнатюк А. З., Колёско С. С. Полномочия органов внутренних дел Республики Беларусь по обеспечению административно-правового режима миграции иностранцев.....	101
Заранка И. А. Убийство матерью новорожденного ребенка: к уточнению субъекта преступления и вопросов квалификации.....	108
Зайчук Г. И. Теоретические вопросы объектов экологического права.....	115
Шкляревский А. Н. Медиация как инструмент либерализации административного процесса.....	124
Бильдейко А. А. Правонарушения, создающие условия для коррупции в сфере закупок товаров (работ, услуг).....	130
Резюк В. И. Подготовка кадров для сферы государственного управления: нормативно-правовой аспект формирования компетенций антикоррупционного характера.....	140
Игнатенко А. С. Теоретико-правовые подходы к формированию правового института воинской службы.....	148
Гущин А. И. Судебное правоприменение норм трудового законодательства о материальной ответственности работников.....	155

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A. N. Sender

Deputy editor-in-chief:

S. M. Sevyaryn

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B. V. Salikhau (Russia)

Editorial Board:

A. M. Vabishchevich

(managing editor)

V. F. Bajnyou

T. A. Garupa

A. A. Guzhalouski

T. I. Dounar

A. I. Zabeivarota

V. V. Zdanovich

V. L. Klunia

V. V. Loseu

B. M. Lyapeshka

A. A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

21, Kosmonavtov Boulevard

tel.: +375-(162)-21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2020

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 30, 2020 nr 22 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from November, 20, 2020 nr 271) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

CONTENTS

HISTORY

Alyaksandr Vabishchevich. Socio-Economic Development of the Village of Rubel, Stolin District (1945 – the Beginning of the XXI Century): Local History Research	5
Evgeniya Zanko. Restoration of Museum Business and Protection of Historical and Cultural Heritage in the Western Regions of the BSSR (1944–1950).....	15
Aleksandr Darkovich. Municipal Government in Brest: the National Composition and Internationality Relations (1919–1939).....	24
Alyaksandr Savich. Formation and Development of 1920s – First Half of the 1950s of the Internal Historiography of the Confessional History of Western Belarus.....	29
Andrey Ludzich. Structure and Functioning of the District’s Financial and Fiscal Institutions in the Territory of Belarus in the Second Half of XIX – early XX Century	35
Andrey Volodkin. The Development of the Main Vectors of Baltic States’ Foreign Policy During their Integration into the EU and NATO (1995–2004)	45
Tatsiana Lisouskaya. Theoretical and Applied Aspects of the Formation of a Separation System in State-Confessional Relations in the BSSR.....	53
Andrey Samusik. I. Potey’s Role in the Creation of Uniate Education on the Territory of Belarus in the Late XVI – Early XVII Centuries.....	58

ECONOMICS

Viktor Kononchuk. Modeling of Efficiency of Use of Resource Potential of Regional Agroindustrial Complex in the Conditions of Agroecological Risks	63
Stanislav Bely. Impact of Monetary Policy on the Economic Growth of the Republic of Belarus.....	70
Pavel Chernovalov. Development of a Methodology for Evaluating Business Models of Regional Bio-economic Clusters.....	79

LAW

Elena Romanyuk. Problem Aspects of Determining the Theft and Assigning Found Property.....	87
Vitali Vabishchevich. Features of the Content of Guilt, Goals and Motives of Attacks on Personal Data	93
Andrey Ignatyuk, Stanislav Koliosko. Powers of the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus to Ensure the Administrative and Legal Regime of Migration of Foreigners	101
Irina Zaranka. Killing of a Newborn Child by its Mother: Clarification of the Subject of Crime and Qualification Issues.....	108
Gennady Zaychuk. Theoretical Issues of Environmental Law Objects	115
Alexander Shklyarevsky. Mediation as a Tool for Liberalization of the Administrative Process	124
Aleksey Bildeiko. Offences that Create the Conditions for Corruption in the Sphere of Procurement of Goods (Works, Services)	130
Vadim Rezyuk. Preparation of Personnel for the State of Governance: Regulatory and Legal Aspect of Formation of Competencies of Anti-Corruption Character	140
Andrey Ignatenko. Theoretical and Legal Approaches to the Formation of the Legal Institute of Military Service.....	148
Anton Huschyn. Judicial Law Enforcement of Labor Legislation Standards on Material Liability of Employees	155

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476)

Аляксандр Мікалаевіч Вабішчэвіч

*д-р гіст. навук, праф., заг. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*

Alyaksandr Vabishchevich

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Slavic Peoples
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: vabischev@rambler.ru

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ ВЁСКИ РУБЕЛЬ НА СТОЛІНШЧЫНЕ (1945 г. – ПАЧАТАК XXI ст.): ГІСТОРЫКА-КРАЯЗНАЎЧАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ

Адлюстравана пасляваеннае аднаўленне в. Рубель Столінскага раёна Брэсцкай вобласці, што была спалена германскімі нацыстамі ў маі – чэрвені 1944 г., прааналізавана гісторыя калгаса (з моманту яго ўтварэння ў 1948 г. да сучаснасці), раскрыты дасягненні і цяжкасці ў сацыяльна-эканамічным развіцці вёскі ва ўмовах яе перанаселенасці, выяўлены тэндэнцыі ў штодзённым жыцці жыхароў (сезонны адток працоўнай сілы, пераезд на пастаяннае жыхарства ў іншыя рэгіёны, развіццё прыватных гаспадарак пасля правядзення зямельнай рэформы ў пачатку 1990-х гг., іх уключэнне ў рынкавыя адносіны). У навуковы ўжытак упершыню ўведзены дакументальныя матэрыялы з фондаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці і Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Пінску.

Socio-Economic Development of the Village of Rubel, Stolin District (1945 – the Beginning of the XXI Century): Local History Research

The article is devoted to the history of the village of Rubel, Stolin district, Brest region of Belarus from the end of World War II to the beginning of the 21st century. It is shown how this village, which was completely burned down by the German Nazi occupiers in 1944, was revived in the post-war decades and turned into one of the largest rural settlements in the republic. The social and economic state of the local collective farm is reflected. The main trends in the daily life of the villagers are identified.

Уводзіны

Артыкул прысвечаны гісторыі аднаго з самых буйных сельскіх населеных пунктаў Беларусі – вёскі Рубель Давыд-Гарадоцкага (з 1961 г. – Столінскага) раёна Пінскай (з 1954 г. – Брэсцкай) вобласці і з’яўляецца працягам папярэдніх публікацый аўтара, у якіх даследавалася рэлігійнае жыццё мясцовага насельніцтва [1; 2]. У першае пасляваеннае дзесяцігоддзе самаадданай працай жыхароў вёска была адроджана і разбудавана, стала цэнтрам калгаса «Сцяг камунізму». У 1959 г. у вёсцы пражывала 4 668 чалавек, у 1970 г. – 5 565 чалавек, у 1979 г. – 5 403 чалавекі [3, с. 124].

Вывучэнне гісторыі раёнаў, гарадоў, сельскіх паселішчаў з’яўляецца запатрабаваным напрамкам у гістарычнай навуцы. Краязнаўства Беларусі і яе асобных рэгіёнаў на працягу шматлікіх дзесяцігоддзяў назапасіла ўжо сур’ёзны багаж ведаў.

Гісторыя Століншчыны выкладзена ў абагульняльнай гісторыка-дакументальнай хроніцы «Памяць» [4], у шматлікіх публіка-

цыях гісторыкаў, краязнаўцаў, этнолагаў, фалькларыстаў М. Баліцкага, М. Бразоўскага, В. Вабішчэвіча, Г. Вячоркі, С. Жлобы, В. Ліцвінкі, І. Ляшкевіча, М. Карсека, М. Пратасавіцкага, Л. Раманенкі, У. Сенькаўца, П. Украінец, М. Шэлежава і інш. Мовазнаўчымі даследаваннямі в. Рубель займаецца М. Пашкевіч, але асобных прац па гісторыі вёскі пакуль няма.

Мэтай артыкула з’яўляецца даследаванне сацыяльна-эканамічнага развіцця в. Рубель ад сканчэння Другой сусветнай вайны да пачатку XXI ст.

Для дасягнення пастаўленай мэты вызначаны задачы:

1) увесці ў навуковы ўжытак новыя крыніцы, выяўленыя ў фондах Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Пінску;

2) прааналізаваць сацыяльна-эканамічнае становішча вёскі ў 1945–1947 гг., станаўленне, развіццё мясцовага калгаса ў 1948–1991 гг., яго дасягненні і праблемы, колькасныя і якасныя паказчыкі сельскагаспа-

дарчай вытворчасці, эвалюцыю калектыўнай гаспадаркі на сучасным этапе (1991–2020 гг.);

3) адлюстраваць паўсядзённае жыццё жыхароў вёскі, іх занятасць, ступень вырашэння сацыяльных праблем.

Пасляваеннае аднаўленне. Дзейнасць калгаса ў 1948 – 1950-я гг.

У маі – чэрвені 1944 г. германскія нацысцкія акупанты абрабавалі і поўнасцю спалілі в. Рубель (730 дамоў), засталася толькі Свята-Міхайлаўская царква. Пасля вызвалення ад акупантаў ў ліпені таго ж года вяскоўцы вымушаны былі жыць у лесе, у зямлянках і шалашах («станках»). Складанай была санітарна-эпідэміялагічная сітуацыя: хваробы, холад і голад вялі да гібелі многіх уцалелых жыхароў.

Савецкай дзяржавай было адпушчана 28 тыс. м³ лесу, выдзелена больш за 1 млн руб. доўгатэрміновых крэдытаў, каля 1 млн руб. на набыццё хатняй жывёлы. Аднак востра адчуваўся недахоп мужчын, якія пайшлі на фронт і многія з якіх не вярнуліся. Не хапала цяглавай сілы, матэрыяльных сродкаў. Па стане на 29 жніўня 1945 г. у Рубельскім сельсавеце было пабудавана 345 дамоў (у в. Рубель – 274, у суседняй Хотамель – 19), 108 зрубаў (адпаведна 89 і 19) [5, арк. 154]. У сакавіку 1947 г. у Рубельскім сельсавеце самакрытычна прызнавалі, што пакуль мала звярталі ўвагі на дапамогу ў пабудове дамоў сем'ям, якія яшчэ жылі ў зямлянках [6, арк. 15]. Партыйныя ўлады намагаліся пабудаваць дамы і перасяліць людзей з зямлянак да 7 лістапада. Аднак і пазней многія жыхары працягвалі жыць у зямлянках ці па некалькі сем'яў у адной хаце.

На агульным сходзе сялян в. Рубель яшчэ 10 чэрвеня 1945 г. было ўзнята пытанне аб пабудове школы. Мікалай Рыгоравіч Хромчанка, прызначаны загадчыкам Рубельскай пачатковай школы, заклікаў агульнымі намаганнямі пабудаваць школу і прыступіць да гэтага «з наступнага дня» [7, арк. 23]. З 1946/47 навучальнага года загадчыкам Рубельскай пачатковай школы стала Марыя Іванаўна Старасценка. Яна «начала прыступать к оборудованию 3-х зданий под школы и добывать скамейки для учеников... В связи со свирепством брюшного тифа занятия в школе затянулись... Первые занятия начались с учениками 20 декабря 1946 г.» [6, арк. 21адв., 23]. У 1946/47

навучальным годзе школу наведвалі 560 дзяцей, у наступным 1947/48 – больш за 600. Тады не хапала настаўнікаў, падручнікаў, вучэбнага інвентару і інш. Замест сшыткаў і паперы пісалі на газетах і вуглём.

Былі распаўсюджаны інфекцыйныя захворванні – брушны тыф, адзёр, сухоты, шкарлятына, дыфтэрыя і інш. Масавага голаду ў пасляваенныя гады ўдалося пазбегнуць. Нярэдка з усходу прыходзілі галодныя людзі, якія прасілі ў сялян-аднаасобнікаў працы, каб атрымаць прадукты і іншыя неабходныя рэчы, ці мянлі рэчы на хлеб, набывалі зерне. За пуд зерня цана дасягала 600 руб. [8, арк. 21адв.].

Сяляне-аднаасобнікі былі абкладзены рознымі дзяржаўнымі падаткамі, прыцягваліся да лесанарыхтовак, дарожнага будаўніцтва і інш. Па загатоўках здавалі мяса, маляко, воўну і інш. Ухіліцца ад выканання было нельга, бо гэта расцэньвалася як сабатаж савецкай улады, а значыць, пагражала рэпрэсіямі.

Аб'ёмы лесанарыхтовак пастаянна павялічваліся дырэктывнымі патрабаваннямі зверху. На лесанарыхтоўках сяляне выкарыстоўвалі ўласных коней, усе працы праводзіліся ўручную піламі, сякерамі. Пры гэтым сяляне разумелі неабходнасць гэтай амаль бясплатнай працы на карысць савецкай дзяржавы. У канцы вайны і ў пасляваенныя гады драўніна была востра запатрабаванай для аднаўлення разбуранага.

20 сакавіка 1948 г. у в. Рубель быў створаны калгас з ідэалагізаванай назвай «Сцяг камунізму» (толькі ў 1992 г. яна была зменена на «Рубельскі»). Першым старшынёй калгаса ў 1948–1950 гг. быў мясцовы ўраджэнец, у час вайны – партызанскі сувязны, беспартыйны актывіст беларус Андрэй Паўлавіч Разановіч. Ён нарадзіўся ў 1904 г., меў 3 класы адукацыі.

У сялян заставалася моцнай прыватнаўласніцкая псіхалогія. На адным з пасяджэнняў бюро райкама партыі ў пачатку 1949 г. адзначалася, што «в колхозе имеются случаи захвата земли крестьянами-единоличниками, крайне неудовлетворительно поставлена трудовая дисциплина» [9, арк. 150]. Вясной 1950 г. было раздадзена аднаасобным гаспадаркам 154 га калгаснага сенакосу. На пасяджэнні бюро райкама адзначалася: «Едиличные крестьянские хозяйства в Рубельском сельсовете пользовались пахотной

землей в колхозном массиве... прилив единоличных крестьянских хозяйств в колхозы по сельсовету за последнее время совершенно прекратился... выход на работу колхозников составляет 15–50 % в день» [10, арк. 100].

На адным з партыйных сходаў у жніўні 1950 г. старшыні калгаса ўказалі на тое, што *«единоличники между сложеными в бабки снопами собирали колосья» [11, арк. 49].* У калгасе тады назіраліся факты крадзяжу: *«Семенную рожь воруют... Овсяная солома и мякина гниют, а у колхозников нет корма для своего скота... Вozy изломаны и не ремонтируются. Инвентарь до сих пор... не обобществлен... воруют колхозную рожь, а также сено, бульбу» [11, арк. 65].*

У межах узбудынення калгасаў адбылося аб'яднанне ў адну калектыўную гаспадарку рубельскага і суседняга хотамельскага імя М. Шверніка (існаваў з 19 жніўня 1949 г. пад кіраўніцтвам мясцовага актывіста Фёдара Піліпавіча Мазаля) калгасаў – у калгас «Сцяг камунізму». Статут новага калгаса быў прыняты на агульным сходзе 17 кастрычніка 1950 г. [12, арк. 1]. Старшынёй аб'яднанага калгаса стаў «ўсходнік» Пётр Акімавіч Паўлікаў (1897 г. н., рускі, камуніст з 1928 г., меў 7 класаў адукацыі).

Завяршэнне калектывізацыі ішло павольна. Як адзначалася на партсходзе 23 сакавіка 1951 г., на тэрыторыі Рубельскага сельсавета налічвалася яшчэ 240 аднаасобных гаспадарак, што прызнавалася «тормазам» у правядзенні калектывізацыі [12, арк. 18]. У красавіку 1951 г. у калгас уступіла толькі 30 сялянскіх гаспадарак.

Аб выніках працы калгаса «Сцяг камунізму» ў першыя гады існавання сведчыць справаздача з арганізаванага на яго базе 5–6 чэрвеня 1951 г. раённага лекторыя для старшын калгасаў. У 1950 г. у калгасе з 333 га было атрымана збожжавых па 16,8 ц з гектара, азімага жыта – больш за 21 ц з гектара, бульбы – 80 ц з гектара. Быў перавыкананы дзяржаўны план па жывёлагадоўлі. На фермах налічвалася 618 галоў буйной рагатай жывёлы, у тым ліку 115 дойных кароў, 403 авечкі, 123 свінні, 105 гусей, 112 курэй. Гадавы прыбытак калгаса складаў 253 тыс. руб. [13, с. 2]. У 1951 г. у калгасе налічвалася 824 сялянскія гаспадаркі, 842 га ворыўнай зямлі, 3 558 га сенажацяў, 964 га пашы, 444 га было занята лесам. Адбываўся

пераход да развіцця высокапрадуктыўнай жывёлы. У калгасе было пабудавана 6 тыпавых жывёлагадоўчых памяшканняў, разгорнута будаўніцтва іншых жывёлагадоўчых пабудоў: канюшняў, кароўнікаў, свінарнікаў, цялятнікаў, птушкафермаў і аўчарняў. Узводзіліся таксама калгасная кантора, пажарнае дэпо, майстэрні, сушылкі. Акрамя драўляных, будавалі цагляныя памяшканні, а таксама ўзводзілі глінаплятнёвыя, выкарыстоўвалі танны матэрыял – саман.

Развіццё калгаснай мяса-малочнай жывёлагадоўлі было прадвызначана наяўнасцю спрадвечу багатых на корм гарынскіх пойменных лугоў. У калгасе стваралася племянная ферма для кароў, якая выдзялялася высокімі надоямі малака з высокай тлустасцю (4–6 %). У 1949–1950 гг. беларускімі вучонымі былі праведзены ў Столінскім і Давыд-Гарадоцкім раёнах абследаванні сіментальскай пароды гарынскай буйной рагатай жывёлы, якая была вельмі прадуктыўнай, вызначалася добрымі малочнымі і мяснымі якасцямі. Лепшая жывёла была выяўлена ў Рубельскім, Веляміцкім, Беражноўскім, Белавушскім і Манькавіцкім сельсаветах, з яе амаль палова была сканцэнтравана на правабярэжжы р. Гарынь з цэнтрамі ў вёсках Рубель і Хотамель. Каровы важылі больш за 450 кг, давалі летам да 16 л тлустага малака. Амаль паўгода яны ўтрымліваліся на пашы, без дадатковых кармоў, былі ўстойлівымі да хваробаў. Менавіта калгас «Сцяг камунізму» стаў апорным пунктам па рабоце з гарынскай жывёлай. Яе вывучэнне, арганізацыя племянной і заатэчнай працы сталі з лістапада 1951 г. клопатам спецыялістаў Беларускага навукова-даследчага інстытута жывёлагадоўлі.

Другі іх пункт быў адкрыты ў 1954 г. у калгасе імя Леніна Беражноўскага сельсавета. Лепшая частка гарынскай жывёлы была прадстаўлена буйнымі каровамі пераважна малочна-мяснога тыпу. Па жывой вазе, малочнай прадуктыўнасці, тлушча-малочнасці, моцнай канстытуцыі і прыстасаванасці да мясцовых кармоў, кліматычных умоў гарынская жывёла з'яўлялася эканамічна мэтазгоднай для калгасаў усяго беларускага Палесся [15, с. 3–4; 16, с. 3].

Вучоныя названага інстытута праводзілі таксама доследы па вырошчванні на карбанатных суглінках эспарцэту – каштоўнай кармавой культуры з сямейства бабо-

вых, добрага меданоса (эспарцэт выкарыстоўваўся таксама як угнаенне).

На калгаснай свінаферме была завезена буйная белая парода свіней. Хутка на птушкаферме гадавалі курэй пароды леггорн. Акрамя жывёлаводаў (38 чалавек), у рубельскім калгасе было тады 11 паляводчых брыгад – па 100–150 працаздольных калгаснікаў у кожнай з іх, будаўнічая брыгада і брыгада па наапапенні кармоў. Займаўся і працаёмкім ільнаводствам. Пераважала ручная праца калгаснікаў. У час жніва жанчыны сярпамі зжыналі па 12–15 сотак збажыны [17, с. 2].

У пачатку 1950-х гг. у калгасе вырошчвалі кок-сагыз. Атрыманая з яго сыравіна (каўчуканос), так патрэбная для аўтамабільнай прамысловасці, была маларэнтабельнай, вельмі працаёмкай – фактычна грунтавалася на дармовай працы калгаснікаў за працадні. У 1951 г. была створана каўчукаводная брыгада з 5 звенняў. За здадзенае насенне і карэнне кок-сагызу калгас атрымаў больш за 100 тыс. руб. прыбытку. У 1952 г. было створана ўжо 7 звенняў каўчукаводаў (100 калгасніц) [18, с. 1; 19, с. 2].

Гарачы прыхільнік калгаснага ладу, старшыня П. Паўлікаў у лісце на імя першага сакратара Пінскага абкама Р. Мачульскага восенню 1951 г. патрабаваў узмацнення падатковага ўціску на сялян-аднаасобнікаў. Пры разборы гэтага ліста ў Давыд-Гарадоцкім райкаме партыі адзначалася, што раённыя фінансавыя і нарыхтоўчыя органы зрабілі «паслабленне» ў падатковай палітыцы. Было заяўлена, што ў Рубельскім і іншых сельсаветах «*более 50 % единоличных крестьянских хозяйств оказались не обложены, их доходы от земли и неземледельческие не учтены... коллективизация бедняцко-средняцких хозяйств в районе до сего времени не завершена*». Безумоўна, было прынята рашэнне аб чарговым наступе на сялян-аднаасобнікаў: «*Пересмотреть каждое единоличное хозяйство, выделить дополнительные источники дохода и в зависимости от этих источников произвести дополнительное обложение*» [14, арк. 102–103].

Рубельскі калгас стаў перадавой гаспадаркай, неаднаразова быў пераможцам на раённым, абласным і рэспубліканскім узроўнях, а ў 1954–1957, 1967, 1977, 1987 гг. прадстаўляў свае поспехі на ВДНГ у Маскве. За добра сумленную працу многія з кі-

раўнікоў, жывёлаводаў, механізатараў, паляводаў і іншых работнікаў былі адзначаны вышэйшымі дзяржаўнымі ўзнагародамі СССР: ордэнамі Леніна (1 чалавек), Кастрычніцкай Рэвалюцыі (2), Працоўнага Чырвонага Сцяга (9), Працоўнай Славы (4), Знак Пашаны (15), медалямі. Так, на Усеагульную сельскагаспадарчую выстаўку ў Маскву ў 1954 г. ад калгаса «Сцяг камунізму» ездзілі старшыня калгаса Пётр Паўлікаў, аграном Мікалай Кавернікаў, перадавікі вытворчасці – даярка Соф’я Машлякевіч, свінарка Яўгенія Канапліцкая і інш. Даярка Соф’я Машлякевіч атрымала два залатыя медалі ВДНГ. У 1958 г. яна была ўзнагароджана ордэнам Леніна.

Нягледзячы на поспехі, матэрыяльнае стымуляванне працы калгаснікаў было слабым: звычайна ў канцы года яны атрымлівалі за працадні плату натурай. У час «хрушчоўскай адлігі» пачалося абмежаванне прысядзібнай гаспадаркі калгасных сялян. «*В колхозе нужно иметь 2 000 голов крупного рогатого скота, а каждый колхозник должен иметь одну корову, – заяўлялася на адным з партыйным сходаў у 1956 г. – Колхозники имеют по 2–3 головы коров... колхозный скот нет где пасты, потому что скот индивидуальных хозяйств преобладает*» [20, арк. 22адв.].

У 1957 г. ад калгасаў запатрабавалі строга захоўваць статуты сельскагаспадарчай арцелі. На сходзе раённага партыйнага актыву «прэтэнзіі» прад’явілі і да рубельскага калгаса. «*У большасці сельгасарцеляў многія калгаснікі мелі ў асабістым карыстанні па 2 каровы, а некаторыя нават па 3, 5, 7 галоў буйной рагатай жывёлы. У калгасе “Сцяг камунізму” справа дайшла да таго, што асобныя з іх сталі абзаводзіцца коньмі... У калгасе “Сцяг камунізму” пры ўнясенні змен у Статут сельгасарцелі не прадугледзелі скліканне агульных сходаў калгаснікаў. Усе пытанні калгаснага жыцця рашаюць упаўнаважаныя... Замест належнага выхавання калгаснікаў кіраўнікі калгаса “Сцяг камунізму” ўвялі заганны метады адміністравання і незаконнае штрафаванне*» [21, с. 2]. Змены і дапаўненні да Статута калгаса былі прыняты на агульным сходзе калгаснікаў 29 снежня 1957 г. Былі ўстаноўлены памеры прысядзібных участкаў: 0,3 га для сем’яў, што выпрацавалі мінімум працадзён, калі не выпрацоўвалі, то аб-

мяжоўвалі толькі 0,15 га. Калгаснікам дазвалялася мець толькі адну карову з прыплодам, адну свінаматку з прыплодам, усяго да 5 авечак і коз. Лішняю жывёлу трэба было неадкладна абагуліць і атрымаць за яе грошы па цэнах дзяржзакупаў [22, арк. 11].

Адбывалася ссяленне хутароў. У Рубельскім сельсавеце ў 1957 г. патрабавалася выселіць з хутароў 93 двары [23, арк. 27], найперш з Ямнішча, Бераставага, Борак. Увесь працэс ссялення хутароў меркавалася завяршыць да 1959 г. Перасяленцы атрымалі пэўныя ільготы: на 3 гады іх вызвалілі ад выплаты сельскагаспадарчага падатку, паставак дзяржаве бульбы, прадуктаў жывёлагадоўлі, акрамя малака, давалі лесаматэрыял, выдзялялі пазыку. Аднак ссяленне хутароў ішло павольна. У сярэдзіне 1957 г. у Давыд-Гарадоцкім раёне было пераселена толькі 240 двароў (24 % ад гадавога плану). *«При сселении допускаются серьезные ошибки, не всегда переселяющийся может получить транспортные средства и тяговую силу для перевозки своего дома с хутора»* [24, арк. 297–298]. Вясной 1963 г. у калгасе «Сцяг камунізму» яшчэ заставаліся 20 хутарскіх двароў, аднак да канца лета перасялілі толькі дзве гаспадаркі. *«Многие дома колхозников требуют капитального ремонта при переноске жилых домов, но фонда лесоматериала не имеется, и мы не можем начать эту работу»*, – засведчылі ў Рубельскім сельсавеце і звярнуліся за дапамогай да раённых уладаў [25, арк. 11, 39–40]. Ссяленне з хутароў улады тлумачылі патрэбамі абагульнення зямлі, жывёлы, інвентару ў калгасах, неабходнасцю далучэння да лепшага, больш уладкаванага жыцця. Аднак з ліквідацыяй гэтага тыпу традыцыйных паселішчаў (хутароў) згубілася іх этнакультурная асаблівасць.

Калектывізацыя паспрыяла сацыяльна-культурнаму будаўніцтву ў сельскай мясцовасці: разгарнулася ліквідацыя непісьменнасці, перайшлі да 7-гадовай адукацыі, праводзілася электрыфікацыя, радыёфікацыя, дарожнае будаўніцтва, налажвалася медыцынскае і бытавое абслугоўванне, стваралася сетка культурна-асветніцкіх устаноў (хатаўчытальняў, клубаў). Была распачата меліярацыя беларускага Палесся, ажыццяўлялася механізацыя сельскагаспадарчай вытворчасці і інш.

У студзені 1953 г. быў узведзены двухпавярховы будынак Рубельскай сярэдняй школы на 500 вучняў. Першы выпуск Рубельскай сярэдняй школы адбыўся ў 1955 г. У 1956 г. у Рублі быў адкрыты клуб з глядзельнай залай на 600 месцаў. На паштовае адзяленне прыходзіла 1 100 газет і часопісаў па падпісцы. Была праведзена электрыфікацыя і радыёфікацыя калгасных вёсак, створаны радыёвузел. Працавалі пяць крамаў у Рублі і адна ў Хотамлі, закусачная і хлебапякарня, дзейнічала піларамы, млын. Калгас пераўтвараўся ў шматгаліновую калектывную гаспадарку. У красавіку 1958 г. была адкрыта Рубельская ўчастковая бальніца на 25 месцаў.

Гаспадарчае жыццё ў 1960–1980-я гг. Сучасны перыяд

Пасля Гаўрыіла Платонавіча Бойкі, які быў кіраўніком гаспадаркі ў 1957–59 гг., у ліпені 1959 г. старшынёй калгаса «Сцяг камунізму» быў зацверджаны Васіль Барысавіч Бялко (1923 г. н., беларус, член КПСС, меў сярэдняю адукацыю). Распачатая ў канцы 1950-х гг. меліярацыя дазволіла пашырыць ворыўныя землі і культурныя пашы, якія далі магчымасць значна павялічыць вытворчасць малака і мяса. У калгасе працягвалася паляпшэнне пагалоўя статку, механізацыя жывёлагадоўлі. Для павышэння надояў малака дойны статак у пашавы перыяд пераводзілі ў лагеры, для яго ствараўся г. зв. зялёны канвеер, які дазваляў падкормліваць кароў да глыбокай восені.

У 1959 г. баланс ворных зямель калгаса папоўнілі першыя 150 га асушаных тарфянікаў. Асушаныя балоты пераўтвараліся ў высокаўрадлівыя землі, дзе збіраліся добрыя ўраджаі збожжавых і прапашных культур. Частка асушаных балотных зямель стала залужвацца для стварэння шматгадовай культурнай пашы – яе засявалі цімафееўкай, канюшынай ці іншымі травамі [26, с. 3]. За кошт асвоеных тарфянікаў умацоўвалася кармавая база калгаса.

Нягледзячы на ўсе недахопы тагачаснай меліярацыі, у першыя гады новыя землі давалі высокія ўраджаі. У засушлівы 1963 г. на тарфяніках былі атрыманы добрыя ўраджаі: бульбы – па 200–220 ц з гектара, карняплодаў цукровых буракоў – па 300 ц з гектара, высокаўраджайнымі былі пасевы льну.

У час «хрушчоўскай адлігі» адной з праяў валюнтарызму была адмова ад травапольнай сістэмы землекарыстання быццам на карысць больш прагрэсіўнай прапашной. Гэта азначала, што замест пасеваў шматгадовай травы трэба было разворваць лугі і засяваць іх кукурузай («царыцай палёў») ці іншымі культурамі. Гэтае разворванне лугоў пагражала развіццю жывёлагадоўлі ў рубельскім калгасе, бо ў немалой ступені за кошт тарфянікаў гаспадарка з году ў год павялічвала вытворчасць прадуктаў жывёлагадоўлі, зніжала сабекошт прадукцыі. Калі зверху паступіў загад пераараць сеяныя травы, то цэлы год В. Бялко ўдавалася неяк адмаўляцца ад гэтага, але ў 1963 г. пасля чарговай нарады прыйшлося здацца: усе травы перааралі, пасялі прапашныя культуры на корм [27, с. 3]. Аднак выйгрышу ад гэтага не было, а, наадварот, павысіўся сабекошт малака, знізілася яго валавая вытворчасць.

Меліярацыя праводзілася павольна. Да 1965 г. забалочанасць зямель калгаса дасягала яшчэ 80 % [28, арк. 98]. Землі асушаліся адкрытай сеткай з разлікам на скідванне вады праз равы ў р. Гарынь. Аднак у засушлівы год вада поўнасю выходзіла з глебы, у звычайны год летам назіраўся востры дэфіцыт вільгаці ў глебе, у дажджлівы год, пасля паводак, гэтыя землі доўга знаходзіліся пад вадой.

Тэмпы меліярацыі беларускага Палесся павялічыліся пасля майскага (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Меліярацыя зямель на Палессі была аб'яўлена Усесаюзнай ударнай камсамольскай будоўляй. З 1970-х гг. схема асушэння і асваення зямель Палескай нізіны была відазменена з улікам дапушчаных раней пралікаў. У ходзе выканання комплекснага асваення зямель беларускага Палесся ў 1976–1980-я гг. меркавалася пераўтварыць гэтыя землі ў зону высокапрадуктыўнай мяса-малочнай жывёлагадоўлі.

У 1967 г. з дапамогай магутнай меліярацыйнай тэхнікі пачаўся чарговы этап у асушэнні балотаў у калгасе «Сцяг камунізму»: да 1970 г. калгасу ўдалося павялічыць плошчу ворнай землі на 320 га. Назіраўся рост вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі і яе рэалізацыі, асабліва ў раслінаводстве. За 1966–1970 гг. у 2 разы ўзрасла валавая вытворчасць збожжа і склала 1 528 т. Адбыўся і рост ураджайнасці збожжавых:

асобныя ўчасткі азімай пшаніцы і ячменю давалі па 35–40 ц з гектара. Рэзервам для далейшага павелічэння вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі старшыня калгаса В. Бялко лічыў рацыянальнае выкарыстанне тарфяна-балотных глебаў [29, с. 3]. Зыходзячы з мясцовых кліматычных умоў, асабліва сцей глебаў, з кармавых культур найбольш каштоўнымі з'яўляліся збожжавыя (авёс, ячмень), бульба, буракі, морква, кукуруза, лубін, канюшына, цімафееўка і інш. Да 1975 г. дзяржава перадала калгасу 2 тыс. 308 га меліяраваных зямель [28, арк. 101]. Паспяхова развівалася льнаводства. Па выніках працы 1967 г. брыгада Антона Іванавіча Гляда, звяно Надзеі Рыгораўны Каляды ўдзельнічалі ў ВДНГ у Маскве. Удзельнічала ў выстаўцы на ВДНГ звеннявая-льнавод Анастасія Андрэеўна Агіевіч.

У ходзе разгорнутай у краіне ў 1965 г. эканамічнай рэформы прадпрыемствы і калгасы пераводзіліся на гаспадарчы разлік. У калгасе «Сцяг камунізму» першай перайшла на гаспадарчы разлік агародная брыгада, а потым і ўсе астатнія. Пры высокім сабекошце кармавой адзінкі рэнтабельнасць жывёлагадоўлі была нізкай.

Па асноўных паказчыках сельскагаспадарчай вытворчасці калгас «Сцяг камунізму» да сярэдзіны 1970-х гг. пераўзыходзіў сярэднярэспубліканскія паказчыкі, хоць ужо не быў сярод лідараў. Так, у 9-й пяцігодцы (1971–1975 гг.) у параўнанні з 8-й (1966–1970 гг.) вытворчасць валавай прадукцыі ў калгасе вырасла на 23 %, асабліва павялічыўся валавы збор збожжавых, вытворчасць мяса. Ураджайнасць збожжавых культур павялічылася з 16,3 да 26,3 ц з гектара [30, арк. 14]. У 1976 г. ураджайнасць збожжавых ужо складала 30,7 ц з гектара (гэта было менш, чым у перадавых на той час калгасах Столінскага раёна – калгасе імя Леніна (Беражное) – 34,1 ц з гектара і «За Радзіму» – 39,5 ц з гектара); бульбы – 161,3 ц з гектара, кармавых карняплодаў – 348 ц з гектара. Жывёлагадоўля тады аказалася стратнай з-за слабай укармленасці рэалізаванай жывёлы.

Мірная, стваральная праца калгаснікаў была азмрочана трагедыяй 12 чэрвеня 1963 г. на паромнай пераправе на р. Рубельскай, калі загінулі 10 чалавек (сем жанчын і трое дзяцей), якія накіроўваліся на праполку лёну. Грубыя парушэнні пры вырабе і эксплуата-

цыі парома, халатныя адносіны кіраўнікоў і спецыялістаў, ігнараванне тэхнікі бяспекі, уласная бяспечнасць людзей – усё разам прывяло да той трагедыі.

З 3 кастрычніка 1976 г. новым старшынёй калгаса «Сцяг камунізму» стаў Мікалай Пятровіч Ярмоліч (1942 г. н.). Ён выкарыстоўваў вопыт перадавых гаспадарак Брэстчыны, у прыватнасці калгаса «Аснежыцкі», які ўзначальваў двойчы Герой Сацыялістычнай Працы Уладзімір Антонавіч Ралько. Кіраўніцтва калгаса «Сцяг камунізму» вырашыла праводзіць сістэматычную і мэтанакіраваную працу па карэнным паляпшэнні зямлі, яе ўрадлівасці, і асабліваю ўвагу патрэбна было надаваць угнаенню глебы. У жывёлагадоўлі патрабавалася паляпшаць племянныя і прадуктыўныя якасці жывёлы. З дапамогай дзяржавы і ўласнымі сіламі працягвалася асушэнне забалочаных зямель, стварэнне там культурнай пашы. Калі М. Ярмоліч стаў старшынёй калгаса, то гаспадарка мела 2,5 млн руб. запасычанаасці Дзяржбанку. Магчымасці паляпшэння пазіцый калгаса ён бачыў у рацыянальным выкарыстанні ўнутраных рэзерваў. Менавіта ў 1976 г. упершыню за апошнія тры гады быў атрыман прыбытак – 70,7 тыс. руб. [32, арк. 11–12]. У 1977 г. калгас «Сцяг камунізму» быў ізноў прадстаўлены на ВДНГ у Маскве, а ў 1987 г. стаў пераможцам рэспубліканскага спаборніцтва за паспяховае выкананне Харчовай праграмы.

У 1978 г. ураджайнасць збожжавых у калгасе склала 37,7, бульбы – 208, кармавых карняплодаў – 620 ц з гектара, а надоі малака дасягнулі 4 тыс. л ад каровы [33, арк. 42].

У 1984 г. з аднаго гектара меліяраваных зямель у пераліку на кармавыя адзінкі было атрымана больш за 48,8 ц з гектара, а ў трэцяй брыгадзе – па 53,4 ц з гектара. Усяго ў калгасе было сабрана па 32 ц збожжавых з гектара [34, арк. 98–99]. Калгас выконваў планы па вытворчасці і продажы дзяржаве мяса, малака, ільносемені і інш.

У 10-й пяцігодцы (1976–1980 гг.) рубельскі калгас спецыялізаваўся па вытворчасці малака, гадаванні племянных цялушак. Былі перабудаваны старыя і пабудаваны новыя памяшканні для малочнага статку і адкорму маладняку, узводзіўся комплекс на 600 галоў. У раслінаводстве калгас спецыялізаваўся на вытворчасці ільновалакна, вырошчванні гародніны. Пры вырошчванні

лёну ўкараняліся новыя прагрэсіўныя тэхналогіі. Таксама рабіўся акцэнт на вырошчванні кукурузы на корм [32, арк. 15].

Не чакаючы чарговай вялікай меліярацыі, у калгасе праводзілі працу па частковай абароне зямель (больш за 3 тыс. га) ад затаплення паводак сярэдняга ўзроўню. Удалося абараніць ад затаплення паўднёвую частку калгасных зямель (больш за 1 тыс. га). Аднак гаспадарка працягвала цяпець ад паводак: восенню 1974 г. і асабліва падчас вялікай паводкі ў сакавіку – красавіку 1979 г. (апошняя вялікая паводка была ў сакавіку 1999 г.). У пачатку 1980-х гг. пайшлі на перазалужэнне асобных зямель [34, арк. 102]. У 1985 г. калгас меў 2 308 га зямель, якія раней былі балотамі.

Адбывалася далейшае добраўпарадкаванне на тэрыторыі Рубельскага сельсавета. У лістападзе 1978 г. быў уведзены ў эксплуатацыю трохпавярховы будынак Рубельскай сярэдняй школы на 1 176 вучняў.

З сярэдзіны 1980-х гг. больш увагі было звернута на арганізацыю адпачынку калгаснікаў і моладзі. Сельскі дом культуры наладжваў такія святы, як Провады зімы, 8 Сакавіка, Свята песні і працы, абрад Купалля, праводзіў вечары адпачынку моладзі і работнікаў калгаса. Рубельскі сельсавет праводзіў працу па добраўпарадкаванні, паляпшэнні санітарнага стану вёсак. У пачатку 1986 г. быў створаны культурна-спартыўны комплекс, які ўключаў Рубельскі сельскі дом культуры, Хотамельскі сельскі клуб, савет фізкультурнікаў і інш. Папулярнасцю не толькі сярод аднавяскоўцаў, але і ва ўсім Столінскім раёне карыстаўся да 1990-х гг. мясцовы ВІА «Верныя сябры». На тэрыторыі сельсавета працавалі 3 бібліятэкі, у тым ліку адна дзіцячая, пры якой з 1989 г. дзейнічаў лялечны тэатр «Сонейка» [35, арк. 39]. У 1989 г. у в. Хотамель была адкрыта сярэдня школа.

Мясцовыя каманды па валејболе і футболе пастаянна займалі прызавыя месцы. У калгасе назаўжды застаўся кубак па футболе на прыз «Залатая восень». У вёсцы працаваў філіял Давыд-Гарадоцкай спартыўнай школы. Асаблівае развіццё атрымала веславанне на байдарках і каноэ. Рубельскія выхаванцы прымалі актыўны ўдзел у спартыўных мерапрыемствах абласнога, рэспубліканскага і ўсесаюзнага ўзроўняў, атрымліваючы розныя ўзнагароды.

Разам з тым абсалютызацыя інтарэсаў калгаса і ігнараванне асабістых інтарэсаў яго работнікаў прывялі летам 1989 г. да забастоўкі калгаснікаў, у выніку якой старшыня калгаса М. Ярмоліч быў вымушаны пакінуць гаспадарку. У ліпені 1989 г. калгас «Сцяг камунізму» ўзначаліў Вячаслаў Іванавіч Нагар (1942 г. н.). З 1 студзеня 1990 г. калгас быў пераведзены на поўны ўнутрыгаспадарчы разлік. Атрымалі развіццё розныя формы падраду, пачалі стварацца спецыялізаваныя кааператывы.

Вяскоўцы ў сваіх прысядзібных гаспадарках традыцыйна трымалі кароў, ад якіх здавалі малако, гадавалі цялят, свіней. У 1950–80-я гг. працаздольнае насельніцтва шматлюднай вёскі Рубель не было забяспечана працай. Напрыклад, у пачатку 1990-х гг. у Рубельскім сельсавеце пастаяннае месца працы мелі толькі каля чвэрці жыхароў. На працягу многіх дзесяцігоддзяў штогод выязджала з вёскі не менш за тысячу працаздольных дарослых на сезонныя работы ў розныя рэгіёны СССР («на цаліну», «у Сібір»). Мужчыны займаліся там пераважна будаўніцтвам і рамонтам, жанчыны – апрацоўкай і ўборкай сельскагаспадарчых культур. З заробкаў прывозілі грошы, а таксама зерне, сена, будаўнічыя матэрыялы, запчасткі і інш. Некаторыя з вяскоўцаў вырошчвалі насенне кветак, гародніны для іх далейшага продажу («ездзілі на вёсну»). Пасля выхаду пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР «Аб мерах па ўзмацненні барацьбы з непрацоўнымі даходамі» ад 15 мая 1986 г. парткам калгаса распрацаваў свой адпаведны план мерапрыемстваў: *«Пастаянна выявляць факты выезда гражданаў тавароваць семенамі цвечных і овоцных культур, факты імевішыя месца, абсуждаць в трудовых коллективах. Привлекать к административной ответственности лиц, допускающих нарушение законодательства, а также постановления советских органов. Давать принципиальную оценку руководителям, покрывающим выезд гражданаў на тавароваць семенамі без разрешения и соответствующих документов»* [33, арк. 82–83].

Акрамя працаўладкавання, у в. Рубель востра адчуваўся недахоп зямлі, кармоў для буйной рагатай жывёлы мясцовых жыхароў (мала было сенакосаў), паліва (торфу, дроў), дзелавой драўніны для забудовы. Перанаселенасць паўплывала на ад-

ток моладзі з 1970-х гг. на вучобу ці месцажыхарства, працоўную дзейнасць у розныя рэгіёны Беларусі і за яе межы.

З прыходам новага старшыні калгаса В. Нагара было знята напружанне з сенакосамі для насельніцтва, бо раней яны былі вельмі абмежаваны з-за наяўнасці шматлікага пагалоўя жывёлы ў калгасе. Як адзначалася ў сельсавеце, калгас павялічваў пагалоўе жывёл *«с каждым годам “бездумно”, потому что это выгодно было государству, но не людям»* [36, арк. 57]. У пачатку 1993 г. патрабавалася 2 тыс. т сена для грамадскага статку і 4 тыс. т для жывёлы жыхароў [37, с. 1–2].

У час старшынства В. Нагара для вырашэння пытання аб працаўладкаванні людзей былі адкрыты пабочныя вытворчасці: цэх па вырабе шлакаблокаў, звераферма, сажалкі, пасекі, наладжана пляценне мэблі з лазы, пабудаваны льнозавод і інш. Былі пашыраны ў калгасе пасевы лёну да 120 га (далейшае павелічэнне плошчаў было немагчыма з-за недахопу зямлі). Адкрыты восенню 1992 г. ільнозавод, што перапрацоўваў ільнотрасту, акупіўся за адзін сезон і даў прыбытак, яго рэнтабельнасць складала 100 %. Дырэктарам ільнозавода стаў былы галоўны аграном, намеснік старшыні калгаса Васіль Аляксандравіч Пашкевіч. На дадатковых вытворчасцях у калгасе было створана да 300 новых працоўных месцаў.

З 1992 г. была праведзена зямельная рэформа. Для яе ажыццяўлення для Рубельскага сельсавета было перададзена 3 028 га зямлі, у т. л. 493 га ворыва, 630 га сенажаццёў, 1 235 га пашы і 350 га для прысядзібных участкаў. Калі да зямельнай рэформы ў карыстанні кожнага сялянскага двара было 0,31 га зямлі, то ў выніку яе сумарная плошча дасягнула 0,5 га [38, арк. 3]. Наогул В. Нагар быў прыхільнікам адраджэння сялянскай гаспадарлінасці [39, с. 2]. Як бачым, ва ўмовах перанаселенасці і абмежаванасці зямельнага фонду ў рубельскай гаспадарцы пайшлі не па шляху развіцця фермерства, а паводле прынцыпу сацыяльнай справядлівасці раўнамерна размеркавалі зямлю паміж сялянскімі дварамі.

У снежні 1996 г. калгас узначаліў Васіль Аляксандравіч Пашкевіч (1954 г. н.). У 1997 г. рост вытворчасці сельскагаспадарчай вытворчасці склаў 33 %, рэнтабельнасць – 13 % [40, с. 3].

У 2002 г. калгас «Рубельскі» быў рэарганізаваны ў сельскагаспадарчы вытворчы кааператыў «Рубельскі». У 2004–2007 гг. і з 2015 г. ім кіруе Аляксандр Іванавіч Ляшкевіч (у 2007–2015 гг. кіраўніком гаспадаркі быў Віктар Васільевіч Дзяніскавец). З 25 снежня 2006 г. Рубель стаў аграгарадком.

Чарнобыльская аварыя 1986 г., распад Савецкага Саюза, станаўленне Рэспублікі Беларусь, эканамічны крызіс і пашырэнне рынкавых адносін аказалі ўплыў і на ўклад жыцця рубельцаў.

Пасля правядзення зямельнай рэформы спачатку вяскоўцы сеялі збожжавыя культуры, потым сталі вырошчваць гародніну (моркву, капусту, сталовыя буракі), а ў парніках – агуркі. Рэзка павялічылася (да 700–900) у жыхароў Рубельскага сельсавета палогоўе коней, а таксама буйной рагатай жывёлы (з 1,3 да 1,5 тыс.), свіней (з 2,8 тыс. да 3,5 тыс., з іх больш за 1 тыс. свінаматкі) [41, с. 2].

Адбывалася паляпшэнне транспартнай інфраструктуры, аб'ектаў сацыяльнай сферы. У снежні 1996 г. у в. Рубель быў пабудаваны мост, а ў кастрычніку 2001 г. адкрыты пантонны мост на р. Гарынь на дарозе Рубель – Беражное. Узведзеныя дамбы цяпер ужо дазваляюць засцерагчы вёску ад заталення.

У красавіку 2015 г. у Рублі быў адкрыты дзіцячы сад № 2, у чэрвені 2018 г. у аграгарадку Рубель адбыўся ўрачысты пуск прыроднага газу.

Аднак фінансавае становішча КСУП «Рубельскі» стала крытычным. На дапамогу ў 2019 г. прыйшла фермерская гаспадарка «Опыт КАА» А. А. Копца.

Заклучэнне

Самаадданай працай людзей у першыя пасляваенныя гады была адноўлена в. Рубель, спаленая германскімі нацысцкімі акупантамі ў 1944 г. Сяляне-аднаасобнікі

былі абкладзены рознымі дзяржаўнымі падаткамі, выконвалі лесанарыхтоўкі і інш. Прыватнаўласніцкія інтарэсы сялян стрымлівалі працэс калектывізацыі. Аднак створаны ў 1948 г. мясцовы калгас паступова ператварыўся ў 1950-я гг. у адзін з перадавых у раёне і вобласці. Калектывізацыя паспрыяла сацыяльна-культурнаму будаўніцтву ў вёсцы. У ходзе праведзенай меліярацыі балоты пераўтвараліся ў высокаўрадлівыя землі, была створана культурная паша.

У 1960–1980-я гг. калгас «Сцяг камунізму» – гэта ўжо шматгаліновая гаспадарка. Яна прайшла шлях ад сельскагаспадарчай арцелі да сельскагаспадарчага вытворчага кааператыву, калектывнага сельскагаспадарчага ўнітарнага прадпрыемства. У розны час кіравалі гэтай гаспадаркай А. П. Разановіч (1948–1950), П. А. Паўлікаў (1950–1957), Г. П. Бойка (1957–1959), В. Б. Бялко (1959–1976), М. П. Ярмоліч (1976–1989), В. І. Нагар (1989–1996), В. А. Пашкевіч (1996–2004), В. В. Дзяніскавец (2007–2015), А. І. Ляшкевіч (2004–2007, з 2015).

Аднак шэраг пытанняў, сярод якіх працаўладкаванне дарослага насельніцтва, слабае забеспячэнне палівам, пашай і кармамі для хатняй жывёлы і інш., на працягу дзесяцігоддзяў не атрымлівалі станоўчага вырашэння ва ўмовах перанаселенасці, ігнаравання інтарэсаў жыхароў прысядзібных гаспадарак на карысць калгаснай вытворчасці. Частка вяскоўцаў вымушана была часова выбываць на сезонныя будаўнічыя і сельскагаспадарчыя работы, некаторыя (асабліва моладзь) выязджалі з 1970-х гг. на вучобу ці на пастаяннае жыхарства ў розныя рэгіёны Савецкага Саюза. Да вырашэння праблемы занятасці больш сур'ёзна падышлі ў пачатку 1990-х гг. У ходзе зямельнай рэформы адбылося раўнамернае размеркаванне зямлі паміж сялянскімі дварамі паводле прынцыпу сацыяльнай справядлівасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Вабищевич, А. Н. Рубельский православный приход на Столинщине (конец XVIII – начало XX в.) / А. Н. Вабищевич // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2018. – № 1. – С. 17–27.
2. Вабищевич, А. Н. Рубельский православный приход на Столинщине (1920-е гг. – начало XXI в.) / А. Н. Вабищевич // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2020. – № 1. – С. 5–17.

3. Вабішчэвіч, А. Рубель / А. Вабішчэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–2003. – Т. 6 : у 2 кн. – Кн. 1. – 2001. – С. 124.
4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Столінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 635 с.
5. Занальны дзяржаўны архіў у г. Пінску (ЗДАП). – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 44а.
6. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 10.
7. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 1.
8. Летаніс Рубельскай Свята-Міхайлаўскай царквы : рукапіс.
9. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 2220-п. Воп. 1. Спр. 72.
10. ДАБр. – Ф. 2220-п. Воп. 1. Спр. 94.
11. ДАБр. – Ф. 2220-п. Воп. 15. Спр. 274.
12. ДАБр. – Ф. 2220-п. Воп. 15. Спр. 276.
13. Чырвоны сцяг. – 1951. – 10 чэрв.
14. ДАБр. – Ф. 2220-п. Воп. 1. Спр. 122.
15. Чырвоны сцяг. – 1956. – 19 кастр.
16. Сцяг Леніна. – 1958. – 6 жніўня.
17. Чырвоны сцяг. – 1952. – 17 жніўня.
18. Чырвоны сцяг. – 1951. – 7 чэрв.
19. Чырвоны сцяг. – 1952. – 7 лют.
20. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1313.
21. Сцяг Леніна. – 1957. – 4 верас.
22. ЗДАП. – Ф. 105. Воп. 1. Спр. 1а.
23. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 65.
24. ДАБр. – Ф. 2220-п. Воп. 1. Спр. 201.
25. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 96.
26. Сцяг Леніна. – 1960. – 19 кастр.
27. Навіны Палесся. – 1965. – 11 мая.
28. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1348.
29. Навіны Палесся. – 1970. – 22 снеж.
30. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1336.
31. ЗДАП. – Ф. 105. Воп. 1. Спр. 120.
32. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1337.
33. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1350.
34. ДАБр. – Ф. 2228-п. Воп. 56. Спр. 1348.
35. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 307.
36. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 312.
37. Навіны Палесся. – 1993. – 24 лют.
38. ЗДАП. – Ф. 936. Воп. 1. Спр. 316.
39. Заря. – 1990. – 21 сент.
40. Навіны Палесся. – 1998. – 25 лют.
41. Навіны Палесся. – 1999. – 11 снеж.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.11.2020

УДК 94(476-15):304.2«1944/1959»

Евгения Юрьевна Занько

*ст. преподаватель каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Evgeniya Zanko

*Senior Lecturer of the Department of History of Slavic Peoples
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: evgeniyazanko@yandex.by

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО И ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР (1944–1950-е гг.)

Рассмотрены характерные черты и особенности восстановления музейного дела в западных областях БССР. Анализируется деятельность музеев на территории западных областей БССР в послевоенный период. Изложенный материал в основном базируется на данных Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Брестской области, Государственного архива Гродненской области, значительная часть которых введена в научный оборот впервые.

Restoration of Museum Business and Protection of Historical and Cultural Heritage in the Western Regions of the BSSR (1944–1950)

This article discusses the characteristic features and features of the restoration of the Museum business in the Western regions of the BSSR. The author analyzes the activity of museums in the Western regions of the BSSR in the post-war period. The presented material is mainly based on data from the National archive of the Republic of Belarus, the State archive of the Brest region, And the state archive of the Grodno region. A significant part of which was introduced into scientific circulation for the first time.

Введение

Актуальность темы возрождения и развития музейного дела в первые послевоенные десятилетия заключается в том, что долгое время она не исследовалась. Многие вопросы являются неоднозначными, спорными и требуют тщательного изучения.

Тема восстановления музеев после Великой Отечественной войны представлена в современной белорусской историографии. В первую очередь это монография А. А. Гужаловского [1], в которой освещается деятельность музеев в Беларуси с начала Великой Отечественной войны и до обретения Беларусью независимости. Аспекты восстановления и развития музеев на территории западных областей БССР нашли отражение в ряде публикаций белорусских исследователей, среди которых выделяются работы О. Ю. Лесной [2] и А. А. Добрян [3].

Определенный материал о послевоенном восстановлении музеев содержится в книге «Памяць», посвященной г. Бресту [4] и «Гісторыя Пінска ад старажытнасці да су-

часнасці» [5]. Целью данной публикации является исследование восстановления и развития музейного дела в послевоенный период в западных областях БССР в 1944–1950-х гг. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1) дать характеристику организации восстановительных мероприятий системы Наркомпроса БССР и Управления по делам искусств на территории западных областей БССР;

2) выявить основные проблемы и трудности в воссоздании и развитии музейных учреждений.

Основные направления музейного дела в западных областях БССР

В первые послевоенные годы ведущая роль в охране и изучении исторических памятников принадлежала музеям. Для восстановления и развития музейной сети БССР необходимо было провести ряд мероприятий административно-управленческого и методического характера. В первую очередь это касалось возобновления деятельности органов руководства музеев в масштабах республики. Восстановленные и вновь открытые для посетителей музеи состояли в ведении системы Наркомпроса БССР

Навуковы кіраўнік – А. М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

и Управления по делам искусств. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 24 апреля 1945 г. был организован Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК БССР на правах республиканского наркомата, при исполкомах областных, городских Советов депутатов трудящихся – отделы культпросветработы, при райисполкомах – штат инспекторов культпросветработы. В структуре Комитета действовал отдел Управления музеев, возглавляемый В. Л. Венюковым – специалистом с большим организаторско-управленческим музейным опытом [1, с. 172; 2, с. 96–97].

Следует отметить, что перед началом войны в БССР действовало 26 музеев. Ущерб, нанесенный от потери музейных зданий и коллекций, Чрезвычайная государственная комиссия определила в 317 млн руб. [6, л. 1]. Согласно данным комиссии, с 1941 по 1944 г. было уничтожено 10 музеев, ущерб составил 163,4 млн руб. Кроме того, было разграблено еще 8 белорусских музеев. Среди них областной художественный музей г. Барановичи, художественный музей г. Белостока, созданный накануне войны [7, с. 182]. Так, из Барановичского областного художественного музея оккупанты вывезли более 200 картин западноевропейских и советских художников, белорусские иконы и деревянные скульптуры XVII–XVIII вв., предметы декоративно-прикладного искусства, большую библиотеку по истории искусства. Из Гродненского историко-археологического музея было вывезено около 200 предметов декоративно-прикладного искусства, 4 370 старых монет и медалей, 626 книг и 45 картин. Кроме этого, из Гродно пропало около 20 личных вещей писательницы Э. Ожешко. Природоведческие собрания С. П. Живна с риском для жизни удалось спрятать от немецко-фашистских захватчиков работнику музея А. К. Звержевичу. Из Пинского областного историко-краеведческого музея были целиком вывезены отдел нумизматики, коллекция стекла, ковры, мебель, древнее оружие, картины, около 140 томов рукописных летописей Пинского и Туровского княжеств, которые датировались XV–XVII вв. Из Слонимского музея вывезли живопись XVI–XIX вв., мебель, фарфор, ковры, оружие, знамена, церковное облачение, медали, кресты, печати, старопечатные издания, этно-

графическую коллекцию. Из Волковысского музея – древние иконы, рукописи, книги, карты. От попадания немецкой авиабомбы в Новогрудский дом-музей А. Мицкевича погибли все экспонаты, в т. ч. настенные часы отца поэта, головной убор невесты А. Мицкевича, ее сундучок, картины XIX в., а также небольшая нумизматическая коллекция [1, с. 11].

С началом войны для спасения культурных ценностей 24 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) образовали чрезвычайные органы: Всесоюзный совет по эвакуации, бюро и комитеты по эвакуации в союзных республиках, оказавшихся в прифронтовой полосе, а также во всех народных комиссариатах. Из-за быстрого продвижения армии вермахта оказалось невозможным организовать широкую эвакуацию из западных областей БССР [7, с. 182].

Возрождению музеев и восстановлению музейной сети БССР способствовал закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», принятый Верховным Советом СССР в 1946 г. и включивший план повышения материального и культурного уровня жизни народа. Согласно данному документу, в области культуры планировалось повысить государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание трудящихся города и деревни, а также восстановить в районах, подвергшихся оккупации, культурные учреждения, в т. ч. и музеи [2, с. 97].

Музеи Гродно

Постановлением СНК БССР от 24 октября 1944 г. в г. Гродно возобновил свою деятельность областной исторический музей [8, с. 30]. Нарком просвещения БССР Е. И. Уралова в 1945 г. отмечала, что Гродненский музей имеет колоссальные исторические богатства, на основании чего Наркомпрос считает возможным реорганизовать Гродненский исторический музей в базовый музей и включить его в республиканский бюджет. Еще в 1940 г. музей посетил член-корреспондент АН СССР профессор В. Пичета, который в своей докладной записке на имя Наркомпроса БССР отмечал, что Гродненский исторический музей должен стать базовым музеем всей Бе-

ларуси, и поэтому его нужно преобразовать в республиканский музей БССР.

Немецко-фашистские захватчики не успели вывезти экспонаты из музея, лишь повредили его здание – дворец, построенный в конце XVI в., в котором были собраны богатые музейные экспонаты. В музее сохранились материалы по этнографии, нумизматике, подлинники документов, художественные исторические картины и ряд других ценных экспонатов, касающихся событий Ливонской войны. Особенно богато была представлена эпоха Екатерины II, были собраны материалы о А. В. Суворове [9, л. 1–2].

Также постановлением предусматривалось укомплектование музея квалифицированными научными кадрами, и развитие материальной базы музея: выделение средств и строительных материалов на ремонт здания музея и консервацию раскопа на территории Старого замка. 15 января 1946 г. было утверждено «Положение о Гродненском государственном историко-археологическом музее», в котором были определены основные цели и задачи музея: 1) охрана, консервация и изучение памятников древнерусского зодчества XI и позднейших веков на территории старого замка; 2) сбор, хранение, изучение и популяризация вещественных, письменных и изобразительных материалов; 3) проведение самостоятельных краеведческих исследований, учет памятников археологии и истории, экспедиций и раскопок [10, л. 31].

Музей располагал широкой научной базой. Раскопки подземного замка, обнаруженного под зданием музея, подтвердили наличие на территории Гродненской области древнейших памятников культуры. Учитывая, что по наличию исторических экспонатов, памятников истории и материальной культуры, а также широкой научно-исследовательской базы Гродненский музей выходил за пределы музея областного значения, СНК БССР постановил преобразовать Гродненский областной исторический музей в Гродненский государственный историко-археологический музей с природоведческим и литературным филиалами (ГГИАМ) [8, с. 39–40].

Музеем проводилась большая работа по пропаганде и охране археологических памятников. Так, в газете «Гродненская правда» был опубликован ряд статей об ис-

торических памятниках области. За первую послевоенную пятилетку Гродненский историко-археологический музей посетило 55 056 человек. За 1951–1958 гг. число посетителей достигло 111 184 человек. Сотрудники музея прочитали более 200 лекций на курсах работников изб-читален и директоров домов культуры на тему «Охрана и учет археологических и исторических памятников» [10, л. 31].

Еще до войны в г. Гродно существовал естественнонаучный музей. Он содержал богатый набор чучел зверей, коллекции насекомых и минералов. В нем была представлена фауна различных стран мира, природные богатства местного края. В 1945 г. в музее научная работа не велась и он был законсервирован. Для того чтобы богатые коллекции музея были сохранены, необходимо было поддерживать в помещении определенную температуру, а музей не обеспечивался топливом. В связи с тем что музей представлял богатую базу для проведения школьных экскурсий, работы кружков юных натуралистов и мог послужить делу научной пропаганды среди населения, 28 сентября 1945 г. был утвержден штат музейных сотрудников (в количестве 53 единиц). Музей включал историко-археологический отдел, отдел природоведения, отдел истории литературы и искусств, отдел фондов и хозяйственную часть [9, л. 3, 39–40].

Решением Гродненского исполкома от 19 июня 1946 г. на Замковой горе, на территории которой был расположен Гродненский государственный историко-археологический музей, был назначен сторож для охраны и установлены знаки с надписями о запрете выпаса скота на склонах горы и хождения по Замковой горе в запретной зоне. А в выходные дни у Замковой горы устанавливали милицейский пост [8, с. 146].

В сентябре 1949 г. на территории Замковой горы начала раскопки научная экспедиция, организованная музеем совместно с Институтом истории материальной культуры г. Ленинграда (во главе с профессором Н. Н. Ворониной). В результате раскопок был полностью раскрыт древний храм, Нижняя церковь XII в. Силами Республиканской мастерской по реставрации и восстановлению памятников архитектуры древние арки и стены были законсервированы [11, л. 125]. На учет было взято 6 ис-

торических, 42 археологических памятника [12, л. 69]. В июне 1949 г. для обозрения был открыт историко-археологический отдел, охватывающий период с древнейших времен до XVI в. Значительную часть экспонатов составляли предметы старины, найденные при раскопках на Замковой горе. Только за третий квартал 1949 г. музей посетили более 3 тыс. человек [11, л. 134].

В октябре 1948 г. при музее начал функционировать систематико-зоологический филиал, насчитывающий 3 441 экспонат, была подготовлена экспозиция «Фауна Белоруссии» (306 экспонатов).

Однако пополнение новыми материалами музея шло медленно. Руководитель музея Н. И. Соболев в отчетах отмечал, что ни один научный сотрудник, за исключением работников природоведческого филиала, не сдает в фонды музея экспонаты: «В этом моя вина: я не заставил людей уйти в народ и там собирать материалы». Однако основные причины кроются в отсутствии у сотрудников опыта музейного дела. Помимо этого, несмотря на договоренность с Гродненским зоопарком передавать музею для изготовления чучел тушки животных, указания зоопарком не выполнялись [11, л. 3–10].

В мае 1949 г. в связи с тем, что в Свято-Борисо-Глебской (Коложской) церкви отсутствовала возможность производить богослужения по причине аварийности здания, по распоряжению епископа Гродненского и Лидского Паисия настоятель кафедрального собора г. Гродно протоиерей В. Беляев, секретарь епархиального управления иерей В. Амбражейчик передали музею здание церкви и часть внутреннего оборудования. Музей получил иконостас, насчитывавший 20 икон, картины религиозного содержания, надгробную плиту Голицыных [11, л. 58].

Тем не менее к 1949 г. у музея возникли большие проблемы. На протяжении нескольких лет со дня открытия музея гродненские областные организации препятствовали развертыванию работы богатейшего не только в республике, но и одного из лучших в Советском Союзе отдела природы, который должен был служить пропаганде мичуринской биологической науки, пропаганде материалистического мировоззрения, что имело особую важность в условиях западных областей республики в обозначен-

ный период. Музей имел недопустимо малые показатели по посещаемости. Например, Кобринский районный музей за 7 месяцев 1949 г. посетили 18 196 человек, а Гродненский областной музей – 9 335 человек. Дирекция Гродненского музея информировала о новой форме работы – организации выставок-передвижек. Несмотря на неоднократные указания Комитета, в районах Гродненской области не было организовано ни одной передвижной выставки [6, л. 3].

Не улучшилась ситуация и в 1952 г. Проведенная министерством госконтроля БССР проверка в Гродненском государственном музее выявила недостатки в хранении и учете музейных ценностей, который велся с грубыми нарушениями «Инструкции по учету музейных фондов» Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 16 сентября 1947 г., а также инструкции Министерства финансов СССР «О порядке учета и хранения экспонатов из драгметаллов и драгкамней, находящихся в государственных музеях и в других культурно-просветительных учреждениях СССР» от 16 сентября 1949 г. В инвентарных книгах не были указаны номера актов, по которым были приняты экспонаты в музей. Проверка выявила, что музей без разрешения комитета и без проведения через закупочную комиссию закупил экспонатов на сумму 32 736 рублей и 5 предметов на сумму 21 114 рублей [13, л. 5–6].

Таким образом, в первое десятилетие после войны Гродненский историко-археологический музей являлся не только хранителем и пропагандистом музейных древностей, но и научным центром по изучению и охране археологических памятников края. По его инициативе были проведены крупнейшие в эти годы археологические исследования. Однако отсутствие квалифицированных специалистов и уменьшение финансирования привело к тому, что ГГИАМ постепенно стал терять инициативу в изучении археологических памятников Гродненщины [3, с. 286–287].

В 1951 г. по Гродненской области числилось 11 археологических и исторических памятников республиканского значения. В самом г. Гродно располагалась братская могила, в которой были захоронены советские воины, погибшие в боях за освобожде-

ние Западной Беларуси в 1939 г., и дом, где проживала польская писательница Элиза Ожешко (в нем расположился Дом пионеров) [14, л. 11–12].

К 1955 г. в Гродненской области было открыто 86 музеев и уголков боевой и трудовой славы, где были собраны реликвии и документы периода Великой Отечественной войны. Руководствуясь постановлением Совета Министров БССР от 3 мая 1955 г. «О благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан, мирного населения, погибших в годы Великой Отечественной войны», в области насчитывалось 119 братских могил, было установлено 88 памятников. В конце 1955 г. в Гродненской области было зарегистрировано 237 исторических и 130 археологических памятников [15, л. 19–20].

Музеи Брестчины

Учитывая отставание в восстановлении музейной сети БССР по сравнению с другими союзными республиками, ограниченные материальные и финансовые возможности, все намеченные планы не были реализованы. Так, исполком Барановичского областного Совета депутатов трудящихся не смог предоставить помещение для музея, поэтому работа по его развертыванию была приостановлена. Неоднократно фиксировались случаи, когда здания, в которых размещались музеи довоенного времени, использовались не по назначению. Так, помещение Брестского музея занимал детский кинотеатр. Для того чтобы в будущем исключить такие случаи, Совет Министров СССР издал постановление от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому запрещалось перемещение музеев из занимаемых ими помещений или полное (частичное) использование данных помещений не по назначению.

В вопросах восстановления музеев наблюдалось безынициативность органов местного управления. Нередко причинами неудовлетворительной работы партийных и советских органов было отсутствие должного руководства и контроля со стороны органов власти, оперативности в принятии решений, своевременности в оповещении и выполнении приказов. Например, областной музей в Бресте при наличии штатного расписания и необходимых ассигнований так и не начал своей деятельности [2, с. 97]

и был открыт лишь в 1950 г. как историко-краеведческий музей, хотя решение о начале его работы было принято Брестским облисполкомом еще 27 марта 1945 г. В документе отмечалось, что в 1941 г. в Бресте был организован краеведческий музей, но немецко-фашистские захватчики уничтожили все экспонаты. 30 августа 1945 г. Брестский обком КП(б)Б принял постановление о сборе и изучении материалов о Великой Отечественной войне на территории Брестской области, а решением от 14 сентября 1948 г. горисполком закрыл Крестовоздвиженский костел в Бресте и передал его здание под музей [4, с. 611]. Штат музея насчитывал тогда всего 6 человек, первым его директором была назначена Н. Ф. Павловская [16, л. 2]. Однако в связи с аварийным положением здания музея он был закрыт для посетителей в 1952 г. и открыт только в 1957 г. [17, л. 2].

После организации Брестского краеведческого музея при нем сразу же была развернута выставка «Брестская область в послевоенной сталинской пятилетке», создано фондохранилище и библиотека [16, л. 4]. Помимо этого началось изучение ближайших колхозов с выездом сотрудников на места, ознакомление с музейными экспозициями в Пинске, Гродно, Минске [17, л. 2]. Был собран и изучен материал по Ружанской МТС, установлена связь с научно-исследовательскими учреждениями республики (Научно-исследовательский институт антропологии, Научно-исследовательский институт птицеводства, Коссовская опытная станция АН БССР). В результате этого сотрудничества музей пополнил свои фонды схемами с фото-снимками по эволюции человека, по развитию животного мира, материалами по урожайности торфяников. Были собраны материалы о партизанском движении Брестчины, музей обзавелся крепостной пушкой 1836 г. и вооружением периода Великой Отечественной войны [17, л. 4].

Музей активно сотрудничал с краеведческими кружками Дома пионеров, станцией юннатов, средними школами Бреста и Брестского района. После проведенных летом турпоходов пионеров и школьников музей получил коллекцию полезных ископаемых Брестской области, насекомых, гербарии, предметы вооружения и снаряжения Великой Отечественной войны. От школьников-

краеведов музей получил орудия труда первобытнообщинного строя, газету и журнал 1914 г., коллекцию монет, план города Бреста дореволюционного времени и другие экспонаты. Была налажена связь с местными краеведами. В музее появился интересный экспонат – флаг одной из средних школ Бреста, сохраненный мальчиком во время немецко-фашистской оккупации, с подробным описанием, как и где он прятал флаг. Помимо этого сотрудники музея выступали с лекциями и докладами: «Полесье будет цветущим краем», «О героических защитниках Брестской крепости». В областной газете «Заря» размещались заметки о наиболее интересных экспонатах, полученных музеем: оружию, снаряжении и фотокартонке героически погибшего местного партизана комсомольца Е. Гойшика [17, л. 5–6]. Со временем массовая работа была расширена: в 1952 г. была организована выставка «Героическая оборона Брестской крепости», которую разместили в фойе кинотеатра «Беларусь», ее посетили около 100 000 человек [18, л. 6].

В 1955 г. вся научно-исследовательская работа была направлена на подготовку открытия Брестского краеведческого музея. С этой целью составлялись тематико-экспозиционные планы, изучались отдельные темы, организовывались научные командировки и археологические экспедиции [19, л. 10]. Краеведческий музей оказывал практическую помощь в организации музея на территории Брестской крепости, во время съемок фильма «Бессмертный гарнизон», его сотрудники консультировали сотрудников киностудии «Мосфильм», снабжая их соответствующей литературой и фотоснимками. В результате деловой связи с архивами, музеями, НИИ к 1955 г. музеем было собрано 3 048 экспонатов, 2 343 из которых вошли в основной фонд музея. Многие из них и в настоящее время обладают большой музейной ценностью. Так, Государственный Эрмитаж передал музею оружие XVI–XIX вв. Были выявлены и сданы в фонды музея прокламации подпольного комитета КПЗБ [19, л. 13].

Большое значение краеведческий музей уделял разъяснению местному населению важности сбора музейных экспонатов. С этой целью был выпущен плакат «Занимайтесь краеведением», в котором рассказывалось об организациях и лицах, сдавших

в музей экспонаты, разъяснялось значение краеведческой работы. С целью привлечения населения к собирательской работе была составлена «памятка краеведа». Сотрудники выступали на областных конференциях, совещаниях, семинарах, в школах с разъяснениями о профиле и задачах краеведческого музея [19, л. 14]. Несмотря на то что музей долгое время не был открыт для посетителей, его коллектив проводил активную работу с населением, организовывал выставки, читал лекции и доклады, проводил экскурсии по историческим местам и Брестской крепости, проводил выставки-передвижки. Уже на 1 января 1956 г. фонд музея насчитывал около 11 408 экспонатов [19, л. 17].

Таким образом, Брестский областной краеведческий музей оказывал всестороннюю помощь органам народного образования в усвоении учащимися учебного материала путем проведения тематических экскурсий, организации школьных кабинетов, консультаций для учителей; проводил экспедиции и научные командировки в целях изучения края и собирания музейного материала; организовывал массовую краеведческую работу в форме кружков и совещаний краеведов; содействовал выявлению, изучению и популяризации памятников культуры, достойно считаясь не только научно-исследовательским, но и культурно-просветительным учреждением города и области.

Среди музеев военно-исторического профиля выделялся Кобринский военно-исторический музей им. А. В. Суворова. Он был создан по решению Брестского областного Совета депутатов от 6.07.1946. Музей располагался в доме-усадебке XVIII в., которая ранее принадлежала русскому полковнику. В годы Великой Отечественной войны гитлеровские оккупанты превратили историческую реликвию в конюшню. После освобождения Кобрин в 1944 г. суворовский дом находился в разрушенном состоянии. Создавать музей пришлось практически с нуля. Этой нелегкой работой довелось заняться первому директору и долгое время единственному сотруднику музея А. М. Мартынову [20]. На протяжении нескольких лет собирались коллекции, которые в дальнейшем позволили создать неповторимые экспозиции музея. В 1947 г. профиль музея был изменен на военно-исторический. Значительный вклад в формирование фондовых

коллекций внесли Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (в то время – Артиллерийский исторический музей), Государственный исторический музей, Государственный Эрмитаж, Музей А. Суворова в Ленинграде, дворцы-музеи пригородов Ленинграда и др. Эти поступления 1940–1960-х гг. и сегодня составляют самую ценную и зрелищную основу экспозиций [1, с. 42].

Первая экспозиция восстановленного музея была открыта в мае 1948 г. и имела три раздела: «Наши великие предки», «А. В. Суворов» и «Отечественная война 1812 года». Создателями этих экспозиций были директор музея А. М. Мартынов и научный сотрудник Н. М. Василевский. С течением времени первоначальная экспозиция многократно менялась, дополнялась новыми разделами. В 1950 г. перед входом в музей был установлен бронзовый бюст А. В. Суворова (копия 1947 г. с оригинала скульптора П. Кюфферле 1901 г.) [20].

В целях сохранности памятников культуры, быта и экономики, а также сбора и пополнения экспонатами памятниками прошлого и настоящего Пинской области исполком Пинского областного совета депутатов трудящихся принял решение возобновить работу с 1 января 1945 г. Пинского областного краеведческого музея, с местом пребывания его в г. Пинске. На тот момент в хорошем состоянии находилось здание музея, в целостности находились экспонаты, был утвержден штат музея в 18 штатных единиц [21, л. 4, 10, 20].

За время немецко-фашистской оккупации из Пинского музея было вывезено много ценных экспонатов: отдел нумизматики (серебряные древнеримские монеты, польские серебряные монеты XVI в., монеты XIX в.), польские шелковые знамена, хрусталь, фарфор, персидские ковры, люстры, медали. Оккупанты вывезли музейные фото-выставки, посвященные освобождению Западной Беларуси от Польши и событиям гражданской войны, портреты Ленина, Сталина, полотна с изображением князей Радзивиллов, работы французских художников в дорогих багетовых рамах, микроскопы, фотоаппараты. Полностью было вывезено оборудование химкабинета, рукописные летописи XV–XVII вв., научный архив и другие книги библиотеки [21, л. 14–16].

Вначале Пинский краеведческий музей имел два отдела: истории и послевоенного социалистического строительства. В 1946 г. экспозиция музея пополнилась новым отделом, посвященным событиям Великой Отечественной войны. Как и требовалось в то время, значительное место в ней заняли экспонаты, которые раскрывали работу среди населения подпольного обкома КП(б)Б, демонстрировали боевые заслуги партизан. Нашлось место и для показа разрушений народного хозяйства [5, с. 559].

Первое послевоенное десятилетие в истории Пинского краеведческого музея было временем активного накопления коллекций: за 1946 г. их общее количество возросло с 2 до 8 000 единиц и каждый последующий год в среднем пополнялось на 1–2 тыс. единиц. Быстрое увеличение фондовых коллекций вынуждало наладить систему учета, разработку структуры каталогов, принципов научной классификации памятников материальной культуры. Вся эта работа проводилась под руководством Л. А. Студента – главного хранителя фондов Пинского музея на протяжении не одного десятилетия. Новый импульс развития музей получил в 1952 г., когда областные власти передали в его распоряжение двухэтажное здание в центре города [1, с. 33].

В 1955 г. Пинский краеведческий музей совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР провел исследования археологических памятников Пинской области. Непосредственно в городе велись археологические раскопки в самой древней его части – на Замковой горе. После раскопок все найденные ценные экспонаты были продемонстрированы на археологической выставке. За год музей посетило 15 526 человек, было проведено 205 экскурсий с общим количеством экскурсантов 5 619 человек [5, с. 622].

Таким образом, в ходе восстановления в 1948 г. в БССР числилось 50 учреждений музейного типа и красных уголков. Из них на территории западных областей республики располагалось только 7: по три в Гродненской и Барановичской областях и одно в Пинской [6, л. 1]. К 1950 г. музейная сеть БССР насчитывала 17 музеев. Из них в системе Комитета по делам культпросветучреждений находилось 3 государственных музея (в т. ч. Гродненский историко-крае-

ведческий музей), 8 областных краеведческих (в т. ч. Пинский, Барановичский), 1 районный краеведческий (Волковысский имени П. И. Багратиона), 1 военно-исторический имени А. В. Суворова в Кобрине и 1 мемориальный в Орше. Однако в справке о работе отдела музеев Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров БССР отмечалось, что восстановление музеев к 1950 г. было выполнено только на 64 % (восстановлено 14 из 22 по плану). Поэтому предписывалось усилить темпы восстановления сети музеев БССР за счет восстановления районных краеведческих музеев в Новогрудке, Лиде, Молодечно, Барановичах и др. [2, с. 98].

Учитывая отставание в восстановлении музейной сети БССР по сравнению с другими союзными республиками, планировалось предпринять ряд необходимых мер. Особого внимания требовали к себе краеведческие музеи в западных областях БССР, которые должны были стать центром наглядной пропаганды материалистического мировоззрения. В связи с этим предполагалось восстановить не только областные краеведческие музеи, но и в ряде мест создать новые.

Таким образом, первое послевоенное десятилетие продемонстрировало очевидные успехи БССР в музейном строительстве: в 1955 г. по республике функционировало 27 различного рода областных и городских музеев [23, с. 118].

Заклучение

Не все музеи удалось восстановить полностью, в частности, это музей Э. Ожешко в Гродно, мемориальный музей Т. Костюшко в Коссово, ряд краеведческих. Довоенная сеть музеев была восстановлена за счет создания серии новых в количественных показателях. Было организовано руководство музейным делом, заложены основы музейного законодательства, создана система учета и сохранения фондовых коллекций, ряд музеев стали научно-просветительскими центрами.

Послевоенное десятилетие продемонстрировало отношение руководства республики к музеям как к одному из своих идеологических подразделений, что отрицательно сказалось прежде всего на их научно-исследовательской и фондовой работе. По-прежнему слабой была материальная база музеев, а уровень подготовки кадров недостаточным. Актуальным был вопрос увеличения заработной платы работников музея.

Тяжелое положение БССР в первое послевоенное десятилетие объяснялось объективными экономическими сложностями во всех сферах социальной и экономической жизни. Также это был результат низкого культурного уровня, непонимания или нежелания понимать важность сохранения национального историко-культурного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гужалоўскі, А. А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, 2004. – 192 с.
2. Лесная, О. Ю. Музейная политика БССР в послевоенное пятилетие / О. Ю. Лесная // Учен. зап. ВГУ им. П. М. Машерова : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. – Т. 20. – С. 95–99.
3. Добрян, А. А. Охрана и изучение археологических памятников Гродненщины в 1944–1950 г. / А. А. Добрян // 60-летие образования Гродненской области : материалы Международ. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. / отв. ред. В. А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – С. 283–287.
4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 2. – 687 с.
5. Гісторыя Пінска ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.
6. Годовой отчет, справки о состоянии музеев БССР // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 790. Оп. 1. Д. 167.
7. Бессольнова, Н. В. Судьба культурных ценностей Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Бессольнова // Векапомныя дні вызвалення : материалы Респ. науч.-практ.

конф., посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, Гомель, 2 мая 2019 г. / под общ. ред. Е. Г. Кириченко. – Гомель, 2019. – С. 181–185.

8. Гродненская область в документах и материалах (1944–1995) / сост. Л. И. Юнина [и др.]. – Слоним : Слоним. тип., 2004. – 432 с.

9. Отчеты, справки и планы работы Гродненского историко-археологического музея // НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 7.

10. Информационные отчеты и доклады по работе культпросветучреждений и искусств за 1950 г. // Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГр). – Ф. 838. Оп. 1. Д. 19.

11. Отчеты, тематико-экспозиционные планы и переписка с государственным Гродненским историко-археологическим музеем о работе // НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 164.

12. Информационные отчеты и доклады по работе культпросветучреждений за 1949 г. // ГАГр. – Ф. 838. Оп. 1. Д. 14.

13. Годовой отчет, справки о состоянии музеев БССР // НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 167.

14. Приказы Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР по Гродненской области // ГАГр. – Ф. 838. Оп. 1. Д. 31.

15. Постановления и решения исполкома Гродненского областного совета депутатов трудящихся к деятельности отдела культпросветучреждений за 1951 г. // ГАГр. – Ф. 838. Оп. 1. Д. 22.

16. Годовой текстовый и статистический отчет о работе клубных, культурно-просветительских учреждений Гродненской области за 1955 г. // ГАГр. – Ф. 1266. Оп. 1. Д. 118.

17. Годовой отчет о работе Брестского областного краеведческого музея за 1951 г. // Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф. 1283. Оп. 1. Д. 6.

18. Годовой отчет о работе Брестского областного краеведческого музея за 1952 г. // ГАБр. – Ф. 1283. Оп. 1. Д. 11.

19. Годовой отчет о работе Брестского областного краеведческого музея за 1953 г. // ГАБр. – Ф. 1283. Оп. 1. Д. 15.

20. Годовой отчет о работе Брестского областного краеведческого музея за 1955 г. // ГАБр. – Ф. 1283. Оп. 1. Д. 30.

21. К 70-летию Кобринского музея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.mykobrin.by/articles/-136-k-70-letiyu-kobrinskogo-muzeya.html>. – Дата доступа: 17.07.2019.

22. Переписка с Пинским музеем о злоупотреблениях, ущербах, нанесенных немецко-фашистскими захватчиками // НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 8.

23. Бодак, А. Ю. Национальная политика в БССР (1943–1955) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Ю. Бодак. – Минск, 1997. – 183 л.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 06.11.2020

УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович*канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Научно-исследовательского
экономического института Министерства экономики Республики Беларусь***Aleksandr Darkovich***Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Research
Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus**e-mail: alexdarkovich@mail.ru***ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ БРЕСТА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (1919–1939 гг.)**

Анализируется процесс формирования органов городского самоуправления в Бресте в 1920–1930-х гг., подробно рассматривается национальный состав депутатов и развитие межнациональных отношений. Обосновывается вывод о том, что ситуация в органах самоуправления Бреста напрямую отражала изменения национальной политики польских властей. В 1919 г. – первой половине 1920-х гг. городские органы фактически были образованы по назначению государственной власти, горожане не имели возможности оказывать на их деятельность какого-либо влияния. Во второй половине 1920-х гг. в рамках политики «государственной ассимиляции» в Бресте проходили в целом свободные коммунальные выборы, результаты которых отражали мнение большинства горожан. Однако на протяжении 1930-х гг. органы самоуправления города вновь лишились всякой самостоятельности по отношению к государственной администрации, установившей над ними полный контроль.

Municipal Government in Brest: the National Composition and Internationality Relations (1919–1939)

The article analyzes the process of formation of municipal government in Brest during the 1920–1930s. The national composition of deputies and the development of inter-nationality relations are emphasized. The situation in the municipal government in Brest directly reflected changes in the national policy of the Polish state. During the period of the first half of the 1920s city authorities were appointed by the state administration. In the second half of the 1920s within the framework of the policy of «state assimilation» free municipal elections were held, the results of which reflected the opinion of the majority of Brest citizens. However, during the 1930s municipal government lost its independence towards the state administration, which established complete control over it.

Введение

Одной из интересных и малоизученных страниц истории Бреста остается деятельность органов самоуправления города в межвоенный период в составе Польши. Освещается история формирования городских органов в Бресте на протяжении 1920–1930-х гг., при этом подробно рассматривается национальный состав депутатов и развитие межнациональных взаимоотношений.

Сразу же после оккупации Западной Беларуси польскими войсками в 1919 г. польские власти приступили к проведению выборов в органы местного самоуправления¹. При этом, вопреки обещаниям свобод-

ных коммунальных выборов со стороны начальника Польского государства Ю. Пилсудского и руководителей Гражданского управления восточных земель, на практике формирование органов городского самоуправления оказалось под контролем польских военных и гражданских властей, обеспечивавших замещение большинства мест поляками. В Бресте результаты первоначальных выборов в городской совет, которые польские власти считали неблагоприятными для себя, были отменены. Повторные выборы состоялись в августе 1919 г., на них был представлен единый избирательный список (в этом случае процедура голосования не проводилась и все места автоматически отходили заявленным в списке

¹ Распорядительным органом городского самоуправления являлся городской совет, члены которого – советники – избирались горожанами. Депутаты совета, в свою очередь, избирали членов исполнительного органа, который назывался

магистратом, а с 1933 г. – городским управлением. В его состав входили возглавлявший городские органы президент (в мелких городах бургомистр), его заместитель и лавники.

кандидатам), по которому в состав совета вошли 14 поляков и 10 русских. В состав самоуправления не вошел ни один представитель еврейского населения, преобладавшего в городе [1, к. 1, 16]. Вскоре Брестский совет избрал членов магистрата, куда вошли три поляка и двое русских, президентом города стал польский помещик Ян Урсын Немцевич.

Не получив представительства в самоуправлении города, еврейские жители были возмущены. В декабре 1919 г. еврейская религиозная община Бреста обратилась к городскому совету с просьбой включить двух ее делегатов в состав магистрата. В феврале 1920 г. совет принял решение удовлетворить данную просьбу, поставив при этом два условия: делегаты от еврейского населения могли обладать только правом совещательного голоса, и их выбор должен был быть определен главным раввином города, а не еврейской гминой. Еврейская община была согласна на эти дискриминационные условия, но боевые действия лета 1920 г. и связанная с ними временная эвакуация городских органов надолго отложили решение вопроса. Только в 1924 г. два еврейских представителя вошли в состав Брестского магистрата: Б. Вильнер в качестве второго вице-президента и С. Савчицкий в качестве лавника [2, л. 129; 3, л. 315–316]. В дальнейшем до конца межвоенного периода в отношении национальной принадлежности городских руководителей в Бресте действовало негласное правило, по которому главой города обязательно был поляк, а его заместителем – представитель национальности, составлявшей большинство городских жителей, т. е. еврей.

Срок полномочий городских органов, созданных в период польско-советской войны, истек 1 июля 1922 г. Но в марте 1922 г. польский сейм, опасаясь проводить новые выборы на фоне политической нестабильности в Западной Беларуси, принял закон, продлевающий полномочия органов самоуправления в восточных воеводствах и бывшем Царстве Польском на неопределенный период. Однако отсрочка проведения коммунальных выборов вызвала недовольство местных жителей. Органами государственной администрации на местах, различными общественными организациями и самими городскими самоуправлениями

в Западной Беларуси повсеместно принимались многократные обращения к центральным властям с призывом скорейшего назначения новых выборов. В Бресте после завершения срока полномочий совета тема проведения выборов сразу оказалась в центре внимания общественности города. Состоялись многочисленные собрания политических и общественных организаций, где обсуждались вопросы подготовки к проведению предвыборной кампании. «Ни о чем более не говорится, кроме как о выборах, создаются новые организации, ищутся компромиссы, работа кипит», – писала в начале 1924 г. в статье «Пора распускать» издававшаяся в Бресте официальная газета «Głos Poleski» [4, с. 8]. Брестский совет не мог оставаться в стороне от этих событий, и в апреле 1924 г. он постановил: «Принимая во внимание, что настоящий состав является частично неполным, и выборы в городской совет на основе положения о выборах, которое должно быть принято в сейме, в ближайшее время, вероятно, не состоятся, имея в виду все большее развитие городского хозяйства, а также распространяемые сплетни о том, что нынешние советники якобы упорно удерживают свои мандаты, городской совет... принял решение просить надзорную власть как можно скорее провести новые выборы» [3, л. 371]. В январе 1926 г. полесский воевода К. Млодзяновский обратился в МВД с разъяснением необходимости новых выборов в Брестский совет, которых добивалось «все население города, невзирая на различия религий, национальностей и политических убеждений» [5, л. 55]. В итоге в апреле 1926 г. министр внутренних дел Польши В. Рачкевич распустил совет и поручил полесскому воеводе назначить в Бресте выборы.

Проведение коммунальных выборов в городах Западной Беларуси в 1926–1927 гг. стало один из самых важных мероприятий в рамках «государственной ассимиляции», объявленной программой новой национальной политики после государственного переворота Пилсудского 1926 г. Прозвучали обещания, что при условии лояльности меньшинств государство обеспечит им возможность свободного развития национальной культуры и образования на родном языке. Некоторые пилсудчики подчеркивали роль самоуправления в новой национальной по-

литике: участие в нем представителей всех национальностей на основе принципа равноправия и справедливой репрезентации должно было, по их мнению, гарантировать сближение польского и непольского населения. Действительно, новые выборы в органы городского самоуправления были проведены в целом в соответствии с законом, их результаты отражали мнение большинства горожан. Однако попытка использовать самоуправление как одно из средств преодоления напряженности в отношениях с национальными меньшинствами закончилась неудачей. Городские сообщества на западно-белорусских землях были расколоты по этноконфессиональному и политическому признакам. Уровень доверия и взаимопонимания между различными группами был низким, каждая из них преследовала свои интересы, взаимные противоречия сделали сотрудничество между ними затруднительным. С другой стороны, национальная политика «санации» изначально являлась непоследовательной. Лозунги «государственной ассимиляции» часто не находили понимания среди представителей местной государственной администрации, не признававших за непольскими жителями право на национальную жизнь. Они систематически вмешивались в работу городского самоуправления, направляя его активность в русло преимущественного удовлетворения интересов польских жителей, представители национальных меньшинств не без основания считали себя дискриминированными.

Брест служит ярким тому примером. Выборы в Брестский совет состоялись в июне 1926 г., 55 % мест в нем заняли евреи, поляки – 35,5 %, русские и украинцы – 9,7 %. Однако МВД по представлению полесского воеводы, назвавшего такой результат неблагоприятным для польского населения города, объявило их недействительными [5, л. 94, 97]. Новые выборы прошли в сентябре 1926 г. На этот раз результат для поляков оказался более удачным: в совет прошли 14 их представителей и 14 евреев (по 45,1 %) и 3 православных жителя (9,7 %) [5, л. 112]. Противоречия между брестскими депутатами сразу же дали о себе знать. Они не смогли договориться и избрать руководство города, из-за чего президент и вице-президент были назначены. Далее воеводские власти отклонили приня-

тый советом городской бюджет, советники, в свою очередь, отказывались утверждать навязываемый сверху вариант бюджета. В итоге городской бюджет так и не был принят, а Брестский совет в мае 1928 г. был распущен решением МВД [6, с. 37].

Новые советники, избранные в Бресте в конце 1928 г., достигли компромисса, который должен был создать условия для успешной работы совета. В соответствии с соглашением между поляками и евреями, субсидии на еврейские школы и благотворительные учреждения увеличивались до 70 тыс. злотых (при этом на польские учреждения образования и социального обеспечения была предусмотрена сумма в три раза больше). Однако Полесское воеводское управление (ПВУ) в июле 1929 г. значительно сократило расходы на еврейские организации, что вызвало активные протесты со стороны советников. Председатель фракции проправительственного Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП) Брестского совета поляк С. Лопотт, известный в городе хирург, в знак солидарности с евреями отказался от своего мандата. На страницах официальной газеты «Express Poleski» он заявил, что «еврейские советники совершенно справедливо рассматривают данные сокращения как вопиющую несправедливость и национально-политические тенденции» [7, с. 4]. В свою очередь, еврейская часть совета направила протест на решение ПВУ в Административный трибунал и тоже опубликовала в одной из местных еврейских газет статью, которая была на польском языке перепечатана «Express Poleski». В ней еврейские советники, выразив свое возмущение, заявили, что считают себя полноправными гражданами и, выполняя все обязательства перед государством, имеют право требовать, чтобы их «дети не оказались выброшенными на улицу, а больные и слабые не остались без помощи» [8, с. 4].

Брестский совет, несмотря на письменное поручение полесского воеводы строго придерживаться измененного воеводским управлением бюджета, отказался менять его первоначальный вариант. Это был демонстративный шаг, т. к. на практике органы самоуправления не имели возможности отменить решения административных властей. В последующем еврейские депутаты бойкотировали заседания совета, что делало

невозможным принятие бюджета, требовавшее присутствия большинства советников. Очень скоро взаимоотношения между брестскими советниками испортились: поляки обвинили еврейских представителей в том, что они, пользуясь численным преобладанием, использовали коммунальные органы в своих целях, нанося значительный вред христианскому населению и развитию города в целом. В знак протеста депутаты от ББСП отказались от своих мандатов. Вслед за этим в марте 1930 г. полесский воевода Я. Крахельский обратился в МВД с предложением в очередной раз распустить Брестский совет [9, л. 67, 73].

Межнациональные конфликты, а также противоречия между городскими советниками и государственной администрацией являлись важной причиной низкой эффективности работы городского самоуправления. Одним из следствий описанных событий стало то, что с 1927 по 1930 г. в Бресте не было официально утвержденного бюджета. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства в конце 1920-х гг. стал широко освещаться в центральной польской прессе, после чего воеводской и поветовой администрации пришлось взять на себя выполнение обязанностей по улучшению санитарного состояния города [10, с. 202–204].

Следующие выборы в городской совет Бреста состоялись в 1930 г. Они принесли по 12 мандатов (всего 44,4 %) представителям еврейского и польского населения города, 2 (7,4 %) – русского и 1 (3,7 %) – украинского. В состав магистрата Бреста были избраны 3 еврея и 2 поляка [11, л. 70].

На протяжении 1930-х гг. ситуация в городском самоуправлении в Западной Беларуси кардинально изменилась. Нараставшее административное давление, а также различные манипуляции и фальсификации на коммунальных выборах, прозванные современниками «чудом над урной»², привели к ликвидации самостоятельности городского самоуправления. Польские власти использовали полный контроль над ситуацией в муниципальных органах для обеспечения абсолютного преобладания в них поляков,

резко сократив представительство национальных меньшинств. К участию в самоуправлении допускались только лояльные депутаты, что сделало невозможным проявление оппозиционных настроений.

Очередные выборы в органы самоуправления Бреста прошли в 1934 г. По их итогам 26 мандатов в городском совете (65 %) получили поляки, 12 (30 %) – евреи и 2 (5 %) – русские. В состав городского управления вошли 4 поляка и 2 еврея [12, л. 1]. Доминирование позиций поляков и исключение оппозиционных кандидатов было достигнуто путем административного вмешательства в процесс выборов. Например, в тех избирательных округах Бреста, где среди населения преобладали оппозиционные настроения, ПВУ накануне выборов 1934 г. признала недействительными по формальным причинам избирательные списки от оппозиционных партий Поалей-Цион (левица и правика), Бунд и ППС [13, л. 34–38]. В этих округах были оставлены только единые списки от ББСП, что позволяло провести в совет заявленных в них кандидатов без голосования. Голосование состоялось лишь в отдельных избирательных округах города.

Практический процесс замещения должностей в городском самоуправлении отражает подбор полесским воеводой В. Костек-Бернацким кандидата на пост президента Бреста в 1934 г. Костек-Бернацкий возглавлял воеводство с 1932 г. и до начала Второй мировой войны и обладал практически неограниченными полномочиями. Стремясь лично контролировать функционирование местных властей, он установил полный контроль над самоуправлением, которому придавал большое значение. Полесский воевода не скрывал, что муниципальные выборы при нем стали формальностью и что замещение должностей в этой сфере могло происходить только с его ведома и согласия. В феврале 1934 г. главное управление Союза резервистов обратилось к Костек-Бернацкому с письмом, в котором рекомендовало М. Вуйтика на должность президента Бреста, высоко оценивая его профессиональные и личные качества [14, л. 10]. Следствием этого письма стало назначение полесским воеводой Вуйтика градоначальником Бреста в мае 1934 г., а вскоре Брестский совет единогласно избрал его на этот пост [15, л. 4]. В июле 1934 г. Костек-Бер-

² Каламбур от выражения «чудо над Вислой» – так называли победу польских войск над Красной Армией в битве под Варшавой в августе 1920 г.

нацый пісал свому знамому в ответ на просьбу провести его на должность брестского президента: «Жаль, что обратился ко мне так поздно, охотно бы видел тебя на этой должности в Бресте. 2 июля уже был избран президентом Вуйтик, мой кандидат, конечно» [16, л. 64].

Переход «санации» к грубой национальной политике также определил ход последних в межвоенный период муниципальных выборов в Западной Беларуси, состоявшихся весной 1939 г. В частности, в органах самоуправления Бреста доминирование поляков еще больше усилилось: в городском совете они получили 77,5 % мест, евреи – 20 %, русские – 2,5 % [17, л. 1]. Выборы в городское управление до начала Второй мировой войны не успели состояться.

Заклучение

Таким образом, ситуация в органах городского самоуправления Бреста напрямую отражала изменения национальной по-

литики польских властей. В 1919 г. – первой половине 1920-х гг. городские органы фактически были образованы по назначению государственной власти, горожане не имели возможности оказывать на их деятельность какое-либо влияние. Во второй половине 1920-х гг. в рамках политики «государственной ассимиляции» в Бресте проходили в целом свободные коммунальные выборы, результаты которых отражали мнение большинства горожан. Однако на протяжении 1930-х гг. органы самоуправления города вновь лишились всякой самостоятельности по отношению к государственной администрации. Она использовала полный контроль над муниципальными органами для обеспечения абсолютного преобладания в них поляков, представительство национальных меньшинств резко сократилось, одновременно были исключены оппозиционные депутаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy. Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich. – Nr akc. 1773/16. X.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 271.
4. Czas rozwiązać // Głos Poleski. – 1924. – 17 lut. – S. 8.
5. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 639.
6. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
7. Express Poleski. – 1929. – 4 lip. – S. 4.
8. Express Poleski. – 1929. – 20 lip. – S. 4.
9. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 643.
10. Даркович, А. Л. Городское самоуправление на западнорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Л. Даркович. – М., 2016. – 310 л. – Режим доступа: <https://inslav.ru/event/darkovich-aleksandr-leonidovich-gorodskoe-samoupravlenie-na-zapadnobelorussskih-zemlyah>. – Дата доступа: 20.08.2019.
11. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 1100.
12. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 1096.
13. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 490.
14. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 419.
15. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 114.
16. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 10. Д. 2899.
17. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 708.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.06.2020

УДК 930.1(476)''1921/39''

Аляксандр Аляксандравіч Савіч

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Alyaksandr Savich

PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of History of Slavic Peoples

Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: uleks@tut.by

**СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ Ў 1920-я – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1950-х гг.
АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ
ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921–1939 гг.**

Разглядаюцца накірункі асэнсавання працэсу даследавання і асвятлення канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. На падставе шырокага кола разнастайных крыніц як апублікаваных, так і архіўных матэрыялаў, прадстаўлены арганізацыйна-метадалагічныя і крыніцазнаўчыя паказчыкі гістарыяграфічнага працэсу, выяўлены ідэйна-палітычныя і праблема-тэматычныя прыярытэты станаўлення і развіцця ў перыяд 1920-х – першай паловы 1950-х гг. айчыннай гістарыяграфічнай традыцыі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі. Зроблена выснова аб абумоўленасці навукова-даследчыцкай і выдавецкай дзейнасці дзяржаўна-палітычнымі і ідэйна-прапагандысцкімі патрэбамі савецкай улады, якая выкарыстоўвала канфесійную тэматыку для пацвярджэння акупацыйна-паланізацыйнай палітыкі Польшчы і выхавання грамадскай свядомасці ў духу рэвалюцыйнага змагання за Заходнюю Беларусь. Абумоўленасць даследаванняў марксісцка-ленінскімі атэістычнымі прыярытэтамі абмяжоўвала даследчыкаў і не садзейнічала прадметнай распрацоўцы канфесійнай гісторыі краю.

**Formation and Development of 1920s – First Half of the 1950s
of the Internal Historiography of the Confessional History of Western Belarus**

The purpose of the article is to study the process of studying and covering the confessional history of Western Belarus 1921–1939. Based on a wide range of different sources of both published and archival materials, organizational, methodological and source study indicators of the historiographic process are presented, ideological, political and problem-thematic priorities of the period of formation and development in the period of the 1920s – the first half of the 1950s Belarusian historiographical tradition of the confessional history of Western Belarus. It was concluded that the research and publishing activities were determined by the state-political and ideological-propaganda needs of the Soviet government, which used confessional themes to confirm the occupation policy of Poland and to raise public awareness in the spirit of the revolutionary struggle for Western Belarus.

Уводзіны

Характэрнай асаблівасцю айчыннай гістарычнай навукі перыяду Рэспублікі Беларусь стала істотная ўвага да гісторыка-навуковай праблематыкі, у тым ліку праблемнай гістарыяграфіі. Гэта пацвярджаецца і на прыкладзе гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., у прыватнасці канфесійнай гісторыі краю [1, с. 8–10]. Намаганні сучасных айчынных даследчыкаў А. М. Вабішчэвіча, С. Ф. Верамеева, Т. В. Лісоўскай, А. М. Свірыда, А. Г. Цымбала і іншых аўтараў створана дастаткова аб'ектыўная версія айчыннай гістарыяграфіі праблемы з прадстаўленнем асноўных эмпірычных паказчыкаў фарміравання айчыннай гістарыяграфічнай традыцыі адлюстравання канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы [2–6]. Аднак пры гэтым характэрнай асаблі-

васцю названых даследаванняў з'яўляецца недастатковая ўвага да перыяду 1920-х – першай паловы 1950-х гг., калі адбывалася станаўленне і развіццё беларускай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі. Разам з гэтым у некаторых публікацыях назіраецца беспадстаўнае адасабленне храналагічных адрэзкаў: 1920–30-я гг. і 1940-я – першая палова 1950-х гг., якія ў арганізацыйна-метадалагічным і праблема-тэматычным планах не выяўляюць істотнай дыскрэтансці і складаюць змест першага перыяду айчыннай гістарыяграфіі заходнебеларускай праблематыкі [1, с. 10].

Мэта артыкула – рэканструкцыя і інтэрпрэтацыя працэсу навуковага асэнсавання і адлюстравання ў 1920-х – першай палове 1950-х гг. айчыннымі даследчыкамі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

Ідэйна-палітычныя і праблемна-тэматычныя прыярытэты айчыннай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

Вызначальным фактарам грамадска-палітычнага жыцця міжваеннай Польшчы і Заходняй Беларусі было рэлігійнае пытанне і канфесійныя адносіны. Ва ўмовах адроджанай у 1918 г. Польшчы адпаведныя аспекты функцыянавання розных рэлігійных абшчын былі своеасаблівым маркерам палітычнай дабрачыннасці і схільнасці да наладжвання канструктыўнага дыялогу, накіраванага на ўсталяванне міжканфесійнага міру і згоды. Рэзкае змяненне статусу дзвюх асноўных канфесій на тэрыторыі Заходняй Беларусі (праваслаўя і каталіцызму) у выніку дзяржаўна-палітычных трансфармацый пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Расіі прыводзіла да абвастрэння этнаканфесійных адносін і ўздымала рэлігійную тэматыку на вышэйшыя ступені абмеркавання розных урадавых, грамадска-культурных, палітычных структур. У цэлым можна гаварыць пра справядлівасць замацаванай у айчыннай гістарыяграфіі думкі пра тое, што ўлады новаўтворанай Польшчы, імкнучыся максімальна аслабіць праваслаўную царкву як апору руска-праваслаўнага панавання, не асабліва стрымлівалі яго апанентаў у жаданні аслабіць і матэрыяльна-фінансавыя магчымасці праваслаўя ў ходзе распачатай рэвіндыкацыі. Імкнучыся абмежаваць падтрымку і ўмацаванне руска-праваслаўнага ўплыву, польская ўлада пайшла на афармленне аўтакефаліі Польскай праваслаўнай царквы, афіцыйна абвешчана ў 1925 г.

Гэтыя і іншыя падзеі этнакультурнага жыцця краю насцярожвалі кіраўніцтва савецкай краіны, выклікалі заклапочанасць грамадскасці БССР і Заходняй Беларусі, таму маральная падтрымка і спачуванне праваслаўнаму насельніцтву сталі яскравай рысай міжваеннага ідэйна-палітычнага трэнду, які атрымаў сваё асвятленне на старонках айчынных публікацый. З другога боку, у такой сітуацыі каталіцтва як дамінуючая канфесія і адзін з вызначальных атрыбутаў Польшчы ўспрымалася і падавалася ў адмоўных фарбах як адзін з элементаў сістэмы дыскрымінацыі, прыгнёту і паланізацыі.

Кіраўніцтва БССР ва ўмовах барацьбы за «сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне» Заходняй Беларусі ажыццяўляла захады па арганізацыі даследаванняў і прэзентацыі заходнебеларускай тэматыкі, выму-

шана было суадносіць адпаведную ідэйна-прапагандысцкую і навукова-асветніцкую дзейнасць з марксісцка-ленінскімі атэістычнымі прыярытэтамі савецкай улады, таму канфесійная праблема тэма ў 1920–30-я гг. не атрымала прадметнага асэнсавання і не сфарміравала самастойнага накірунку айчыннай заходнебеларускай гістарыяграфіі. Тут трэба звярнуць увагу на апырэна адзначаную ў некаторых з вышэйназваных даследаванняў ролю Камісіі па вывучэнні гісторыі Заходняй Беларусі Інбелкульту БАН (КВЗБ) у асэнсаванні рэлігійнай тэматыкі, якая патрабуе пацвярджэння.

Сапраўды, істотная роля дадзенай устаноўы ў пастаноўцы канфесійнай тэматыкі, як і ў меншай ступені Заходняга сектару Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ (ЗС), пацвярджаецца ў ходзе аналізу іх дзейнасці як спецыфічных па ўскладзеных на іх задачах навуковых устаноў. Яны былі падпарадкаваны Прадстаўніцтву ЦК КПЗБ пры ЦК КП(б)Б як галоўнага асяродка Савецкай Беларусі, які забяспечваў арганізацыю рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі і быў падкантрольным Выканкаму Камінтэрна і ДПУ-НКУС [1, с. 20–21]. Адзначым, што планы і справаздачы навукова-даследчыцкай дзейнасці КВЗБ і ЗС не выяўляюць прадметнай зацікаўленасці гісторыка-рэлігійнай тэматыкай [7–16]. Тым не менш гэта не азначае, што канфесійная фактаграфія зусім не цікавіла прадстаўнікоў навуковай супольнасці спецыялістаў у галіне гісторыі Заходняй Беларусі. У прыватнасці, вядомае дакументальнае выданне КВЗБ «Інтэрп’ялыцы беларускіх паслоў у польскі сойм. 1922–1926 гг.» змяшчае інфармацыю аб «рэлігійных праследаваннях польскіх уладаў» [17, с. 7, 9, 12, 14, 19, 47, 51, 100, 105, 122, 132, 140, 149, 168, 298]. Больш таго, названыя вышэй навуковыя ўстановы пільна сацылі за інфармацыйнай прасторай вакол Польшчы і Заходняй Беларусі, фарміруючы адпаведны масіў разнастайных крыніц, у тым ліку па этнаканфесійнай праблемацыі. У асноўным гэта была інфармацыя, атрыманая з адкрытых польскіх статыстычных крыніц, найперш агульнапольскіх перапісаў. Аднак архівы згаданых устаноў прэзентуюць вялікую колькасць публіцыстычных матэрыялаў з розных як савецкіх, так і замежных, у першую чаргу польскіх перыядычных выданняў [18; 19], а таксама даследаванні сваіх супрацоўнікаў, якія змяшчаюць аналітыка-статыстычныя этнаканфе-

сійныя дадзеныя, што сёння выкарыстоўваюцца як змястоўныя крыніцы [20; 21].

Арганізатары навукова-выдавецкай дзейнасці БССР павінны былі прытрымлівацца марксісцка-ленінскіх сацыяльна-класавых канонаў, накіраваных на нівеліраванне рэлігійных і нацыянальных рысаў і выхаванне атэістычных інтэрнацыяналісцкіх прыярытэтаў, ігнараванне сацыякультурнай дзейнасці прадстаўнікоў розных канфесій, якая не ўпісвалася ў фармат пралетарскай культуры. У выданнях неабходна было дапасоўваць канфесійную сітуацыю ў Заходняй Беларусі да патрэбаў нацыянальна-вызваленчай барацьбы з разлікам на фарміраванне трывалых антыакупацыйных настройаў як падставы для рэвалюцыйнага вырашэння падзеленай краіны. Таму, уздымаючы актуальнае пытанне этнаканфесійнай палітыкі Польшчы, аўтары публікацый мэтанакіравана павялічвалі яе нядобразычлівыя намеры ў дачыненні да праваслаўнай царквы і ўвогуле да беларускага народа, адзначна выстаўляючы ў якасці канчатковай мэты акаталічванне, асіміляцыю і паланізацыю краю [22–24]. З улікам гарантыі роўных правоў для ўсіх рэлігій паводле польскай канстытуцыі сцвярджалася, напрыклад, што ў Заходняй Беларусі «рэлігійнае пытаньне, дзякуючы спецыфічнай ксяндзоўска-панскай політыцы, набрала шмат вастрыні і напружанасці», падкрэслівалася неаднолькавае стаўленне польскага ўрада да асобных канфесій, у прыватнасці да праваслаўнай царквы. Гэта пацвярджалася структурай міністэрства веравызнанняў і грамадскай асветы, у якім былі аддзельны рыма-каталіцкі, евангелісцкі і «іншыя рэлігій», у кампетэнцыю якога ўваходзілі і справы праваслаўнай царквы, якімі займаліся чыноўнікі неправаслаўнага паходжання. Паводле аўтара, кіраўнік аддзела іншых рэлігій «нейкі Пекарскі, як кажуць, езуіт», які мае заданне «кіраваць справамі праваслаўнай царквы так, каб прынесці ёй адну шкоду і па магчымасці ліквідаваць яе» [23, с. 40]. Акцэнтацыя на абмежаваннях у дачыненні да праваслаўя, закрыцці цэркваў, штучныя бар’еры пры адкрыцці і рэгістрацыі праваслаўных абшчын, канфіскацыю маёмасці праваслаўных прыходаў і іншыя мерапрыемствы рэвіндыкацыі павінны былі ўзмацніць негатыўнае стаўленне праваслаўнага насельніцтва да польскай улады і каталіцкай царквы як правадніка і выканаўцы асіміляцыйнай польскай палітыкі [22, с. 8–10;

23, с. 40]. Аўтары падкрэслівалі асаблівыя абмежаванні ў дачыненні да праваслаўных святароў, адзінкі якіх выслужыліся «перад польскай адміністрацыяй правакацыйнай дзеяльнасцю на шкоду беларускаму (і ўкраінскаму) народу» і атрымалі «польскае абыватальства». Адзначаючы наяўнасць абмежаванняў у дачыненні да некаталіцкага насельніцтва, падкрэсліваўся і абсалютызаванасць дзяржаўна-палітычны прыярытэт, якім карысталіся каталіцтва і каталікі: «свабода веры ў Польшчы існуе толькі для каталікоў... людзям некаталіцкай веры – будзь то земляроб, настаўнік, інжынер, гандляр, – усё адно, – жыццця ў панскай Польшчы няма» [22, с. 40]. У такіх умовах нядзіўна, што каталіцкая царква, як ідэйна-духоўная аснова польскай палітычнай улады, у айчынных аўтараў справядліва атрымлівала ролю ініцыятара і выканаўцы польскай асіміляцыйна-паланізацыйнай палітыкі.

Такіх пазіцый прытрымліваўся і беларускі ксёндз-каталік А. Станкевіч, які ў сваіх публікацыях падкрэсліваў палітычную ролю каталіцкай царквы, адзначаючы яшчэ ў 1921 г., што замест «касцёла каталіцкага ў Віленшчыне і Гродзеншчыне паўстаў і пануе аж да сёння касцёл польскі, установа чыста палітычная, або прадстаўніцтва польскага нацыяналізму ў Заходняй Беларусі» [25, с. 1]. Яго шматлікія працы ілюструюць розныя аспекты гісторыі касцёла ў Заходняй Беларусі на фоне асіміляцыйна-паланізацыйнай палітыкі польскай улады, паказваюць асабліваасці стаўлення каталіцкіх іерархаў да беларускага пытання, беларусізацыю касцёльнага жыцця, дзейнасць беларускіх ксяндзоў і іх пераследы з боку духоўнага начальства і цывільнай улады [26–29].

У публікацыях БССР згадваліся «старанні абярнуць у фактар спольшчвання» нават праваслаўную царкву, якая ў асобах сваіх вышэйшых іерархаў «узамен на матар’яльны добрабыт ахвотна ідзе насустрач плянам польскага ўраду». Да здраднікаў інтарэсаў народаў былі аднесены вышэйшыя праваслаўныя іерархі, «пастаўленыя» на адпаведныя пасады польскімі чыноўнікамі, таму аўтарытэт «іх зусім слабы», а праваслаўныя беларусы і ўкраінцы не хочуць прызнаваць іх за сваіх і «проста прагнілі б іх вон, як наймітаў польскага ўраду, каб маглі гэта зрабіць» [23, с. 41; 24, с. 16]. Сярод духавенства ўхваляліся тыя, якія смела падымалі свой голас супраць «рэлігійнага

здзеку і ўціску», аднак праз некаторы час за сваю смеласць трапілі у турму, а ў лепшым выпадку іх звалнялі з пасады, як, напрыклад, у пачатку 1925 г. толькі на Гарадзеншчыне было звольнена да 50 святароў [23, с. 40]. Пры гэтым, аздабляючы аповяд красамоўнымі прыкладамі ціску польскіх улад на праваслаўных іерархаў, аўтары ілюстравалі неадназначную сітуацыю ў пачатку 1920-х гг., калі ў Польшчы і Заходняй Беларусі служылі прызначаныя Маскоўскім Патрыярхам праваслаўныя іерархі, якія супраціўляліся польскаму ўплыву і аўтакефаліі праваслаўнай царквы ў Польшчы [22, с. 8–9; 23, с. 41; 24, с. 20–21]. Што да аўтакефаліі, то акрамя палітычнага валонтарызму польскіх улад у яе арганізацыі, паводле выданняў, згода «канстантынопальскага патрыярха» была дасягнута «дзякуючы хабару ў 30 000 франкаў» [24, с. 20].

Фіксуючы негатывнае стаўленне айчынных аўтараў да падпарадкавання і апалячвання праваслаўнай царквы праз аўтакефалію, фінансаванне яе польскім урадам, перавод набажэнства на польскую мову, адзначым рэдкую для выданняў БССР інфармацыю аб жаданні беларускіх нацыянальна-буржуазных дзеячаў «захапіць праваслаўную царкву ў Польшчы ў свае рукі і зрабіць яе правадніком сваіх уплываў». Аўтар не хавае свайго задавальнення ад таго, што такія «старанні (прынамсі ў Зах. Бел.) ня маюць поспеху. Праўда, у Вільні ёсць невялікі гурток праваслаўнага духавенства, які сымпатызуе беларускаму нацыянальна-культурнаму руху, але не карыстаецца ўплывамі» [24, с. 21]. Магчыма, мелася на ўвазе згаданае ў 1924 г. паліцыяй «Праваслаўнае філантрапічнае таварыства» як канфідэнцыйная арганізацыя, што атрымлівала «фондуш ад саветаў праз невядомую асобу, якая пражывае ў Вільні, і ад Рускага папачыцельскага камітэта ў Варшаве». Паводле дакумента, у кожным павеце ёсць прадстаўнікі арганізацыі, якія праводзяць антыдзяржаўную агітацыю, іх дзейнасць кантралюецца праз савецкіх дыпламатычных служачых. Старшынёй таварыства названы сенатар В. Багдановіч, сябрамі – Якубоўская, Самыхвалаў, У. Самойла (названы як «Самуілаў Уладзімір сын Яна як прадстаўнік партыі расійскіх кадэтаў-манархістаў у Парыжы») і інш. [30, арк. 264]. Верагодна, гаворка ідзе пра арганізацыйныя намаганні праваслаўных беларускіх палітыкаў і грамадскіх дзеячаў, якія ў 1927 г. прывялі да стварэння

Праваслаўнага беларускага дэмакратычнага аб'яднання.

Франтальны агляд і змястоўны аналіз айчынных публікацый 1920–1930-х гг. запэўнівае ў тым, што характэрнай рысай айчыннай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі з'яўлялася ігнараванне пратэстанцтва і нехрысціянскіх канфесій, у першую чаргу іўдаізму, нягледзячы на вялікі адсотак насельніцтва іўдзейскага веравызнання, а таксама ісламу.

Больш уважлівым было стаўленне ў міжваеннае дваццацігоддзе да гісторыка-канфесійнай праблематыкі ў Польшчы, што пацвярджаецца значнай колькасцю публікацый, якія ў параўнанні з мінімальна-назыўной падачай савецкіх беларускіх выданняў былі больш глыбокімі і шматаспектнымі ў фактаграфічным плане, у тым ліку пры выяўленні нарматыўна-прававых падстаў функцыянавання рэлігійных суполак [1, с. 167]. Іх аўтары, урадоўцы ці блізкія да ўрадавых колаў Польшчы грамадска-палітычныя дзеячы, з пункту гледжання польскай дзяржаўнасці і культурнай традыцыі асвятлялі этнаканфесійныя праблемы Польшчы, а таксама заходнебеларускіх абшараў. На фоне адсутнасці аналагічнай тэматыкі ў айчынным друку адзначым вялікую ўвагу польскіх даследчыкаў у дачыненні да гісторыі пратэстанцкіх згуртаванняў [5, с. 14].

Вызначальныя змены ў развіцці канфесійнай праблематыкі ў другой палове 1940-х – другой палове 1950-х гг. сталі наступствам змянення гістарыяграфічнай сітуацыі ў сувязі са знаходжаннем Польшчы ў складзе сацыялістычнага лагера, што адмоўна ўспрымалася заходнімі краінамі і Ватыканам, які ўзначаліў ідэалогію польскага вызвалення ад камунізму. Пасляваенныя публікацыі дэманструюць паступовае ажыўленне цікавасці да гісторыка-канфесійнай тэмы, выкарыстанне шырокага кола разнастайных крыніц, у першую чаргу архіўных звестак, і павелічэнне аб'ёму і зместу выданняў на падставе марксісцка-ленінскіх падыходаў, у прыватнасці ў вывучэнні каталіцтва ў Заходняй Беларусі. Так, Ц. Гарбуноў запэўніваў у як быццам бы існаваўшай «праграме каталіцкага духавенства», якая мэтанакіравана змешвала рэлігійную прыкмету з нацыянальнай і кожнага каталіка ў Заходняй Беларусі абвяшчала палякам, традыцыйна даводзіў аб імкненні каталіцкага духавенства «ўсімі мерамі» садзейнічаць пілсудчыкам у правядзенні палітыкі адрыву

беларусаў ад братняга рускага народа. Такія намаганні аўтар назваў марнымі, бо «каталіцтва прыняла толькі беларуская шляхта», а «шырокія ж народныя масы вытрымалі гераічную барацьбу і скрозь якія барацьбы пранеслі сваю родную культуру, сваю мову, свой нацыянальны беларускі лад жыцця. У іх ніколі не згасала імкненне да ўз'яднання з братнім рускім народам» [31, с. 74].

Сацыяльна-палітычная абумоўленасць выяўляецца і ў знакавым даследаванні – першай кандыдацкай дысертацыі В. Панамарэнкі, прадметна прысвечанай канфесійнай праблематыцы Заходняй Беларусі, аснову якой склалі тэзісы аб каланіяльнай палітыцы Польшчы, антынароднай сутнасці каталіцкай царквы і яе арганізацый у Заходняй Беларусі. У даследаванні працягнуты даваенны падыход у падачы каталіцтва як адной з складовых элементаў польскага каланіялізму ў Заходняй Беларусі і яго шчыльнай сувязі і падтрымцы з боку капіталістычных краін і Ватыкана. Падкрэсліваючы варожую класавую сутнасць, даследчыца падала каталіцкі касцёл «дзяржаўнай арганізацыяй», якая актыўна працавала над умацаваннем улады памешчыкаў і капіталістаў і дапамагала ім у правядзенні каланіяльнай палітыкі ў адносінах да народаў няпольскіх нацыянальнасцяў. Найперш гэта тычылася матэрыяльна-фінансавых паказчыкаў, якія мэтанакіравана падводзілі да думкі аб драпежніцкай палітыцы каталіцкай царквы, у той час як, паводле аўтара, на будаўніцтва і рамонт касцёлаў ішлі сотні тысяч злотых, беларускія сяляне вымушаны былі жыць у зямлянках. «Антынародны» статус каталіцкай царквы прадугледжваў і адпаведныя задачы разнастайных арганізацый і таварыстваў. Разам з гэтым выяўляецца нізкі ўзровень разумення сутнасці даследуемых з'яў. Так, В. Панамарэнка, на думку якой кіруючыя колы Польшчы і Ватыкана ў ажыццяўленні сваёй каланіяльнай палітыкі ў Заходняй Беларусі вялікія надзеі ўскладалі на ўніяцкую царкву, не заўважала вядомага антаганізма паміж двума названымі суб'ектамі рэлігійнага жыцця ў дачыненні да распаўсюджвання уніі. Галоўным жа акцэнтам была «антыцаркоўная» барацьба як частка вызваленчага руху насельніцтва

на чале з яго авангардам – рабочым класам і КПЗБ [32, с. 5, 7, 9–14].

Заклучэнне

У 1920-я – першай палове 1950-х гг. адбывалася станаўленне і паступовае развіццё айчыннай гістарыяграфіі канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі на падставе марксісцка-ленінскай парадыхмы і ў адпаведнасці з ідэйна-палітычнымі прыярытэтамі савецкай улады. У 20–30-я гг. XX ст. палітычная актуальнасць рэлігійна-канфесійнай праблематыкі ў сістэме грамадска-палітычных і міжнародных адносін патрабавала ад айчынных аўтараў асцярожнасці і вытрымкі пры падачы адпаведных пытанняў. У пераважнай большасці публікацый адсутнічала канфрантацыйная рыторыка ў дачыненні да рэлігіі ў цэлым, што не супадала з актыўнай атэістычнай прапагандай і агрэсіўнымі нападамі і рэпрэсіямі ў дачыненні да царквы і рэлігійных дзеячаў у СССР. Палітычная сітуацыя ў Заходняй Беларусі як часова акупаваным польскімі захопнікамі этнічным беларускім краі характарызавалася наяўнасцю відавочнага канфлікту паміж новай уладай з яе ідэйным падмуркам – каталіцкай царквой – і мясцовым у пераважнай большасці праваслаўным насельніцтвам і праваслаўнай царквой. Такі стан вымушаў гісторыкаў пазбягаць крытыкі ў дачыненні да праваслаўнай царквы, прадстаўляючы яе як ахвяру польска-каталіцкага гвалту і ціску, разумеючы рызыкаўнасць перанясення агітацыйна-прапагандысцкай рыторыкі савецкай краіны на ідэйна-палітычную сферу Заходняй Беларусі. Савецкім урадавым колам і зацікаўленым ведамствам для замацавання свайго ўплыву на яе тэрыторыі выключна важна было сфарміраваць вобраз Польшчы як вераломнага і нахабнага парушальніка свабоды сумлення і выканання рэлігійных культаў, а СССР і БССР прадстаўляць як абаронцаў праваслаўнага беларускага насельніцтва, якое непаруўным сваім жаданнем імкнецца, у канчатковым варыянце, да наўлення рэлігійнага і дзяржаўна-палітычнага адзінства беларускага і рускага народаў. Што да каталіцтва, то яно традыцыйна разглядалася як ідэйная аснова польскай дзяржаўнасці і атрымлівала негатыўныя, асуджальныя фармулёўкі застрэльшчыка акупацыйна-паланізацыйных працэсаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2019. – 320 с.
2. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Вабішчэвіч ; БДУ. – Мінск, 2010. – 356 арк.
3. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / А. Н. Свирид. – Брест : БрГУ, 2012. – 218 с.
4. Цымбал, А. Г. Праваслаўная царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939) / А. Г. Цымбал. – Мінск : БДЛУ, 2016. – 124 с.
5. Лисовская, Т. В. Неопротестантизм в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. В. Лисовская ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2009. – 113 л.
6. Веремеев, С. Ф. Отечественная историография истории христианских конфессий в БССР и Западной Беларуси в 20–30-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С. Ф. Веремеев ; БГПУ им. М. Танка. – Мінск, 2014. – 159 л.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Воп. 1. Спр. 85.
8. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 1. Спр. 86.
9. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 1. Спр. 87.
10. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАНБ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 262.
11. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 263.
12. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 265.
13. ЦНА НАНБ. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 2.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 4.
16. ЦНА НАНБ. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 5.
17. Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у польскі сойм. 1922–1926 гг.: зборнік дакументаў аб панскіх гвалтах, катаваньнях і зьдзеках над сялянамі і рабочымі Заходняй Беларусі / Каміс. па вывучэньні Заходняе Беларусі. – Менск : Белдзяржвыд, 1927. – 496 с.
18. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 582.
19. НАРБ. – Ф. 325. Воп. 1. Спр. 54.
20. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 7.
21. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 164.
22. Кон, Ф. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над Белорусской Громадой) / Ф. Кон. – М. : Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 38 с.
23. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1926. – 56 с.
24. М. С. Сучасная Польшча і Заходняя Беларусь / М. С. // Заходняя Беларусь : зборнік. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – С. 3–30.
25. Krywičonak, M. Hołas Kryudy / M. Krywičonak // Krynica. – 1921. – 9 kras. – S. 1–2.
26. Stankiewicz, A. Rodnaja mowa u swiatyniach / A. Stankiewicz. – Wilnia, 1929. – 192 s.
27. Станкевіч, А. 3 жыцця і дзейнасці Казімера Свяяка (у дзесятыя ўгодкі яго смерці), 1926–1936 / А. Станкевіч. – Вільня : Калосся, 1936. – 30 с.
28. Станкевіч, А. Хрысціянства і беларускі народ (спроба сінтэзы) / А. Станкевіч. – Вільня : Беларус. катал. выд-ва, 1940. – 181 с.
29. Станкевіч, А. 3 Богам да Беларусі : зб. тв. / А. Станкевіч ; уклад., навук. рэд., камент., прадм.: А. Пашкевіч, А. Вашкевіч. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2008. – 1098 с.
30. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 2028. Воп. 1. Спр. 71.
31. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1948. – 232 с.
32. Пономаренко, В. П. Католическая церковь Западной Белоруссии – орудие колониальной политики буржуазно-помещичьей Польши (1919–1939 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук / В. П. Пономаренко ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1955. – 15 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.07.2020

УДК 351.713(476)(091)''18/19''

Андрэй Раманавіч Лудзіч

аспірант каф. гісторыі Беларусі новага і навейшага часу

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Andrey Ludzich

*Post-Graduate Student of the Department of History of Belarus of New and Contemporary Times
of Belarusian State University*

e-mail: aludich@mail.ru

СТРУКТУРА І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ ПАВЯТОВЫХ ФІНАНСАВА-ПАДАТКОВЫХ УСТАНОЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

Разглядаецца структура і арганізацыя дзейнасці фінансава-падатковых органаў кіравання ў беларускіх паведах у другой палове XIX – пачатку XX ст. Характарызуюцца напрамкі дзейнасці, функцыі і структурная арганізацыя павятовых фінансавых органаў: казначэйстваў, ацэначных камісій. Прааналізавана структура акруговых акцызных упраўленняў, павятовых піцейных прысутнасцей. Вызначаны функцыі і парадак дзейнасці распарадчых камітэтаў у беларускіх паведах, якія займаліся кіраваннем мясцовай гаспадаркі. Раскрыты станаўленне, парадак функцыянавання падатковых дзяржаўных органаў: падатковай інспекцыі, павятовых падатковых прысутнасцей – і паўнамоцтвы іх служачых. У высновах адзначаюцца асноўныя асаблівасці структурнай арганізацыі і функцыянавання павятовых фінансава-падатковых устаноў на тэрыторыі Беларусі.

Structure and Functioning of the District's Financial and Fiscal Institutions in the Territory of Belarus in the Second Half of XIX – early XX Century

The article deals with the structure and Organization of the financial and tax authorities in the Belarusian counties in the second half of the XIX – early XX century. Characterized by the activities, functions and structural organization of County financial authorities: treasuries, the structure of district excise offices, County drinking presences is analyzed. The functions and the order of activity of administrative committees in the Belarusian counties are defined. Revealed the functioning and powers of employees of state tax authorities: tax inspection, the County tax presence.

Уводзіны

Развіццё капіталістычных адносін у Расійскай імперыі патрабавала рэформаў ва ўсіх сферах жыцця, у прыватнасці, у фінансавай сістэме, якая знаходзілася ў цяжкім стане пасля Крымскай вайны. Самадзяржаўе імкнулася ўпарадкаваць бюджэт і стварыць цэнтралізаванае кіраванне фінансамі, якое да гэтага насіла хаатычны характар. Правядзенне ў Расійскай імперыі шэрагу фінансавых пераўтварэнняў адбывалася ў адпаведнасці з заходнееўрапейскім узорам, што дазволіла істотна змяніць арганізацыю і функцыі органаў Міністэрства фінансаў. Па меры ўскладнення кантрольна-наглядных функцый дзяржаўных органаў улады імкнуліся сфармаваць мясцовую сістэму, з аднаго боку, цвёрда падпарадкаваную цэнтру, з другога – надзеленую шырокімі паўнамоцтвамі.

Навуковы кіраўнік – А. Г. Кахановіч, доктар гістарычных навук, прафесар, дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

У беларускай і замежнай гістарыяграфіі тэма функцыянавання мясцовых дзяржаўных органаў яшчэ не стала прадметам спецыяльнага даследавання. З дарэвалюцыйных даследчыкаў неабходна выдзеліць В. В. Іваноўскага, які прааналізаваў заканадаўчыя нормы і сферу дзейнасці дзяржаўных фінансавых устаноў [1]. У манаграфіі Л. П. Ліпінскага ў кантэксце сацыяльна-эканамічнага развіцця сельскай гаспадаркі Беларусі разгледжаны некаторыя бакі дзейнасці павятовых фінансавых органаў кіравання [2].

Адным з першых даследчыкаў сучаснага перыяду, хто звярнуўся да даследавання арганізацыі фінансава-падатковых структур у 1830–1860-я гг., быў С. М. Токць [3]. Звесткі даведчнага характару аб функцыянаванні мясцовых органаў кіравання змешчаны ў калектыўнай працы супрацоўнікаў Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы [4; 5]. Некаторыя аспекты мясцовага самакіравання знайшлі месца ў працах, прысвечаных

працэсам мадэрнізацыі, сацыяльнай трансфармацыі грамадства. А. Г. Кахановікі ў сваёй манаграфіі адзначыў, што запозненае заканадаўчае афармленне мясцовых інстытутаў прывяло да таго, «што сацыяльныя змены адбыліся пасля і ў некаторай адлегласці па часе ад эканамічнай і тэхналагічнай складаючых мадэрнізацыйных працэсаў» [6, с. 262]. Асноўныя напрамкі падатковай палітыкі ўрада Расійскай імперыі прааналізаваны А. В. Бурачонкам [7].

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць структуру і функцыі павятовых фінансава-падатковых органаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Павятовыя фінансава-падатковыя ўстановы на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Асноўнай адміністрацыйна-гаспадарчай і фінансавай установай з’яўлялася павятовае казначэйства, якое адказвала за паступленне і захоўванне ўсіх падаткаў, перанакіроўвала грашовыя паступленні ў дзяржаўную казну і выдавала сродкі на расходы іншым павятовым органам улады. Асноўнымі абавязкамі павятовых казначэйстваў былі збор дзяржаўных падаткаў, іх размеркаванне і захаванне сродкаў, дэпазітаў урадавых і грамадзянскіх устаноў, бандэролей, гербавай паперы, кантроль за справаздачнасцю дзяржаўных служачых і г. д. Павятовыя казначэйствы займаліся продажам гербавай паперы, выдавалі гандлёвыя пасведчанні для вытворчасці і продажу алкагольных напояў, выпускалі білеты, пашпарты для гандляроў, мяшчан і сялян, захоўвалі матэрыялы рэвізскіх казак [3, с. 35]. На загадчыкаў казначэйстваў закон ускладаў абавязак пошуку крыніц дзяржаўных прыбыткаў і спосабаў іх павелічэння: «Калі ў павеце ёсць новая крыніца прыбытку ці спосаб да павелічэння вядомага ўжо прыбытку, то казначэй абавязаны паведаміць пра тое казённай палаце» [5, с. 449]. Для павятовых казначэйстваў штомесяц праводзілася праверка правільнасці запісу прыходных і расходных сум, дакладнасці захоўвання грашовых сродкаў, вядзення кніг і журналаў, стан канцылярскага парадку [8, с. 1002–1003]. Казначэйствы былі ўстановамі бюракратычнымі і падпарадкаванымі непасрэдна казённым палатам, яны абавязаны былі прымаць указы і ад губерната-

раў, і ад губернскіх упраўленняў [1, с. 151]. Гэтыя павятовыя ўстановы складалі справаздачу аб выніках сваёй дзейнасці і прадстаўлялі яе ў казённую палату.

На чале павятовых казначэйстваў як «касавых выканаўчых органаў» стаялі казначэй. Акрамя старшыні, у склад казначэйства ўваходзілі яго памочнік, галоўны бухгалтар і яго памочнікі, пісар [9, с. 315–316]. У губернях пасады павятовых казначэй былі зацверджаны на аснове закона «Установы для кіравання губернямі Расійскай імперыі» ад 7 лістапада 1775 г. [10, с. 232]. Яны прызначаліся на пасаду калегій казённай палаты і зацвярджаліся губернатарам [3, с. 35]. Прытым Палажэнне першапачаткова абмежавала паўнамоцтвы павятовага казначэя, адабраўшы ў апошняга функцыі збору і распараджэння казённых грошай, абвясціўшы таго «лишь хранителем денег» [10, с. 241]. У руках казначэй знаходзіліся ключы і пячаткі казначэйства. Згодна з інструкцыяй ад 10 снежня 1837 г. прыём падаткаў, захоўванне грашовых сродкаў і даручанай маёмасці дзяржаўных павятовых устаноў з’яўлялася асноўнай функцыяй казначэйстваў. У павятовай казне захоўваліся сродкі, якія паступалі са збораў на земскія павіннасці, на забеспячэнне народнага харчавання, на дзеянне загаду грамадскага догляду, ваеннага ведамства і іншыя на патрэбы шэрагу дзяржаўных устаноў [11, с. 989]. Інструкцыя рэгламентавала правілы прыёму плацяжоў, вядзення прыходных і расходных сум.

Казначэй адказвалі за захаванасць даручаных ім грашовых сум і матэрыяльных каштоўнасцей. Кіраўнікі казначэйства павінны былі паведаміць казённай палаце аб усіх прыходах і расходах сродкаў. Яны захоўвалі ў сябе ключы і пячаткі казначэйства, а для забеспячэння захаванасці казны пры прызначэнні на пасаду бралі грашовы або маёмасны заклад і распіску. Кантроль за дзейнасцю казначэй ажыццяўляўся шляхам тэрміновых (планавых) ці раптоўных праверак камісіяй, якая складалася з засядацеля дваранскай апекі, павятовага спраўніка, а таксама прадстаўнікоў губернскага праўлення, казённай палаты і Міністэрства фінансаў [3, с. 33]. Кіраўнікі павятовых казначэйстваў былі абавязаны прытрымлівацца тэрмінаў збору падаткаў, весці журнал прыходу сум, выдаваць квітанцыі, прадаваць

гербавую паперу, гандлёвыя пасведчанні [11, с. 989–992]. Закон абмяжоўваў сферу паўнамоцтваў павятовага казначэя: яму было забаронена ўводзіць новыя зборы і праводзіць расходы без дазволу казённай палаты [11, с. 990]. Гэта было важным метадам для барацьбы са свавольствам служачых казначэйстваў і дазваляла пазбягаць фактаў казнакрадства.

Рэформы 1860-х гг. дзяржаўных устаноў не абмінулі і павятовыя казначэйствы. 30 лістапада 1865 г. выйшаў указ Дзяржаўнага савета «Аб заснаванні губернскіх казначэйстваў і расходных аддзелаў і пераўтварэнні павятовых казначэйстваў», згодна з якім павятовыя казначэйствы губернскіх гарадоў былі ператвораны ў губернскія [12, с. 291–293]. Па гэтым законе функцыі павятовых казначэйстваў былі дакладна абмежаваны. Задачами павятовых казначэйстваў былі вызначаны прыём і захоўванне ўсіх даходаў, дэпазітаў, спецыяльных сродкаў дзяржаўных устаноў і фізічных асоб. Гэтыя ўстановы па-ранейшаму вялі продаж гербай паперы, пасведчанняў, патэнтаў, прымалі акцызныя зборы і прадстаўлялі казённай палатце справядачы пра ход гэтых збораў, вялі рахункі па страхаванні, вялі ўлік усіх расходаў і даходаў [6, с. 454]. Заснаванні адзіных па ўсёй імперыі губернскіх і павятовых кас павысіла значэнне мясцовых казначэйстваў. Паміж імі адбываецца відавочнае размеркаванне паўнамоцтваў, напрыклад, губернскае казначэйства стала кантраляваць менавіта расходную касу, а павятовае – даходную.

За ўдзел мясцовага дваранства ў паўстанні 1863–1864 гг. іх маёнткі былі абложаны працэнтным зборам, увядзенне прадагледжвала шырокія палітычныя мэты, бо ўрад імкнуўся паменшыць у краі колькасць мясцовых землеўладальнікаў праз адначасовае павелічэнне долі памешчыкаў «рускага паходжання». Для вызначэння і размеркавання працэнтнага збору з тутэйшых маёнткаў былі створаны адпаведныя павятовыя камісіі. Камісія складалася з павятовага прадвадзіцеля дваранства (старшыні), спраўніка, двух міравых пасрэднікаў і 4 памешчыкаў, маёнткі якіх абкладзены зборам. Кандыдатаў ад дваран на пасады прапаноўваў мясцовы прадвадзіцель, затым яны зацвярджаліся губернатарам [13, арк. 4].

Згодна з правіламі працэнтнага збору на кожную губерню на 3 гады прызначалася вызначаная сума, якая затым размяркоўвалася паміж павятамі губернскай прысутнасці па сялянскіх і земскіх справах. Для вызначэння і размеркавання памеру сумы з маёнткаў камісія зыходзіла з плошчы зямлі, яе даходнасці, колькасці лесу і ступені развіцця прамысловасці на вызначанай тэрыторыі [13, арк. 23]. У кожным маёнтку камісія дзяліла зямлю на ўгоддзі: ралля, сенакос, выган і лес. Затым на некалькі разрадаў (не больш 6) вызначалася яе прыбытковасць, якая залежала па каштоўнасці і наяўнасці прамысловых прадпрыемстваў – па велічыні чыстага прыбытку [13, арк. 23–23зв.]. Пасля заканчэння вызначэння памеру сумы павятовай камісіяй губернатар уносіў прапанову на разгляд губернскай прысутнасці па сялянскіх і земскіх справах, якая ўстанавіла велічыню збору. Пад працэнтны збор траплялі толькі маёнткі мясцовага дваранства, а калі маёнтак набываў «рускі памешчык», то збор з наступнага года адмяняўся [13, арк. 23зв.].

Спаганне ў казну піцейных збораў з’яўлялася адной з важных крыніц даходаў дзяржавы. Аднак былыя спосабы збору з улікам разнастайнасці і нераўнамернасці размеркавання падаткаў у розных частках імперыі з існаваннем непрадуктыўнай адкупной сістэмы не адпавядалі часу. З увядзеннем акцызнай сістэмы кожнаму заводу была вызначана норма выпрацоўкі спірту [2, с. 110]. Калі прадпрыемства не выконвала гэтую норму, адлічэнне ў казну ў выглядзе падатку адбывалася з устаноўленай нормы, а не з фактычна выпушчанай колькасці спірту. З адменай па законе ад 4 ліпеня 1861 г. адкупной сістэмы на гарэлку і з увядзеннем акцызнага падатку на спіртныя напоі з’явілася неабходнасць у адкрыцці мясцовых акцызных упраўленняў. На аснове «Палажэння аб піцейным зборы» ад 4 ліпеня 1861 г. былі адкрыты губернскія і акруговыя акцызныя ўпраўленні для распараджэння за ўскоснымі падатковымі паступленнямі [14, с. 40]. Піцейныя аддзяленні, якія існавалі пры казённых палатах спынялі сваю працу з 1 студзеня 1862 г. і перадавалі свае функцыі піцейна-акцызным упраўленням. Пад акцыз трапілі спірт, гарэлка, віно, піва, мёд, брага, цукар, соль, газ, запалкі і тытунь [7, с. 37–38].

Стварэнне акруговых акцызных упраўленняў было следствам аб'ектыўнай немагчымасці вырашэння пытанняў алкагольнай палітыкі з цэнтру. Мясцовыя органы лепш бачылі асноўныя праблемы, спецыфіку асобных тэрыторый. Пераўтварэнні ў пачатку 1860-х гг. практычна не закранулі структуры мясцовых устаноў і выкліканы былі не пытаннямі эфектыўнасці, а эканоміяй сродкаў. Гэтая мэта дасягалася дзякуючы перамеркаванню службовых функцый паміж губернскімі і акруговымі акцызнымі ўпраўленнямі, зменай у размеркаванні на акругі і ўчасткі. Варта заўважыць, назвы гэтых органаў кіравання не заўсёды адпавядалі тэрытарыяльнаму аб'ёму кампетэнцыі: губернскае акцызнае ўпраўленні маглі распаўсюджваць сваю дзейнасць на некалькі губерняў, акруговыя – на некалькі паведаў, зыходзячы з колькасці прадпрыемстваў. Планавалася адкрыць іх толькі ў тых месцах, дзе яны будуць патрэбны, зыходзячы з колькасці вінакурняў, бровараў, прыватных складаў віна, так як нагляд за піцейнымі ўстановамі і продажам алкаголю не будзе складаць цяжкіх намаганняў для служачых акцызных упраўленняў [15, арк. 1].

Галоўныя абавязкі акруговых упраўленняў заключаліся ў падрабязным апісанні існуючых прадпрыемстваў, выкананні ўсталяваных правілаў вытворчасці, папярэджання і спынення беспатэнтнай вытворчасці і гандлю, рэвізіі заводаў і фабрык, прыцягнення да адказнасці ўладальнікаў прадпрыемстваў за парушэнні законаў аб акцызным зборы, правядзенні штомесечнай рэвізіі ўсіх прадпрыемстваў акругі, прадстаўленні справаздачы аб дзейнасці акцызнага ўпраўлення [1, с. 160].

Правядзенне акцызнага збору на павятовым узроўні было абавязкам акруговых акцызных упраўленняў, якія напрамую былі падпарадкаваныя губернскім упраўленням. Губерні была падзелены на піцейныя ўчасткі, якія былі роўна падзелены на паведаў. Напрыклад, у Магілёўскай губерні ў 1862 г. было адкрыта 7 акруговых акцызных упраўленняў: у 1-ю акругу ўваходзілі Магілёўскі і Быхаўскі паведаў, у 2-ю акругу – Аршанскі і Горыцкі, у 3-ю – Мсціслаўскі і Клімавіцкі, у 4-ю – Чэрыкаўскі і Чавускі, у 5-ю – Рагачоўскі, у 6-ю – Гомельскі, у 7-ю – Сенненскі [6, с. 463].

Віцебская губерня была падзелена на 5 акруг, дзе дзейнічалі адпаведна 5 акруговых акцызных упраўленняў: 1-я акруга аб'яднала Віцебскі і Гарадоцкі паведаў, 2-я – Полацкі і Люцынскі, 3-я – Дынабургскі і Рэжыцкі, 4-я – Себежскі, 5-я – Веліжскі [4, с. 370].

У Мінскай губерні дзейнічала 9 акруговых акцызных упраўленняў: Мінская, Ігуменская, Барысаўская, Пінская, Мозырская, Слуцкая, Навагрудская, Бабруйская і Рэчыцкая [9, с. 160, 180, 197, 217, 243, 264, 293, 316, 346].

У межах Гродзенскай губерні функцыянавала 7 акруговых акцызных упраўленняў: Гродзенска-Сакольскае, Беластоцка-Бельскае, Брэсцкае, Кобрынскае, Пружанскае, Слонімскае і Ваўкавыскае [16, с. 46, 57, 72, 79, 86, 92, 98].

Акругі, у сваю чаргу, дзяліліся на ўчасткі, на чале якіх стаялі памочнікі наглядчыкаў. Іх колькасць павінна быць прапарцыянальна колькасці вінакурняў [15, арк. 2]. Напрыклад, у 1878 г. у Пінскім і Слуцкім паведах было 5 памочнікаў наглядчыкаў, у Навагрудскім і Бабруйскім – 4, Мінскім, Барысаўскім, Мазырскім, Рэчыцкім – 3, у Ігуменскім – 2 [9, с. 160, 180, 197, 217, 243, 264, 293, 316, 346]. Колькасць акругаў у межах губерні неаднаразова змянялася да таго часу, пакуль акруговыя акцызныя ўпраўленні канчаткова не спынілі сваёй працы ў 1920 г. Напярэдадні Першай сусветнай вайны ў Магілёўскай губерні колькасць акруг паменшылася да чатырох (1-я – Магілёўскі, Быхаўскі і Чавускі паведаў; 2-я – Аршанскі і Сенненскі; 3-я – Клімавіцкі, Чэрыкаўскі і Мсціслаўскі; 4-я – Гомельскі і Рагачоўскі); у Віцебскай губерні да трох (1-я – Віцебскі, Гарадоцкі, Невельскі паведаў; 2-я – Полацкі і Лепельскі; 3-я – Дзвінскі, Рэжыцкі і Люцынскі) [7, с. 463; 6, с. 370].

У склад акруговага акцызнага ўпраўлення ўваходзілі наглядчык за акцызным зборам, яго старэйшыя і малодшыя памочнікі, а пры ўпраўленні дзейнічала канцылярыя [15, арк. 2]. Наглядчык акруговага ўпраўлення меў шырокія паўнамоцтвы, што дазваляла яму кантраляваць ход вытворчасці алкаголю на вызначанай тэрыторыі. Ён рабіў праверку заводаў і посуду для спірту, меў права выдаваць пасведчанні і патэнты на вытворчасць алкаголю, а пры неабходнасці дазваляў вытворцам адступаць ад пры-

нятых нормаў [14, с. 47]. Старшыня акруговага ўпраўлення веў нагляд за поўным і своечасовым паступленнем у казну збораў, за кнігай аб выдачы патэнтаў на вытворчасць напояў і піцейны гандаль, прысутнічаў на заводзе для засведчання спірту, накіраванага на продаж за мяжу [14, с. 45, 49]. Наглядчыкі падпарадкоўваліся кіраўніку ўпраўлення, якому былі абавязаны двойчы на год прадстаўляць справаздачы аб парушэннях правіл акцызнага збору.

Непасрэдны нагляд за броварнымі заводамі, а ў выпадку неабходнасці і за піцейным гандлем, быў у кампетэнцыі малодшых і старэйшых наглядчыкаў. Памочнікі займаліся выдачай пасведчанняў на вытворчасць напояў і патэнтаў на іх гандаль, кантралявалі выраб і продаж напояў, паступленне ў казну піцейных прыбыткаў, атрымлівалі ад кіраўніцтва прадпрыемства справаздачы аб даходах і выдатках спірту, він і сум акцызу, адпраўлялі ў губернскае акцызнае кіраванне штомесячныя ведамасці аб аб'ёмах вытворчасці і продажу напояў [14, с. 48–50]. Для ўзмацнення нагляду за тэхнічным бокам вытворчасці напояў і вырашэння пытанняў тэхнічнага характару законам ад 7 мая 1885 г. у склад акруговых упраўленняў увайшлі старэйшыя і малодшыя тэхнікі [17, с. 185]. Яны маглі апячатць машыны, посуд па вырабе і захоўванні спірту, правяраць запісы вытворчасці віна ў кантрольных кнігах. Па гэтым жа распараджэнні ў штат служачых акцызнага ўпраўлення быў уключаны судовы чыноўнік для кантролю за справамі аб парушэннях правілаў акцызнага збору і абароне іх у судзе [17, с. 185].

Працяг рэформаў у фінансава-падатковай сферы закрануў і парадак спагнання патэнтных збораў з рознічнага продажу алкагольных напояў. Для рэгулявання гандлю алкаголем у паведах па законе ад 14 мая 1885 г. былі адкрыты павятовыя па піцейных справах прысутнасці, якім з 1 студзеня 1886 г. перайшлі пад кантроль усе мясцовыя піцейныя ўстановы па продажы спіртных напояў [18, с. 201]. У стварэнні і функцыянаванні гэтай установы была зацікаўлена дзяржава, паколькі гандаль алкаголем даваў ёй значны даход і дзейнасць піцейных прысутнасцей заключалася не толькі ў мерах садзейнічання развіццю гэтага гандлю, але і ў мерах маральнага характару, бо празмер-

нае ўжыванне спіртных напояў згубна сказваецца на народнай маральнасці [1, с. 181]. Палажэнне аб акцызным зборы не дапускала незаконнага адкрыцця піцейных устаноў, асабліва корчмаў, і прадугледжвала барацьбу з алкагольнай манаполіяй. Галоўная функцыя павятовых па піцейных справах прысутнасцей – выдача дазволу на адкрыццё ўстаноў для рознічнага продажу алкагольных напояў і працэнтнага збору з прадазнай прадукцыі [18, с. 202].

Старшынёй павятовых па піцейных справах прысутнасці быў павятовы прадвадзіцель дваранства. Акрамя старшыні, у складзе прысутнасці былі міравы суддзя, пастаянны член павятовай па сялянскіх справах прысутнасці, павятовы спраўнік і асобны акцызны чыноўнік, якога прызначала ўпраўленне акцызнымі зборамі [18, с. 201]. Такі склад можна растлумачыць некалькімі важнымі абставінамі. Па-першае, удзел прадстаўніка суда магчымы таму, што менавіта яму даводзілася прыводзіць віноўных да судовай адказнасці. Па-другое, наяўнасць прадстаўніка паліцыі ў складзе прысутнасці тлумачыцца функцыямі бяспекі. Па-трэцяе, фінансавыя інтарэсы, цесна звязаныя з гандлем спіртнымі напоямі, маюць свайго прадстаўніка ў асобе чыноўніка акцызнага ведамства. Складана зразумець наяўнасць у штаце пастаяннага члена сялянскай прысутнасці. Верагодна, яго ўдзел тлумачыцца тым, што сяляне з'яўляліся галоўнымі спажыўцамі алкаголю [1, с. 183]. Апеляцыі на рашэнні павятовых па піцейных справах прысутнасцей падавалі на працягу двух тыдняў у губернскую прысутнасць. У выпадку нязгоды з боку старшыні акцызнага збору з рашэннем прысутнасці справа разглядалася міністрам фінансаў.

Аднак губернскія і павятовыя прысутнасці па піцейных справах як мясцовыя ўстановы праіснавалі нядоўга. З прыняццем Палажэння «Аб казённым продажы пітва» ад 6 чэрвеня 1894 г. адкрываліся дзяржаўныя вінныя лаўкі [19, с. 407]. З іншага боку, права весці гандаль алкаголем прыватныя асобы маглі атрымаць толькі з дазволу губернатара і кіраўніка акцызным зборам. Дзяржаўныя і прыватныя лаўкі павінны былі кіравацца адзінымі правіламі гандлю: продаж ажыццяўляўся ў закрытым посудзе, пры наяўнасці этыкеткі і з указаным коштам тавару. Корчмы і рэстараны маглі пра-

даваць алкаголь па ўласным кошыце і аб'ёме. З прыняццем такіх правіл дзеянне прысутнасцей па піцейных справах страчвала сэнс, і апошнія былі ліквідаваны па законе ад 2 мая 1895 г. [20, с. 271]. У беларускім краі гэты закон уступіў у сілу 1 ліпеня 1897 г. Згодна з законам, купля, чыстка і продаж спірту станавіліся манаполіяй казны. Законам прадугледжваліся вызначаны перавагі для дробных сельскагаспадарчых вінакурняў з мэтай заахвочвання іх развіцця: больш высокія кошты на спірт, гарантыя збыту праз казну ўсёй прадукцыі дробных прадпрыемстваў [2, с. 116]. З мэтай абмежавання насельніцтва ад злоўжыванняў алкаголем указам ад 20 снежня 1894 г. былі заснаваны павятовыя камітэты аб народнай цвярозасці, у склад якіх уваходзілі павятовы прадвадзіцель дваранства, член акруговага суда, павятовы спраўнік, начальнік паліцэйскага ўпраўлення, акцызны чыноўнік, падатны інспектар, інспектар народных вучылішчаў, міравыя суддзі і гарадскі галава [21, с. 682]. У адміністрацыйнай працы павятовыя камітэты сачылі за продажам спіртных напояў у піцейных установах і супрацьдзейнічалі таемнаму продажу алкаголю, размяркоўвалі за ўчастковымі апекунамі месцы іх дзейнасці, складалі рапарты аб парушэннях правіл продажу і злоўжываннямі спіртнымі напоямі рознымі асобамі.

Ва ўмовах адсутнасці на тэрыторыі Беларусі земскіх органаў кіравання пытаннямі арганізацыі мясцовай гаспадаркі займаліся некалькі інстытутаў. Сярод іх найважнейшую ролю ігралі павятовыя распарадчыя камітэты, стварэнне якіх па загадзе Дзяржаўнага савета ад 10 снежня 1874 г. «Аб спыненні існавання асобага дзяржаўнага земскага збору і прымацаванні яго да агульных дзяржаўных даходаў» было працягам рэформаў у фінансава-падатковай сферы для ўдасканалення збору казённых збораў і падаткаў [22, с. 416]. Павятовы распарадчы камітэт згодна са сваёй задачай змяніў павятовыя камісіі па справах воінскай пастойнай камісіі і асобыя прысутнасці па земскіх павіннасцях [22, с. 416]. Павятовыя камітэты знаходзіліся пад кіраўніцтвам губернскіх распарадчых камітэтаў, а апошнія, у сваю чаргу, знаходзіліся ў ведамстве Міністэрства фінансаў. Па новым законе былы дзяржаўны земскі збор быў далучаны да даходаў дзяржаўнага казначэйства, як і іншыя

казёныя зборы. Падушныя зборы з сялян, акладны збор з мяшчан, пазямельны земскі збор цяпер называліся дзяржаўным пазямельным падаткам, плацяжы з гандлёвых пасведчанняў атрымалі назву дабавачных казённых збораў. Складанне ведамасцей і раскладак земскага збору на трохгадовы перыяд было скасавана.

Галоўнымі функцыямі павятовых распарадчых камітэтаў былі збор падаткаў па мясцовай, прыватнай і земскай павіннасцях, забеспячэнне раз'ездаў для служачых мясцовай паліцыі, размеркаванне сродкаў на кватэрныя патрэбы войска, на патрэбы мясцовай гаспадаркі, на наём, пабудову, рамонт, ацяпленне і асвячэнне будынкаў для дзяржаўных устаноў, утрыманне мастоў, дарог і г.д. [22, с. 416].

Згодна з арт. 11 Палажэння ад 10 снежня 1874 г. у склад павятовых распарадчых камітэтаў уваходзілі павятовы спраўнік (старшыня камітэта), гарадскі галава, валасныя старшыні і міравыя пасрэднікі (з 1878 г. у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях – пастаянныя члены павятовых па сялянскіх справах прысутнасцей) [22, с. 416–417]. Да штату павятовага камітэту быў далучаны і павятовы воінскі начальнік [23, с. 84]. У павеце на нарады камітэту па гаспадарчых пытаннях абавязкова павінен быць запрошаны валасны старшыня, а таксама па адным дэлегаце ад ваеннага і паштовага ведамстваў [22, с. 417]. Такі склад распарадчых камітэтаў тлумачыцца самой мэтай іх існавання. Вырашэнне спрэчных спраў у камітэце адбывалася большасцю, пры роўнасці прымалася тая думка, за якую прагаласаваў старшыня. У сувязі з прыняццем 2 красавіка 1903 г. «Палажэння аб кіраванні земскай гаспадаркай у дзевяці заходніх губернях» павятовыя распарадчыя камітэты спынілі сваё існаванне ў Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях. Іх функцыі былі перададзены павятовым камітэтам і земскім управам. У Віленскай і Гродзенскай губернях камітэты працягвалі сваю працу.

Інтэнсіўнае развіццё капіталістычнага рынку садзейнічала перабудове падатковай сістэмы. Павялічвалася колькасць падаткаабкладаемых аб'ектаў, адначасова адбывалася ўскладненне парадку вызначэння збораў. Прычына стварэння мясцовага падатковага органа была абумоўлена адсутнасцю ў казённых палат магчымасцей для азнаям-

лення з умовамі даходнасці маёмасцей, промыслаў і гандлю ў паветах, асабліва ў валацях. У такіх умовах важна было мець агентаў губернскай фінансавай адміністрацыі на месцах. Згодна з «Правіламі аб абкладанні гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў дадатковым зборам» ад 15 студзеня 1885 г. пры казённых палатах былі адкрыты павятовыя падатковыя прысутнасці [24, с. 10–12]. Закон ад 15 студзеня 1885 г. зафіксаваў памер дадатковага раскладачнага збору для губерні, які штогод размяркоўваўся па паветах губернскай падатковай прысутнасцю ў залежнасці ад ступені развіцця гандлю і прамысловасці. Затым у межах павета падатковая інспекцыя вызначала памеры збору з прадпрыемстваў, зыходзячы з іх даходнасці [24, с. 12].

Галоўная задача павятовай прысутнасці заключалася ў кантролі за паступленнем дадатковага праэцэнтага і раскладачнага збору з акцыянерных таварыстваў і кампаній; у размеркаванні, зыходзячы са ступені прыбытку гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў, падатку дадатковага збору [24, с. 12]. Для гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў, якія выплачвалі гільдзейскія пошліны, а таксама акцыянерных таварыстваў і кампаній, быў устаноўлены дадатковы падатак у памеры 3 % ад чыстага прыбытку [6, с. 468]. Астатнія прадпрыемствы абкладаліся дадатковым зборам, агульная сума якога вызначалася ў заканадаўчым парадку кожныя 3 гады, а затым размяркоўвалася ў межах павета па валацях. Па правілах ад 18 студзеня 1898 г. павятовым прысутнасцям было перададзена права збору з негільдзейскіх прадпрыемстваў [25, с. 29–31].

Фарміраванне складу павятовых падатковых прысутнасцей у беларускіх губернях мела сваю спецыфіку. Калі па законе ад 15 студзеня 1885 г. прызначэнне службовых асоб адбывалася па рашэнні мясцовых земскіх устаноў, то ў Беларусі члены губернскіх і павятовых прысутнасцей назначаліся сумесным рашэннем губернатара і кіраўніка казёнай палаты [24, с. 11]. Кіраваў дзейнасцю павятовай прысутнасці падатковы інспектар, дзеянні якога напрамую былі падпарадкаваны міністру фінансаў. Пасада падатковага інспектара была заснавана згодна з рашэннем Дзяржаўнага савета ад 30 красавіка 1885 г. [26, с. 179]. Інспек-

тар назіраў за выкананнем правіл гандлю на даручаным яму ўчастку, сачыў за ўлікам каштоўнасцей і прыбытковасці маёмасці, кантраляваў абкладанне дзяржаўным зборам [26, с. 180]. Больш дакладна абавязкі падатковых інспектараў былі ўстаноўлены загадам Дэпартаменту абкладных збораў ад 12 жніўня 1885 г. [6, с. 469]. Згодна з гэтай пастановай, роля падатковых інспектараў заключалася ў дзеяннях па прыцягненні маёмасцей да платы казённых збораў, наглядае за паступленнем акладных збораў у казну, выкананнем розных даручэнняў і вядзеннем справаводства казёнай палаты па прамысловым зборы з гандлёвых устаноў і прамысловых прадпрыемстваў, іх прыбыткам і прыбылі. Акрамя таго, павятовы падатковы інспектар кіраваў працай па выдачы гандлёвых пасведчанняў, займаўся вядзеннем спісаў і журналаў праверак прадпрыемстваў, наглядаў за паступленнем гандлёвых і гербавых збораў, загадваў правядзеннем фінансавых рэвізій гарадскіх упраў, улікам і ацэнкай зямельных угоддзяў, праводзіў ацэнку нерухомай маёмасці розных асоб пры яе перадачы ў спадчыну ці іншым уладальнікам, ажыццяўляў кантроль за паступленнем выкупных плацяжоў, назіраў за спаганнем нядоімак з сялянскіх надзелаў, прыватных землеўладанняў, веў улік збору збавыны, коштаў на сельскагаспадарчыя прадукты, спісы домаўладальнікаў і прыбыткаў іх гаспадароў [6, с. 469–470].

Падатковыя інспектары з'яўляліся другімі па ступені значнасці, пасля павятовых казначэй, служачымі фінансавых устаноў павятовага ўзроўню. Ад добрасумленнага выканання імі сваіх службовых абавязкаў залежала паспяховае выкананне даходнай часткі бюджэту, фарміраванне ў губернскіх органах адэкватнага ўяўлення пра стан гаспадаркі і яго перспектывах, ажыццяўленне належнага кантролю за дзейнасцю павятовых казначэйстваў. Менавіта падатковыя інспектары станавіліся кампетэнтнымі экспертамі ў галіне развіцця мясцовага гандлю, прамысловасці і аграрнай гаспадаркі.

Пасля рэформы 1861 г. дзяржаве былі патрэбныя больш дасканалыя механізмы для ўдасканалення сістэмы падаткаабкладання ўсіх слаёў насельніцтва. Пераход да практычнай рэалізацыі рэформы адбыўся па законе ад 18 мая 1882 г., які адмяніў нядоімкі па падушным падатку, якія застава-

ліся на 1 студзеня 1883 г., былі скасаваны спагнанні для большай часткі безземельных сялян. З 1 студзеня 1886 г. на аснове рашэння Дзяржаўнага савета ад 15 мая 1885 г. была зацверджана адмена выплаты падушнага падатку. Дзяржаўны савет 8 чэрвеня 1893 г. прыняў «Правілы ацэнкі нерухомай маёмасці для спагнання земскімі зборамі», згодна з якімі былі ўтвораны павятовыя ацэначныя камісіі [27, с. 415]. Новыя органы ўлады ўстанаўлівалі агульныя правілы ацэнкі нерухомай маёмасці ў межах павета, разглядалі хадайніцтвы землеўласнікаў аб паніжэнні ацэнкі даходнасці зямлі, разглядалі скаргі на ацэнку асобных аб'ектаў нерухомай маёмасці, вызначалі кошт нерухомай маёмасці ў павеце. Абавязкам павятовых камісій у беларускіх губернях з'яўляўся збор інфармацыі аб коштах на землі, разгляд скаргаў уласнікаў аб няправільным размеркаванні зямлі на надзелах, няправільнай ацэнцы прадпрыемстваў, гандлёвых лавак і іншай нерухомай маёмасці, завышэнні памераў падаткаў сельскіх таварыстваў і г. д.

У склад павятовых ацэначных камісій уваходзілі павятовы прадвадзіцель дваранства, падатковы інспектар, член прысутнасці на сялянскіх справах, участковы земскі начальнік, старшыня павятовай земскай управы, два выбраныя ад гарадской думы члены, служачы ад ведамства дзяржаўных маёмасцей. Для кантролю за дзейнасцю павятовых ацэначных камісій па рашэнні Дзяржаўнага савета ад 18 студзеня 1899 г. былі створаны губернскія ацэначныя камісіі на чале з губернатарам [5, с. 417].

З утварэннем у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях земстваў па ўказе Сената ад 14 сакавіка 1911 г. павятовыя і губернскія ацэначныя камісіі былі ліквідаваны, а іх справы былі перададзены земскім управам. Аднак з-за шматлікіх скаргаў і марудных тэмпаў вырашэння земскімі ўстановамі вялікай колькасці спраў, павятовыя ацэначныя камісіі былі вымушаны аднавіць сваю працу праз год пасля скасавання [5, с. 421]. Акрамя ўстаноўленых раней функцый, павятовым ацэначным камісіям даручалася пераацэнка нерухомай маёмасці ў павеце, разгляд скаргаў ад уладальнікаў фабрык, заводаў, гарадскіх і сельскіх будынкаў на няправільнае апісанне іх нерухомай маёмасці да 1911 г.

Завяршэннем пераходу да падаходнага прыбытку адбылося з прыняццем 8 чэр-

веня 1898 г. «Палажэння аб дзяржаўным прамысловым падатку» [28, арк. 1]. Згодна з Палажэннем, павятовыя падатковыя прысутнасці былі ліквідаваны, а іх функцыі перайшлі да павятовых прысутнасцей па прамысловым падатку. Прамысловы падатак уводзіўся з 1 студзеня 1899 г. на гандлёвыя, крэдытныя і страхавыя прадпрыемствы, гандлёвае пасрэдніцтва і пастаўкі, фабрычна-заводскія, рамесныя і іншыя мясцовыя прамысловыя заняткі [7, с. 37]. Ён складаўся з дзвюх частак: асноўнага і дадатковага. Для вызначэння памеру асноўнага падатку мясцовасць дзялілася на катэгорыі ў залежнасці ад развіцця прамысловасці і гандлю. Такі падатак плацілі па прамысловым пасведчанні, якое ўяўлялася сабой спецыяльны ліст з падрабязнай інфармацыяй аб прадпрыемстве. Па арт. 5 Палажэння дадатковаму прамысловаму падатку падлягалі прадпрыемствы акцыянерных таварыстваў [29, с. 491].

Для арганізацыі збору губерню дзялілі на ўчасткі, у кожным з якіх была створана павятовая прысутнасць. На чале прысутнасці знаходзіўся падатковы інспектар. Акрамя старшыні, у складзе прысутнасці знаходзіліся прадстаўнік ад акцызнага ведамства і 6 асоб, якія назначаліся губернатарам па дамове з кіраўніком казённай палаты з ліку падаткаплацельшчыкаў [29, с. 496]. Члены назначаліся на 4 гады, але кожныя 3 гады палова з іх мянялася на новыя [28, арк. 1, 3]. Пасяджэнні прысутнасці склікаліся старшынёй па меры неабходнасці.

Заклучэнне

Развіццё капіталістычных адносін выклікала фінансава-эканамічныя рэформы 1860–1890-х гг, што адбілася на зменах у арганізацыі павятовых органаў, іх структуры і функцыях. Дзейнасць павятовых казначэйстваў была накіравана на збор, размеркаванне і захаванне грашовых сродкаў, кантроль фінансавых аперацый. Стварэнне акруговых акцызных упраўленняў было вынікам праблемы ў вырашэнні пытанняў алкагольнай палітыкі з цэнтра. Мясцовыя органы лепш бачылі асноўныя праблемы, спецыфіку асобных тэрыторый. Рэфармаванне піцейных органаў ў вызначаны перыяд дазволіла не толькі значна павялічыць аб'ёмы падатковых збораў, але і вырашыць цэлы шэраг сацыяльных і палітычных пытанняў, звязаных з вытворчасцю і спажываннем

спіртных напояў. Гэтая мэта дасягалася дзякучы пераразмеркаванню службовых функцый паміж губернскімі і акруговымі акцызнымі ўпраўленнямі, зменаў у размежаванні на акругі і ўчасткі. Для ўдасканалення падаткаабкладання былі створаны інспекцыя на чале з падатковым інспектарам, павятовыя падатковыя прысутнасці, павятовыя ацэначныя камісіі, павятовыя прысутнасці па прамысловым падатку. У выніку чаго была рэалізавана асноўная ідэя пераўтварэння, звязаная, па-першае, з атрыманнем універсальнай крыніцы дакладных і своечасовых дадзеных аб падаткаплацельшчыках з мэтай аптымізацыі падатковага кіра-

вання, па-другое, з найбольш паслядоўнай рэалізацыяй прынцыпаў дыферэнцыяцыі і справядлівасці падаткаабкладання. Але ў сістэме падаткаабкладання прысутнічалі недахопы, звязаныя з адсутнасцю адзінага крытэрыю пабудовы самой сістэмы, парушэннем прынцыпу раўнамернасці падаткаабкладання.

Такім чынам, павятовыя фінансава-падатковыя ўстановы, падкантрольныя мясцовай адміністрацыі, сталі неад'емным элементам дзяржаўных інстытутаў улады, практычна ажыццяўлялі важныя напрамкі фінансава-эканамічнай палітыкі на месцах.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Ивановский, В. В. Русское государственное право : в 2 т. / В. В. Ивановский. – Казань : Типолитограф. Импр. ун-та, 1896. – Т. 2 : Верховная власть и ее органы : в 2 ч. – Ч. 2 : Местные установления. – 1898. – 679 с.
2. Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / Л. П. Липинский. – Минск : Наука и техника, 1971. – 252 с.
3. Токць, С. М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. М. Токць. – Мінск, 1997. – 150 с.
4. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения, 1802–1917 : справочник / сост.: Т. Е. Леонтьева, Д. Л. Яцкевич ; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524 с.
5. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.] ; сост.: Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
6. Каханюўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 г.) / А. Г. Каханюўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.
7. Бурачонок, А. В. Рэгламентацыя падаткаабкладання прамысловага прадпрыемства ў Беларусі ў другой палове XIX ст. / А. В. Бурачонок // Беларус. гіст. часоп. – 2012. – № 1. – С. 35–39.
8. Наставление о свидетельстве уездных казначейств // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – 2-е собр. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10793. – С. 1002–1006.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1878 г. – Минск : Изд. Минск. стат. ком., 1878. – 251 с.
10. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // ПСЗРИ. – 1-е собр. – Т. 20. – Отд. 1. – № 14392. – С. 229–304.
11. Инструкция уездным казначеям // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10792. – С. 989–1001.
12. Об учреждении губернских казначейств, расходных отделений и преобразовании уездных казначейств // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 40. – № 42728. – С. 291–293.
13. Дело о создании уездных комиссий для производства раскладки процентного сбора // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 9425.
14. Положение о питейном сборе // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 36. – № 37197. – С. 39–70.
15. Дело об учреждении губернского акцизного и окружных акцизных управлений // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 30985.
16. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии. – Гродно : Изд. Гродн. губерн. стат. ком. на 1885 г. – 1884. – 412 с.

17. Об усилении личного состава акцизных управлений // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 5. – № 2918. – С. 186–187.
18. Правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 5. – № 2946. – С. 199–209.
19. Положение о казенной продаже питей // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 14. – Отд. 1. – № 10766. – С. 404–410.
20. О введении казенной продажи в некоторых местностях империи // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 15. – Отд. 1. – № 11620. – С. 271.
21. Устав попечительств о народной трезвости // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 14. – Отд. 1. – № 11152. – С. 682–685.
22. О прекращении отдельного существования отдельного земского сбора и присоединении его к общим государственным доходам, 10 декабря 1874 г. // ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 49. – Отд. 1. – № 54144. – Спб., 1875. – С. 415–417.
23. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии. – Гродно : Изд. Гродн. губерн. стат. ком. на 1878 г. – 1877. – 235 с.
24. Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным) // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 5. – № 2664. – С. 10–12.
25. Положение о государственном промышленном налоге // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 18. – Отд. 1. – № 15601. – С. 489–515.
26. Об учреждении должностей податных инспекторов // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 5. – № 2907. – С. 179–181.
27. Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 13. – № 9744. – С. 414–420.
28. Дело об утверждении уездных раскладочных присутствий по промышленному налогу // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 6991.
29. Положение о государственном промышленном налоге // ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 18. – № 15601. – С. 489–515.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.02.2020

УДК [94:327](474)“1995/2004”

Андрей Александрович Володькин

канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник Института истории
Национальной академии наук Беларуси,
докторант каф. международных отношений
Белорусского государственного университета

Andrei Volodkin

*Ph.D. in history, associate professor, senior researcher of the Institute of History
of the National Academy of Sciences of Belarus,
doctoral fellow of the International relations faculty of Belarusian State University
e-mail: valodzkin@bsu.by*

РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В ПЕРИОД ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ЕС И НАТО (1995–2004 гг.)

Рассматривается историческая динамика ключевых векторов внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1995–2004 гг. Цель – выявить, как процессы интеграции этих стран в ЕС и НАТО отразились на развитии ключевых направлений их внешней политики. Для достижения этой цели выделены основные этапы процесса интеграции государств Балтии в ЕС и НАТО и проанализировано их влияние на развитие отношений этих стран с их главными партнерами на международной арене – соседними государствами Северной и Центральной Европы, США и Россией. В заключении представлены выводы о влиянии процессов интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО на развитие европейского, американского и российского векторов их внешней политики.

The Development of the Main Vectors of Baltic States' Foreign Policy During their Integration into the EU and NATO (1995–2004)

The article discusses the historical dynamics of the key vectors of the foreign policy of Lithuania, Latvia and Estonia in 1995–2004. Its objective is to reveal how the processes of integration of these states into the EU and NATO have affected the development of key areas of their foreign policy. To achieve this goal, the author highlights the main stages of the Baltic states' integration into the EU and NATO process and analyzes how they influenced the development of relations between these states and their main partners on the international arena: the neighboring states of Northern and Central Europe, the USA and Russia. Finally there are presented conclusions on the impact of the integration processes of Lithuania, Latvia and Estonia into the EU and NATO on the development of the European, American and Russian vectors of their foreign policy.

Введение

Время с середины 1990-х гг. до 2004 г. в развитии Литвы, Латвии и Эстонии можно охарактеризовать как период их интеграции в ключевые международные институты западного сообщества – Европейский союз (ЕС) и Организацию Североатлантического договора (НАТО). Если на предыдущем этапе основными задачами внешней политики государств Балтии были завершение «цивилизованного развода» с Россией и другими постсоветскими странами, а также налаживание отношений с ключевыми союзниками на Западе, то в 1995–2004 гг. интеграция в ЕС и НАТО становится главной стратегической целью, подчинившей себе все остальные внешнеполитические векторы. Поэтому цель статьи – выявить, как процессы интеграции стран Балтии в ЕС и НАТО отразились на развитии ключевых направлений их

внешней политики. Для ее достижения поставлены задачи выделить основные этапы процесса интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО и проанализировать их влияние на развитие отношений этих стран с их главными партнерами на международной арене – государствами Северной и Центральной Европы, США и Россией. Хронологические рамки исследования охватывают период с осени 1995 г., когда страны Балтии официально стали кандидатами на вступление в ЕС до весны 2004 г., когда все они были приняты в НАТО и ЕС.

Хотя отношения государств Балтии с США, Россией, европейскими странами и институтами в целом достаточно часто становится предметом экспертных и научных публикаций на русском и английском языках, они, как правило, рассматриваются сугубо в рамках политической науки. Ис-

пользуя модели и подходы теории международных отношений и внешнеполитического анализа, авторы исследуют актуальные проблемы отношений Литвы, Латвии и Эстонии с другими субъектами международных отношений и пытаются прогнозировать их будущее развитие без тщательного анализа исторической динамики этих процессов за последние три десятилетия – с момента восстановления независимости этих стран. Исключением из этого правила можно назвать монографию бельгийского профессора права П. Ван Элсувеге, в которой достаточно подробно рассматривается исторический путь государств Балтии из Советского Союза в Европейский [1], а также опубликованную на сайте МГИМО(У) МИД России кандидатскую диссертацию В. В. Воротникова, в которой автор прежде чем перейти к непосредственному предмету своего исследования – концепциям внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 2004–2012 гг. делает пространственный экскурс в историю внешней политики этих стран с момента образования их государственности [2].

Таким образом, статья представляет собой одну из первых попыток исследовать формирование внешнеполитических приоритетов государств Балтии в постсоветский период с позиций исторической науки. Поэтому основу методологии исследования составляет принцип историзма и метод поступательной реконструкции исторического процесса с выявлением его этапов, тенденций и факторов, которые обусловили их динамику. Источниковую базу исследования составляют международные соглашения и государственные документы этих стран [3–6], публикации ведущих СМИ государств Балтии за рассматриваемый период [7–10], а также мемуары первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса [11] и отдельные сведения об исторических фактах по теме исследования из политологических публикаций [12–17].

Этапы интеграции государств Балтии в ЕС и НАТО

Чтобы оценить влияние процессов европейской и евроатлантической интеграции на внешнюю политику Литвы, Латвии и Эстонии, для начала необходимо определить их основные этапы. ЕС и НАТО начали подготовку к расширению на восток почти

одновременно. ЕС в 1993 г. принимает т. н. Копенгагенские критерии, которые зафиксировали политические требования к переходным странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), желающим к нему присоединиться, а в 1994 г. – Эссенскую стратегию, которая предусматривала экономические критерии для оценки готовности стран-кандидатов войти в Общий рынок ЕС. В том же 1994 г. на саммите НАТО в Брюсселе принимается принципиальное решение о начале подготовки к восточному расширению. Затем и в ЕС, и в НАТО несколько лет шла полемика о сроках расширения и очередности приема стран-кандидатов. В итоге в 1997 г. на Мадридском саммите НАТО и Люксембургском саммите ЕС принимаются решения об определении приоритетных кандидатов на присоединение к ЕС (Польша, Чехия, Венгрия, Словения, Эстония, Кипр) и НАТО (Польша, Чехия и Венгрия). Если НАТО в 1999 г. проводит первый ограниченный раунд расширения на восток, а для остальных кандидатов принимает План действий по подготовке к членству (ПДЧ), то ЕС на саммите в Хельсинки принимает решение уравнивать шансы всех кандидатов, отменив их прежнее деление на первую и вторую волны, и сохраняет неопределенность по поводу сроков начала расширения. Однако международные события 1999–2001 гг. убеждают обе организации отказаться от прежних планов расширения в ЦВЕ в несколько этапов в пользу практически синхронного принятия весной 2004 г. почти всех стран-кандидатов из этого региона. Соответствующие решения были приняты на саммите НАТО в Праге (ноябрь 2002 г.) и саммите ЕС в Афинах (2003 г.). Таким образом, в регионе ЦВЕ следует отметить значительную координацию планов расширения ЕС и НАТО, которая фактически представляла часть единого процесса интеграции стран ЦВЕ в сообщество коллективного Запада.

Обозначенные этапы процесса подготовки восточного расширения НАТО и ЕС достаточно четко отразились и на внешней политике государств Балтии. На первом из них (1995–1997 гг.) Литва, Латвия и Эстония пытались единым фронтом форсировать свой прием в обе эти организации. В конце 1995 г. принимается концепция внешней политики Латвии до 2005 г. [3; 4],

а в 1996 г. – закон об основах национальной безопасности Литвы [5]. Оба документа закрепляли вступление в ЕС и НАТО в качестве важнейших стратегических целей внешней политики этих стран. Однако решения саммитов 1997 г., в соответствии с которыми лишь Эстония попала в группу первоочередных кандидатов на вступление в ЕС, а в случае НАТО – в первый раунд расширения не попала ни одна из трех стран, заставили их более реалистично оценить свои шансы на вступление в европейские структуры. Поэтому в 1997–1999 гг. страны Балтии делают ставку на наращивание такой критической массы практического сотрудничества с обеими организациями, которая в итоге сделала бы их прием просто неизбежной формальностью. Наконец в 1999 г. решение ЕС начать переговоры о вступлении со всеми странами-кандидатами, чтобы впоследствии принимать их по мере завершения этих переговоров с каждой из них, и решение НАТО распространить ПДЧ на всех кандидатов внесли в действия трех государств элемент соперничества: каждое из них, опасаясь не попасть в следующий раунд расширения, стремилось продемонстрировать, что именно оно соответствует критериям приема и готово к выполнению своих членских обязанностей лучше, чем его соседи [12, с. 141].

Европейский вектор внешней политики государств Балтии

Рассмотрим, как в этот период развивались отношения государств Балтии с их ключевыми партнерами на международной арене. Еще со времен борьбы за восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии большое значение для них имела поддержка соседних государств Северной Европы. Они первыми восстановили дипломатические отношения со странами Балтии, заключили соглашения о свободной торговле и в 1990-х гг. вошли в число ведущих зарубежных инвесторов этих государств, особенно Эстонии. Кроме того, северные государства стремились увеличить свой вес в европейской политике, выступая в роли ретрансляторов европейских моделей развития в переходные страны, расположенные на восточном берегу Балтийского моря – Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, а также в северо-западные регионы России. Они

стали инициаторами формирования нового экономического и политического региона Европы – региона Балтийского моря, для развития которого стремились привлечь ресурсы ЕС. С этой целью по инициативе датского министра иностранных дел У. Эллеманн-Йенсена в марте 1992 г. была основана региональная организация – Совет государств Балтийского моря, сооснователями которого стали все страны, имеющие выход к Балтийскому морю, а также Европейская комиссия. Швеция и Финляндия, вступая 1 января 1995 г. в ЕС, добились от Брюсселя, чтобы их соглашения о свободной торговле со странами Балтии не только не были расторгнуты, как того требовали правила приема в ЕС, но стали частью общей договорно-правовой базы Евросоюза (их действие распространялось на все страны ЕС).

Вступление Швеции и Финляндии в ЕС вообще имело очень большое значение для государств Балтии: вместе с Данией эти страны стали главными лоббистами их интересов в Евросоюзе, а также инициаторами формирования комплексной региональной стратегии ЕС в отношении региона Балтийского моря. Таким образом, Швеция, Финляндия и Дания стали для государств Балтии надежными и последовательными союзниками в вопросе присоединения к ЕС. Это было для них чрезвычайно важно, поскольку первоначальные расчеты политических элит Литвы, Латвии и Эстонии видеть в этой роли Германию не оправдались: для ФРГ первоочередным приоритетом была интеграция в ЕС и НАТО своих непосредственных восточных соседей – государств Вышеградской группы, а не стран Балтии [13, с. 241]. Поэтому степень сближения с северными странами рассматривалась в государствах Балтии как важный ресурс в деле интеграции в Евросоюз. После того как на Люксембургском саммите ЕС 1997 г. лишь Эстония была включена в список кандидатов первой волны, эстонский министр иностранных дел Т. Х. Ильвес объяснил это не только более эффективными результатами экономических реформ, но и более тесными связями его страны с Северной Европой. По мнению Ильвеса, по структуре своих связей Эстония являлась в гораздо большей степени северной страной, чем балтийской.

Вместе с тем политические элиты стран Балтии очень настороженно относи-

лись к любым инициативам по развитию регионального сотрудничества с северными государствами в сфере безопасности и обороны, опасаясь, чтобы оно не стало преградой на пути к членству Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО. Дело в том, что планы государств Балтии вступить в НАТО, в отличие от их планов вступления в ЕС, вызывали резкие возражения со стороны России, которая была категорически против того, чтобы в процессе своего расширения Альянс переходил границы бывшего СССР. Поэтому в середине 1990-х гг. российский президент Б. Н. Ельцин активно продвигал идею создания региональной системы коллективной безопасности северных и балтийских стран в качестве альтернативы членству последних в НАТО. В 1995 г. такую идею поддержал и президент США Б. Клинтон. И хотя в северных странах она не вызвала особого энтузиазма, так как их руководство понимало, что в случае ее реализации именно на их бюджеты ляжет основное бремя финансовой ответственности за обеспечение безопасности государств Балтии, даже здесь некоторые политики склонялись к поддержке подобных планов. Об этом, в частности, свидетельствует выдвижение в июне 2000 г. министрами обороны Швеции и ФРГ г. н. Кильской инициативы, которая по своему содержанию была близка предложениям Б. Н. Ельцина [13, с. 245].

Поэтому перед странами Балтии встала проблема: как направить региональное сотрудничество с северными странами в такое русло, чтобы из потенциальной альтернативы членству в НАТО оно превратилось в инструмент, содействующий их вступлению в эту организацию? В середине 1990-х гг. Литва, Латвия и Эстония начинают развивать в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» проекты трехстороннего сотрудничества в военной сфере: в 1995 г. был образован сводный балтийский миротворческий батальон БАЛТБАТ, в 1997 г. – сводная военно-морская эскадра БАЛТРОН, а с 1999 г. начал функционировать БАЛТДЕФКОЛ – совместный военный колледж для подготовки высшего офицерского состава стран Балтии. Как отметил в своей статье бывший сотрудник министерства обороны Эстонии М. Колга, эти проекты никогда не рассматривались странами Балтии как самодостаточные; напротив,

их главной и, пожалуй, единственной целью было продемонстрировать способность трех государств взаимодействовать друг с другом и странами НАТО в военной сфере, а также готовность быть не только «потребителями безопасности», которую в случае приема гарантировал бы им Альянс, но и вносить свой посильный вклад в укрепление его общей обороны. Поэтому к реализации этих проектов с самого начала привлекались ближайшие страны – члены НАТО (Дания, Норвегия и Германия). После того как в 1997 г. все эти проекты были объединены под эгидой Балтийской группы по содействию безопасности (BALTSEA), за каждым из них закреплялось по две страны-координатора: одна из числа государств Балтии, другая – из вышеупомянутых членов НАТО [18]. В этот период БАЛТБАТ прошел подготовку на базе норвежских миротворческих сил в Ливане, а также участвовал в 1998 г. в операции НАТО по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине.

Общность внешнеполитических целей способствовала развитию связей государств Балтии и с другими соседями – странами Центральной Европы, которые также стремились к вступлению в ЕС и НАТО, усилению в восточной части континента американского влияния и ослаблению российского. Особую роль в развитии сотрудничества между двумя регионами играла Польша, которая имеет общую границу с Литвой и так же, как и страны Балтии, считает себя наиболее пострадавшей от последствий советско-германского Пакта Молотова – Риббентропа. Вместе с тем польско-литовские отношения были отягощены негативной памятью о продолжительном конфликте 1920–1930-х гг. из-за г. Вильнюс (Вильно) и Виленского края, а также взаимной критикой в начале 1990-х гг. в связи с проблемами польского национального меньшинства в Литве. Но, как отмечает в своих мемуарах А. Бразаускас, общность политических ценностей и интересов двух государств помогла им преодолеть противоречия, несмотря на попытки радикальных националистов и с той, и с другой стороны обострить отношения [11, с. 339].

26 апреля 1994 г. между Литвой и Польшей был подписан Договор о дружбе и добрососедстве, который заложил основы дальнейшего тесного сотрудничества двух

стран на международной арене. А после того как Польша в 1997 г. стала официальным кандидатом на вступление в НАТО, Литва начала активно развивать с ней военное и политическое сотрудничество, стремилась перенять «польскую модель» интеграции в НАТО. Поэтому появилось даже такое устойчивое выражение, что если для Эстонии и Латвии путь в евроатлантические структуры лежит через Северную Европу, то для Литвы – через Польшу [8].

Однако взаимодействие государств Балтии и ЦВЕ не исчерпывалось одним лишь литовско-польским двухсторонним сотрудничеством. Уже в сентябре 1997 г. по инициативе президента Литвы А. Бразаускаса в Вильнюсе собралась многосторонняя конференция стран ЦВЕ и Балтии по вопросам безопасности и добрососедства. А в мае 2000 г. на встрече в Вильнюсе министров иностранных дел стран ЦВЕ и Балтии был образован формат сотрудничества, получивший неофициальное название «Вильнюсская десятка». Этот формат объединил десять государств, расположенных от Балкан до Балтики, которые стремились к вступлению в НАТО и ЕС. При этом для «Вильнюсской десятки» изначально было характерно преобладание проамериканских позиций. Так, в начале 2000-х гг. на ее встречах были приняты декларации в поддержку операций США в Афганистане и Ираке, что означало четкое размежевание с позицией по данному вопросу стран т. н. «старой Европы» во главе с Францией и Германией. Таким образом, накануне вступления в ЕС страны ЦВЕ и Балтии дали понять, что не собираются во всем следовать в фарватере внешней политики франко-германского «ядра Евросоюза».

Американский вектор внешней политики государств Балтии

Столь выраженную проамериканскую позицию государств Балтии можно объяснить их стремлением получить гарантии своей безопасности именно от США, как единственной оставшейся в мире сверхдержавы, и пониманием, что именно позиция Вашингтона будет иметь решающее значение в вопросе их приема в НАТО [15; 16]. Поэтому с самого начала 1990-х гг. они старались использовать все возможности для налаживания тесных связей с США, вклю-

чая ресурс своей довольно многочисленной и хорошо организованной диаспоры в этой стране. При этом нужно отметить, что в повестке балтийско-американских отношений сразу сформировалось два основных направления: во-первых, вопросы приема стран Балтии в НАТО и вовлечение США в обеспечение их безопасности, а во-вторых – взаимная политическая поддержка в международных организациях. Как отмечает бывший советник президента Латвии профессор Ж. Озолиня, тесное сотрудничество с США в ООН помогло убрать к 1996 г. из повестки органов этой организации российские претензии о несоблюдении в Латвии прав человека. А благодаря беспрецедентной поддержке американского госсекретаря М. Олбрайт, которая убедила ряд государств Африки и Азии поддержать кандидатуру Латвии, та была избрана в Совет ООН по экономическому и социальному сотрудничеству (ЭККОС), а в следующем году – в Комитет по правам человека в Женеве [17, с. 76–77]. Вопросы же экономического и гуманитарного сотрудничества занимали в балтийско-американских отношениях явно второстепенное место: американский бизнес не проявлял особого интереса к мелким и отдаленным рынкам стран Балтии. А попытки их правительств специально привлечь его к реализации стратегических проектов, таких как приватизация нефтеперерабатывающего завода в литовском городе Мажейкяй или разработка сланцевых месторождений неизменно заканчивались коррупционными скандалами.

Для политических контактов между США и странами Балтии на высшем уровне в рассматриваемый период было характерно то, что все они проходили исключительно в четырехстороннем формате. Как писал А. Бразаускас, американские президенты никогда не встречались с главами балтийских стран по отдельности, тем самым ясно заявляя, что рассматривают эти три государства как единый регион и не желают провоцировать между ними соперничество, отдавая предпочтение какому-то одному из них [11, с. 453]. Так, 26–27 апреля 1996 г. состоялся совместный визит в США президентов Литвы А. Бразаускаса, Латвии Г. Ульманиса и Эстонии Л. Мери [7]. В январе 1998 г. эти же лидеры посетили Вашингтон для подписания Хартии о партнер-

стве между США, Эстонией, Латвией и Литвой, более известной как «Балтийская хартия». Хотя этот документ не содержал никаких конкретных обязательств о гарантиях безопасности стран Балтии со стороны США или о сроках их принятия в НАТО, он декларировал намерения создать для этого все условия. Он также предусматривал создание рабочих групп по сотрудничеству в военной и экономической сферах [6]. Сменивший Б. Клинтона на посту президента США Дж. Буш-младший продолжил эту практику: 22–23 ноября 2002 г., сразу по завершении Пражского саммита НАТО, на котором страны Балтии были официально приглашены вступить в Альянс, он встретился в Вильнюсе с главами Литвы, Латвии и Эстонии В. Адамкусом, В. Вике-Фрейбергкой, А. Рюйтелем [10].

Российский вектор внешней политики государств Балтии

Отношения государств Балтии с Россией в рассматриваемый период продолжали ухудшаться и достигли состояния, которое западные исследователи называли «новой холодной войной» [2; 16]. Это было вызвано рядом острых противоречий в двухсторонних отношениях, напрямую связанных с идеологическими основами постсоветской государственности Литвы, Латвии и Эстонии. Во-первых, «возвращаться в Европу» эти страны планировали в первую очередь за счет сокращения связей с Россией и создания надежных противовесов восстановлению ее влияния на своей территории. Во-вторых, руководствуясь концепцией государственного континуитета, утвердившейся еще в годы борьбы за восстановление независимости, все три государства выдвинули России как стране – правопреемнице СССР претензии о признании незаконной их оккупации в 1940 г. и возмещении ущерба за нее. Латвия и Эстония отказались автоматически предоставлять гражданство лицам, переселившимся на их территорию в советский период. Эстония сначала требовала возвращения к довоенным границам, закрепленным Тартуским миром с Советской Россией 1920 г., а затем настаивала на включение в текст договора о государственной границе с Россией ссылки на этот договор, чтобы тем самым заставить ее косвенно

признать свою ответственность за оккупацию 1940 г.

Вообще, после решения на компромиссной основе в 1992–1994 гг. вопроса о выводе из стран Балтии российских войск проблема заключения договоров о государственной границе становится главной темой балтийско-российских отношений. Из чисто технического этот вопрос становится крайне политизированным. С одной стороны, для государств Балтии было важно как можно скорее заключить с Россией такие договоры не только ради окончательного оформления своих границ, но еще и потому, что критерии вступления в НАТО требовали, чтобы у стран-кандидатов не было никаких территориальных споров с соседями. С другой стороны, правые политические партии, которые к середине 1990-х гг. сформировали правящие коалиции в Латвии и Эстонии, стремились использовать переговоры о границе, чтобы заставить российское руководство признать свои оценки событий исторического прошлого, а в случае отказа объявить Россию страной, которая до сих пор не раскаялась за темные страницы своего имперского прошлого, а потому все еще представляет угрозу для своих соседей (и использовать это как аргумент для западных стран в пользу своего скорейшего приема в НАТО).

Поэтому в 1997 г. заключить договор о государственной границе с Россией из стран Балтии смогла лишь Литва [9]. Переговоры между Эстонией и Россией зашли в тупик из-за того, что эстонская сторона настаивала на включении в преамбулу договора упоминания о Тартуском договоре 1920 г. Латвия к середине 1990-х гг. согласилась принять российские условия и отказалась от возвращения к прежней довоенной границе. Латвийско-российские переговоры начались в апреле 1996 г. Но после разгона в Риге демонстрации русскоязычных пенсионеров Россия отказалась завершить заключение договора и ввела в 1998 г. экономические санкции против Латвии [16].

Впрочем, даже договор, заключенный с Литвой Россия долгое время отказывалась ратифицировать, надеясь таким образом воспрепятствовать ее вступлению в НАТО. Но когда после Вашингтонского саммита Альянса западные страны четко обозначили, что отсутствие у государств Балтии за-

ключенных договоров о границе с Россией не будет считаться препятствием для их приема, политическая значимость этого вопроса резко сошла на нет и балтийско-российские политические контакты были сведены к минимуму. Среди политиков и политологов стран Балтии было распространено мнение, что присоединение этих государств к ЕС и НАТО должно было снять большинство накопившихся противоречий, поэтому именно с ним они связывали перезагрузку отношений с Россией.

Заклучение

Таким образом, в рассматриваемый период во внешней политике государств Балтии можно выделить три основных вектора. Во-первых, европейский. Он имел многоуровневую структуру и помимо взаимодействия с европейскими интеграционными институтами включал также тесное международное сотрудничество с соседними странами Северной и Центральной Европы. Главной целью этого сотрудничества было получение помощи и поддержки данных стран в деле присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к ЕС и НАТО. При этом между странами Балтии постепенно наметились некоторые расхождения приоритетов: если Эстония и Латвия в первую очередь рассчитывали в этих вопросах на свои связи с северными странами, то Литва сделала ставку на сотрудничество с Польшей.

Американский вектор имел одинаково важное значение во внешней политике

всех трех государств. Его приоритетами становятся вопросы получения американских гарантий (прежде всего политических) безопасности стран Балтии и их приема в НАТО, а также взаимная поддержка и координация действий в международных структурах. Отличительной особенностью балтийско-американских отношений становится то, что все встречи на высшем уровне в рассматриваемый период проходили в четырехстороннем формате.

Балтийско-российские отношения во второй половине 1990-х гг. неуклонно ухудшаются под грузом накопившихся противоречий и начавшихся «войн памяти». К началу 2000-х гг. они отходят для государств Балтии на второй план, поскольку, во-первых, становится ясно, что страны Запада пришли к консенсусу по вопросу об их приеме в НАТО и Россия не сможет этому помешать, даже затягивая заключение договоров о границе. Во-вторых, периодически вводившиеся Россией санкции и российский дефолт 1998 г. заставили страны Балтии переориентировать большую часть своих торговых связей на страны Запада, тем самым снизив возможности России оказывать на них экономическое давление. В-третьих, основное внимание политических элит было сосредоточено на вопросах подготовки Литвы, Латвии и Эстонии к вступлению в ЕС и НАТО, а к проблемам отношений с Россией они решили вернуться уже после вступления в эти организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротников, В. В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. В. Воротников. – М., 2014. – 381 л.
2. Van Elsuwege, P. From Soviet Republics to EU Member States / P. Van Elsuwege. – Leiden and Boston : Martinus Nijhoff, 2008. – Vol. II. – 589 p.
3. Основные направления внешней политики Латвии до 2005 г. (начало) // В Сазйме и Кабинете министров : приложение к газете Диена. – 1995. – 8 мар. – С. 10.
4. Основные направления внешней политики Латвии до 2005 г. (окончание) // В Сазйме и Кабинете министров : приложение к газете Диена. – 1995. – 22 мар. – С. 10.
5. The Law on the Basics of National Security of the Republic of Lithuania [Electronic resource] // Lietuvos Respublikos Seimas. – Vilnius, 1996. – № VIII-49. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.39790?jfwid=nz8qn8i8i/>. – Date of access: 30.07.2018.
6. A Charter of Partnership Among the United States of America and the Republic Of Estonia, Republic of Latvia, and Republic of Lithuania [Electronic resource] // US Embassy in Stockholm. – Washington, 1998. – Mode of access: http://stockholm.usembassy.gov/BalticSec/baltic_charter.html. – Date of access: 12.01.2007.

7. Бразаускас, А. Визит в США повлияет на руководство НАТО / А. Бразаускас // Эхо Литвы. – 1996. – 29 июня. – С. 1.
8. В Европу через Польшу – быстрее // Республика. – 1997. – 10 янв. – С. 3.
9. Готов договор о границе с Литвой // Эхо Литвы. – 1997. – 16 окт. – С. 9.
10. Бруверис, В. Литва – за щитом Америки и НАТО / В. Бруверис, Ю. Скерите // Республика. – 2002. – 25 нояб. – С. 1–2.
11. Бразаускас, А. Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли / А. Бразаускас. – М. : Унипринт, 2002. – 623 с.
12. Rupp, M. A. Negotiating Accession to the EU / M. A. Rupp // EU Enlargement and Beyond: The Baltic States and Russia ; ed. H. Hubel. – Berlin : Arno Spitz GmbH, 2002. – P. 125–143.
13. Krohn, A. German Military Cooperation in the Baltic Sea Region: Regional Continuity and Global Change / A. Krohn // The New Northern Security Agenda: Strategic Yearbook 2004 ; ed.: B. Hultdt, T. Ries. – Stockholm : Swedish National Defence College, 2003. – P. 231–252.
14. Krivas, A. Lithuanian-Polish Military Cooperation [Electronic resource] / A. Krivas // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2001. – № 1. – Mode of access: <http://www.lfpr.lt/index.php?id=69>. – Date of access: 17.12.2007.
15. Лиегис, И. Интеграция Латвии в НАТО – мечта или реальность? / И. Лиегис. – Рига : М-во обороны Латв. Респ., 2000. – 36 с.
16. Ozoliņa, Ž. The United States and Latvia: Standing Shoulder to Shoulder in International Organizations / Ž. Ozoliņa // Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner ; ed. D. Auers. – Riga : Univ. of Latvia Press, 2008. – P. 75–86.
17. Smith, K. C. Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K. C. Smith. – Washington : Center for Strategic & International Studies. – 2002. – 61 p.
18. Baltic Defence Cooperation: Ministry of Foreign Affairs (Estonia) [Electronic resource] // Consulate General of Estonia in Minsk. – 2002. – Mode of access: http://www.estemb.by/eng/nato/kat_361. – Date of access: 03.12.2006.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 02.07.2020

УДК 322(476)

Татьяна Витальевна Лисовская*канд. ист. наук, доц., зав. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета***Tatsiana Lisouskaya***PhD, Associate Professor, Head of the Department of Humanities
of Brest State Technical University**e-mail: lisovski_rb@tut.by***ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СЕПАРАЦИИ
В ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В БССР**

Анализируется процесс формирования государственно-конфессиональных отношений в БССР на основе сравнительного анализа теоретических и прикладных аспектов французской и советской модели сепарации. Отмечено, что в БССР в первые годы была установлена французская модель сепарации, основанная на «приватизации» религии – максимальном ограничении возможности выражения своих религиозных убеждений в общественной жизни и переводе религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов. При формальном провозглашении свободы совести и равенства граждан в Конституции БССР, нормативно-правовые акты ограничивали реализацию свободы совести как в коллективном, так и в индивидуальном измерении.

**Theoretical and Applied Aspects of the Formation of a Separation System
in State-Confessional Relations in the BSSR**

The article analyzes the process of formation of state-confessional relations in the BSSR on the basis of a comparative analysis of the theoretical and applied aspects of the French and Soviet models of separation. The author notes that in the BSSR in the early years a French model of separation was established based on the «privatization» of religion – the maximum restriction of the possibility of expressing one's religious beliefs in public life and the transfer of religious activity from the public sphere to the sphere of private interests.

Исторически в Европе сложились три системы государственно-конфессиональных отношений, по-разному трактующих вопросы реализации свободы совести в индивидуальном и коллективном измерениях: идентификационная модель, кооперационная модель (координированной сепарации) и модель французской сепарации [8; 1, с. 125].

В качестве отличительных черт систем выступают различное понимание концепции сепарации между государством и религиозными организациями и нейтральности государства в отношении религиозных убеждений граждан. Идентификационная модель характеризуется наличием конституционной дуалистичности в вопросах религиозных прав и свобод, устанавливая государственную церковь, что обеспечивает сохранение культурной идентичности и традиционных духовных ценностей страны, и в то же время – гарантии широкой индивидуальной свободы личности в сфере религиозных и нерелигиозных верований. Кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений основана на

принципе религиозного плюрализма, признания правоспособности церквей, имеющих связь с национальной культурой, и активного сотрудничества с ними во многих сферах общественной жизни, уважение свободы совести и религии в частной жизни и в коллективном измерении.

Рассмотрим теоретические и прикладные аспекты формирования системы государственно-конфессиональных отношений в БССР. Для определения типа сепарационной модели БССР проведем сравнительный анализ системы французской сепарации и системы, формирующейся в БССР в первые десятилетия советской власти.

Новая модель государственно-конфессиональных отношений была впервые сформирована во Франции во время буржуазной революции 1789–1795 гг. [1, с. 22]. Новые политические ориентиры буржуазной революции изменили и вектор построения государственно-конфессиональных отношений. Демократизация и либерализация политической системы содействовала закреплению в конституционных нормах при-

знания свободы совести и религии и равноправия всех граждан независимо от их вероисповедания. Более того, первоначально, Французская революция 1789 г. не провозгласила отделения государства и церкви и только на практике ограничивала полномочия религиозных организаций. Однако на формирование новой государственно-конфессиональной системы значительное влияние оказало закрепление идеи правового позитивизма, на основе которого была разработана концепция правового государства, которое не признает на своей территории иной власти, кроме государственной власти и установленных легальным способом законов. Таким образом, все общественные организации, к которым отнесены и религиозные организации, должны быть подчинены власти государства, что постепенно формировало систему супремации, главенства государства над церковными институтами.

В первые годы революции прошла национализация церковного имущества, введен запрет финансирования из государственных фондов религиозных организаций, предоставления им помещений для религиозных обрядов и для проживания священнослужителей, которых лишили всех привилегий. На религиозные организации было распространено гражданское законодательство, а их деятельность подлежала контролю со стороны государства. Были проделаны дальнейшие шаги по усилению светского характера государства (дерелигизация общественных институтов, легализация разводов, отделение системы образования от школы) [3, с. 79]. Система сепарации, утвержденная правовыми актами 1795 г., формально просуществовала до в 1801 г. – подписания Наполеоном Конкордата с Католическим костелом. Однако антиклерикальное движение XIX в. привело к упразднению Конкордата 1801 г. и обновлению принципа отделения церкви от государства в Законе о разделении церкви и государства 1905 г. [2, с. 70]. Религиозные организации окончательно были лишены правоспособности юридического лица и могли действовать только в качестве культовых ассоциаций.

Такой подход привел к утверждению принципа «приватизации» религии – максимальном ограничении возможности выражения своих религиозных убеждений в общественной жизни. Так, французская мо-

дель сепарации закрепляет перевод религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов, вытесняет из общественной сферы не только религиозные организации, но и проявления индивидуальных религиозных убеждений. В итоге во Франции в конце XIX – начале XX в. был реализован принцип лаицизма – вытеснение религии из общественной сферы [6], а сама модель сепарации получила название модели «враждебной» сепарации [3, с. 35].

Аналогичные процессы формирования нового общественно-политического устройства характерны белорусскому и российскому обществу с 1917 г., с начала процесса становления советского государства, что требовало разработки новых подходов к государственно-конфессиональным отношениям. Советское правительство в процессе трансформации всех сфер общественной жизни в сфере государственно-конфессиональных отношений пошло по пути Франции, закрепляя принципы дерелигизации общественных институтов и устанавливая мировоззренческую монополию. Первым законодательным актом в религиозной политике советского правительства стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. [4], который обозначил уход от идентификационной модели государственно-церковных отношений и задекларировал принцип отделения церкви от государства, лишение церковных организаций статуса юридического лица, но при этом оставил право граждан на свободу совести и религии: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 3). 11 января 1922 г. в БССР был принят аналогичный Декрет СНК ССРБ об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Стратегия формирования новой системы государственно-конфессиональных отношений была зафиксирована в принятой в 1919 г. на VIII съезде Программе РКП(б), направленной на «разрушение связей между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды», на вытеснение религии из общественной сферы для полного отмирания религиозных предрассудков путем целенаправленной политики [7, с. 83]. Соответственно, принципы модели «враждебной» сепарации как нельзя лучше под-

ходили под идеологию РКП(б), рассматривающей борьбу с религией как одно из направлений борьбы пролетариата с капитализмом.

Принцип лаицизма во французской модели обуславливает вытеснение из общественной сферы религиозных проявлений как в индивидуальном, так и в коллективном измерении.

Ограничение свободы совести в коллективном измерении было осуществлено лишением религиозных организаций правоспособности в соответствии с Декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Последующие нормативно-правовые акты были призваны урегулировать вопросы имущественных прав и участия церквей в гражданских правоотношениях, возникающие в связи с отсутствием у религиозных организаций статуса юридического лица. На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. был принят ряд циркуляров ЦИК (Президиума ЦИК) БССР о землепользовании религиозных культов, о регистрации религиозных обществ, о пользовании и страховании молитвенных зданий, о конфискации церковных ценностей и др. [5, с. 78]. Инструкция НКВД и НКЮ «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР» 1928 г. давала разъяснение местным органам власти в отношении статуса и полномочий религиозных объединений: все религиозные объединения и организации в БССР были обязаны преследовать только религиозные цели, не имели прав собственности, права присваивать себе судебные, карательные и налоговые функции, не имели права выдавать удостоверения, мандаты и другие документы, были обязаны предоставлять списки служителей культа, членов советов общин, прихожан.

Свертывание НЭПа и переход к коллективизации вызвало ужесточение религиозной политики и антирелигиозной пропаганды. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. закрепило ограничение деятельности религиозных организаций в публичной сфере и окончательно легализовало супрематцию государства в религиозной сфере [10]. Данное Постановление содержало 68 статей, большая часть из которых была посвящена трем направлениям

государственно-религиозных отношений в СССР: вопросам регистрации религиозных объединений, государственного контроля их деятельности, использования бывшего церковного имущества. Так, Постановление запрещало любое выражение религиозной агитации и деятельности вне культовых зданий (кроме посещения больных и умирающих по специальному разрешению), религиозным организациям запрещалось проводить специальные детские, женские, молодежные, молитвенные и другие собрания, создавать группы для обучения религии. Легализация деятельности религиозных организаций была основана на разрешительном принципе, что ставило религиозные организации в зависимость от политической воли государственных органов. Кроме того, государственные органы власти получили право интервенции во внутренние дела организаций: право контролировать состав управляющих органов, исключать нежелательных членов общин из управления, отклонять кандидатуры священнослужителей при назначении.

Изменения государственно-конфессиональных отношений затронули не только вопросы коллективных прав в рамках свободы религии, но и обусловили новый подход к содержанию и реализации свободы совести в индивидуальном измерении.

Французская система предполагает ограничение возможности реализации религиозной свободы, несмотря на признание свободы совести и религии и равноправия всех граждан независимо от их вероисповедания. Такой подход связан с провозглашением в 1795 г. новой религии – культа разума, утверждением, что религия умерла, она убита философией [2, с. 70]. В связи с этим модель основана не только на отделении церкви от государства, правовая система такой сепарации основывается на предположении, что если атеист не имеет потребности высказывания своих убеждений в обществе, то следует запретить высказывание своих убеждений и верующим, чтобы уравнивать их с атеистами. Французский сепаратизм в таком понимании построен на противодействии религии, борьбы с религией не только в институциональной форме, но и с индивидуальными, частными убеждениями.

Представленный подход постепенно был закреплен в государственно-церковных отношениях в БССР, постепенно сужая сферу индивидуальной религиозной свободы. В связи с жестким принципом вытеснения религии из сферы общественной жизни были изменены и подходы к реализации свободы совести, достаточно либерально закрепленные в Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) 1919 г.: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 7). В 1919 г. было закреплено право реализации индивидуальной свободы совести граждан как в частной сфере (иметь религиозные убеждения), так и в публичной сфере (исповедовать, свобода религиозной пропаганды), что допускает наличие частно-религиозных компонентов в общественной сфере.

Аналогичный подход сохранился и в Конституции БССР 1927 г. [9]. Однако уже в 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов изменил ст. 4 Конституции РСФСР о религиозной пропаганде, заменив слова «свобода религиозной пропаганды» словами «свобода отправления религиозных культов». Соответственно был изменен подход к объему свободы совести и в Конституции БССР 1937 г.: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 99) [11]. Новая формулировка ограничила верующих в праве публично выражать свое вероисповедание публично во всех формах – от пропаганды до использования религиозных символов, допуская исповедание веры исключительно в рамках культовых действий, что предполагает строго установленные для этого места, и

привела к «приватизации» религии, ограничению свободы совести граждан в индивидуальном измерении.

Как мы видим, в ходе планомерного осуществления религиозной политики советского правительства на протяжении первых двадцати лет советской власти в БССР была сформирована система французской сепарации.

При формальном провозглашении свободы совести и равенства граждан в Конституции БССР нормативно-правовые акты ограничивали выражение свободы совести в индивидуальном измерении, запрещали реализацию религиозных убеждений публично, поставили в привилегированное положение атеистов и агностиков. В системе государственно-конфессиональных отношений БССР государство определяло свое отношение к церкви с позиции супремации, церковь была лишена правоспособности, ее участие в правовом и общественном процессе было минимизировано, что ограничило свободу совести в коллективном измерении. В результате произошел перевод религиозной активности из общественной сферы в сферу частных интересов и локализация религии в приватной сфере.

Противоречивость французской системы государственно-конфессиональных отношений, формировавшейся в БССР в первые десятилетия советской власти, проявилась в реализации дуалистического подхода: с одной стороны, провозглашение принципа равенства религии и убеждений и предоставлении равных возможностей реализации свободы совести исходя из позитивистской концепции права, а с другой стороны, фаворитизация атеизма как мировоззренческого принципа, в результате чего свобода совести могла быть реализована в полном объеме только при наличии у гражданина атеистических убеждений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Krukowski, J. *Polskie prawo wyznaniowe* / J. Krukowski. – Warszawa, 2000. – 312 s.
2. Misztal, H. *Polskie prawo wyznaniowe* / H. Misztal. – Lublin : KUL, 1997. – 374 s.
3. Pietrzak, M. *Prawo wyznaniowe* / M. Pietrzak. – Warszawa : PWN, 1995. – 298 s.
4. Об отделении церкви от государства и школы от церкви [Электронный ресурс] : Декрет Совета народных комиссаров РСФСР // Электронный ресурс правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9054838>. – Дата доступа: 22.09.2019.

5. Довгяло, Н. В. Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 годах / Н. В. Довгяло // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А, Гуманитар. науки. – 2012. – № 1. – С. 77–81.

6. Аляксандр (Синяков), Іеромонах Французское понятие светскости (laïcité): противоположность православной социальной концепции или образец для нее? [Электронный ресурс] / Іеромонах Аляксандр (Синяков) // Благовест-Инфо. – Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=7863/>. – Дата доступа: 22.02.2020.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. – М. : Политиздат, 1983–1990. – Т. 2 : 1917–1922. – 1983. – 606 с.

8. Лисовская, Т. В. Концепции конституционно-правового регулирования свободы совести и религии в Европе / Т. В. Лисовская // Вестн. БрГТУ. Гуманитар. науки. – 2011. – № 6. – С. 25–29.

9. Об утверждении Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики [Электронный ресурс] : постановление VIII Всебелорус. Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, 11 апр. 1927 г. // «Pravo.by». – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/-kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/>. – Дата доступа: 22.09.2019.

10. О религиозных объединениях [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апр. 1929 г. // Электронный ресурс правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/doc-cument/9054838>. – Дата доступа: 22.09.2019.

11. Об утверждении Конституции (Основного Закона) Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : постановление Чрезвычайного XII Съезда Советов Белорусской ССР, 19 февр. 1937 г. // Pravo.by. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/>. – Дата доступа: 22.09.2019.

12. Государство и религии в европейском праве : сб. ст. / сост. Г. Робертс. – М. : Ин-т Европы РАН, 2009. – 720 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 06.10.2020

УДК 37(476)(091)«15/16»

Андрэй Фёдаравіч Самусік

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. эканамічнай гісторыі
Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта
Andrey Samusik

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic History
of Belarus State Economic University
e-mail: a.f.samusik@gmail.com*

РОЛЯ І. ПАЦЕЯ Ў СТВАРЭННІ ЎНІЯЦКАЙ АДУКАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVI – ПАЧАТКУ XVII СТ.

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме станаўлення ўніяцкай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVI – пачатку XVII ст. з вызначэннем ролі ў гэтым працэсе І. Пацея. Прааналізаваны намаганні кіеўскага мітрапаліта па адкрыццю школ у Брэсце, Слуцку, Супраслі, Полацку і Вільні. Адзначаны асобы з яго бліжэйшага акружэння, якія прынялі непасрэдны ўдзел у рэалізацыі гэтых праектаў (П. Аркудый, І. В. Руцкі і інш.). Вызначаны перашкоды на шляху арганізацыі ўніяцкіх навучальных устаноў – супраціўленне праваслаўнага насельніцтва і кальвіністаў, якія іх падтрымалі фактычна адсутнасць дапамогі з боку ўлад ды эліты, недахоп уласных рэсурсаў. Асобна разгледжаны захады І. Пацея па ўвядзенню практыцы навучання айчыннай ўніяцкай моладзі ў папскіх алумінатах (Брунсберг, Грац).

I. Potey's Role in the Creation of Uniate Education on the Territory of Belarus in the Late XVI – Early XVII Centuries

The scientific article is devoted to the problem of formation of Uniate education on the territory of Belarus in the late XVI – early XVII centuries, which has not been worked out in historiography, with the definition of the role of I. Potey in this process. The article analyzes the efforts of the Metropolitan of Kiev to open schools in Brest, Slutsk, Suprasle, Polotsk and Vilna. Persons who took a direct part in the implementation of these projects are noted. Identified obstacles to the organization of Uniate schools – the resistance of the Orthodox population, the lack of assistance from the authorities and the ruling elite, and the lack of their own resources. I. Potey's measures to introduce the practice of teaching Uniate youth in the papal aluminates are considered separately.

Апошнія дзесяцігоддзі XVI ст. сталі тым перыядам, калі на тэрыторыі Беларусі пачалі інтэнсіўна стварацца свецкія школы. Пратэстанты (кальвіністы і арыяне), каталікі (езуіты) ды праваслаўныя (брацтвы) імкнуліся абараніцца ад уплыву іншых канфесій і лепшым сродкам для гэтага лічылі менавіта належнае выхаванне моладзі. Уніяцкая царква распачала асветніцкую дзейнасць пазней за сваіх канкурэнтаў і спрабавала кампенсаваць адставанне не толькі адкрываючы новыя навучальныя ўстановы, але і захопліваючы праваслаўныя адукацыйныя асяродкі. Значныя намаганні ў гэтых напрамках прыклаў менавіта ўрадженец Берасцейшчыны кіеўскі мітрапаліт І. Пацей.

На жаль, у айчыннай і замежнай гістарыяграфіі перыяд станаўлення ўніяцкай адукацыі ў канцы XVI – пачатку XVII ст. амаль не вывучаны. Увага даследчыкаў найперш звернута на асветніцкія захады ба-

зьялянскага ордэну, які быў створаны ў 1617 г. Такі падыход акцэнтуюе ўвагу толькі на шэрагу значных падзей (Брэсцкая школа, прывілей ад 31 сакавіка 1613 г.), але фактычна пакідае па-за межамі даследчага інтарэсу агульны аналіз першых дзеянняў уніятаў па арганізацыі школьнай справы [1, с. 88–90; 2, с. 18]. Намаганні І. Пацея па развіцці ўніяцкай адукацыі засталіся па-за межамі не толькі прац, якія аналізуюць мінулае айчыннай асветы, але і прац, непасрэдна прысвечаных яго асобе, дзе больш даследуецца яго літаратурная і рэлігійная дзейнасць, а ўдзел у пашырэнні школьнай справы толькі адзначаецца [3, с. 29].

Мэта прадстаўленага навуковага артыкула – усебаковы разгляд першых мерапрыемстваў кіраўніцтва ўніяцкай царквы па стварэнні ўласнай сеткі навучальных устаноў праз прызму адпаведнай дзейнасці І. Пацея на пасадах брэсцка-ўладзімірскага

епіскапа і кіеўскага мітрапаліта. Для яе дасягнення пастаўлены наступныя задачы: 1) разгледзець спробы адкрыцця І. Пацеем школ у Брэсце, Слуцку, Супраслі, Полацку і Вільні; 2) адзначыць асоб з яго бліжэйшага акружэння, якія прынялі непасрэдны ўдзел у рэалізацыі гэтых праектаў; 3) прааналізаваць намаганні іерарха па арганізацыі замежных адукацыйных стажыровак; 4) асэнсаваць агульныя вынікі намаганняў І. Пацея па пашырэнню ўніяцкай асветы.

Яшчэ напярэдадні заключэння ўніі адукацыйныя пытанні востра гучалі ў асяроддзі царкоўных іерархаў, якім вельмі не падабаўся кантроль над школамі свецкіх колаў праваслаўнага грамадства. Менавіта таму, калі 1 ліпеня 1595 г. кіеўскі мітрапаліт М. Рагоза і іншыя вышэйшыя саноўнікі падпісалі папярэднія ўмовы злучэння з каталіцкай царквою, то асобна агаварылі падпарадкаванне ім брацтваў і права на адкрыццё навучальных устаноў. 2 жніўня 1595 г. дадзенае пагадненне зацвердзіў кароль Жыгімонт III Ваза, у грамаце якога азначаныя пытанні атрымалі наступную фармулёўку: «Брацтва духовные церковные... абы под послушеством митрополита и иных преложонных своих духовных вцале зоставали... закладанья школ и семинарий Греческого и Словенского языка... под владою Митрополита и Владыков, позволяем» [4, арк. 5–6].

Пасля Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г. асветніцкае пытанне не стала адразу ж прыкрытэтным з-за праблем у справе фактычнага яе ўвядзення. М. У. Дзмітрыеў з гэтай нагоды пісаў: «Униатскую церковь пришлось строить шаг за шагом, отвоевывая... приход за приходом и монастырь за монастырем» [5, с. 87]. У выніку першай праявай дзеянняў уніяцкай царквы ў сферы адукацыі быў захоп праваслаўных навучальных устаноў, што пераходзілі пад яе кантроль разам з царквамі ды манастырамі. Карысць ад гэтага бачылася ў магчымасці аслабіць праваслаўную царкву, а таму школы найперш успрымаліся ў выглядзе сродку ідэалагічнай барацьбы, а не цэнтры асветы вернікаў.

Першым з уніяцкіх іерархаў, хто здзейсніў канкрэтныя захады па перахопе адукацыйнай ініцыятывы ў іншых канфесій, стаў І. Пацей. Ён паходзіў са старажытнага шляхецкага роду і нарадзіўся ў 1541 г. у сядзібе Ражанка пад Брэстам. Яго выхаванне

пачалося ў сярэдзіне 1550-х гг. пры двары канцлера ВКЛ князя Мікалая Радзівіла Чорнага. Гэта паспрыяла пераходу юнака з праваслаўя ў кальвінізм і падрыхтавала да паступлення ў Віленскую кальвінскую гімназію (пазней вучыўся ў Кракаўскім універсітэце). У 1574 г. ён вярнуўся ў праваслаўе і ў 1588 г. заняў пасаду кашталяна Брэста. Аднак у красавіку 1593 г. прыняў манаскі пострыг пад імем Іпацій (свецкае імя – Адам) [6, с. 59]. 3 мая гэтага ж года быў прызначаны на пасаду епіскапа брэсцка-ўладзімірскага. У каралеўскім рэскрыпце на заняцце ім гэтай пасады адзначалася валоданне «умеетностью в письме водлуг закону греческого» [7, арк. 1–2].

У галоўных гарадах епархіі І. Пацей пераўтварыў праваслаўныя навучальныя ўстановы ва ўніяцкія: такі лёс напаткаў саборнае вучылішча ва Уладзіміры-Валынскім і брацкую школу ў Брэсце. У Брэсце ж ён распачаў барацьбу з брацтвам яшчэ да заключэння ўніі. Калі частка мясцовых настаўнікаў з'ехала ў Вільню (Л. Зізаній і інш.), епіскап заявіў аб поўным заняпадзе навучальнай установы. У лісце ад 25 сакавіка 1595 г. ён пісаў князю К. К. Астрожскаму: «Сия школа разорилася через самых же профессоров школьных, которые за лакомством удавшись до Вильни на сытые пироги отбегли». Справу ж яе «выратавання» І. Пацей узяў на сябе: ён дабіўся ад караля Жыгімонта III Вазы 26 чэрвеня 1597 г. прывілея аб перадачы апусцелых вучылішчных будынкаў ва ўласнае ведзенне: «Абы в школе Руской... лепший порядок и наука быти могла». Зацікаўленасць улад у хуткім развіцці ўніяцкай адукацыі праявілася ў перадачы школе будынкаў, размешчаных у вёсках Таракань і Лесна ў Пінскім павеце, якія да гэтага належалі манастыру ў Жыдзічыне: «на выхованье учителей в той школе и детей людей убогих, которые ся учить будут» [8, с. 175–176].

Пасаду настаўніка плануемай школы епіскап прапанаваў уласнаму сакратару П. Аркудыю, з якім ён пазнаёміўся яшчэ ў пачатку 1590-х гг. у час знаходжання таго ў Рэчы Паспалітай з мэтай высвятлення для Ватыкана магчымасці заключэння ўніі. Зноў яны сустрэліся ўжо ў Рыме ў 1596 г., дзе І. Пацей і запрасіў яго да сябе на службу. Ураджэнец Корфу П. Аркудый быў адным з першых выпускнікоў Рымскай Грэчаскай

калегіі, дзе правучыўся 14 гадоў (1578–1591) і атрымаў ступені доктара філасофіі ды тэалогіі. Згода «в науках Греческих беглого» П. Аркудыя заняць пасаду настаўніка была атрымана, і каралеўскім рашэннем ад 23 жніўня 1599 г. прыбыткі ад в. Таракань замацоўваліся за ім «на содержание во время отправления учительской должности в Брестской школе». Гэта вёска давалася яму «до живота своего, не будучи повинен нам и никому иному жадной повинности с того села полнити, опроч, кгда коллегиум альбо семинариум для науки людей молодых религии Греческой там заложено будет... повинен будет научати их, ведучи до добрых обычаев и веры старожитной Греческой» [8, с. 195–196].

Можна меркаваць, што менавіта Брэсцаке вучылішча пэўны час бачылася І. Пацею ў якасці асноўнага цэнтра ўніяцкай адукацыі ў ВКЛ. Аднак прызначэнне ў 1599 г. кіеўскім мітрапалітам прымусіла іерарха клапаціцца аб дабрабыце і культурным развіцці ўсёй царквы. Пры гэтым ён абапіраўся на падтрымку караля Жыгімонта III Вазы, які ў грамаце ад 8 красавіка 1600 г. загадваў духавенству: «Велебного Ипатия за старшого пастыра и митрополита своего принявши, оному вшелякое послушенство и учтивость прыстойную отдавати» [9, арк. 1–3].

Яшчэ да выхаду дадзенага загаду І. Пацей паспрабаваў узяць пад уласны кантроль праваслаўны духоўна-асветніцкі асяродак у Слуцку. 28 снежня 1599 г. апякун князёўны С. Алелькавіч віленскі кашталян І. Хадкевіч перадаў тутэйшую архімандрыю кіеўскаму мітрапаліту. 3 чэрвеня наступнага года сюды прыбыў пратапоп А. Герасімовіч, якому было даручана і стварэнне школы. У грамаце І. Пацея случанам гаварылася: «Если бысте в чом были неведомы, от него науку пристойную взяли» [10, арк. 1–2]. 1 кастрычніка 1600 г. С. Алелькавіч выйшла замуж за кальвініста падчашыя літоўскага князя Я. Радзівіла, які па просьбе жонкі выгнаў уніятаў са Слуцка. І. Пацею ж засталася толькі скардзіцца ў лісце ад 31 снежня 1600 г. ваяводзе троцкаму князю М. К. Радзівілу Сіротцы аб аднаўленні ў Слуцку «проклятой схизмы», «насмешках и издевательствах врагов святого единства» ды «гибели душ человеческих» [11, с. 394–395].

Паспрабаваў І. Пацей утварыць новы ўніяцкі асветніцкі цэнтр у Полацку. У час

арганізацыі тут каралём Стэфанам Баторыем езуіцкага калегіума ў 1581 г. ён аддаў ордэну шэраг маёнткаў, што належалі мясцовым праваслаўным царквам, бо яны не мелі адпаведных дакументаў на іх (былі вывезены ў час Лівонскай вайны ў Маскву). Такі ўчынак выклікаў незадавальненне ў мясцовага насельніцтва, якое яшчэ і напрыканцы XVI ст. патрабавала выгнання езуітаў з Полацка. Гэтае пытанне было ўзнята на сойме 1587 г., таму І. Пацей і прапанаваў кампраміснае рашэнне: замяніць езуіцкі калегіум на ўніяцкую семінарыю з перадачай ёй спрэчнай зямельнай маёмасці. Аднак кіраўнік Польскай правінцыі ордэну Б. Ганфаланьеры здолеў пераканаць улады ў неабходнасці захавання ў Полацку ўласнай навучальнай установы [12, с. 182].

Не вельмі ўдала для І. Пацея развіваліся справы ў іншым праваслаўным культурным асяродку – Супрасльскім манастыры. Для яго захопу кіеўскі мітрапаліт абвінаваціў тутэйшага архімандрыта І. Масальскага ў непадпарадкаванні і замяніў на свайго стаўленіка іераманаха Герасіма. Прычым той у прысязе 2 красавіка 1603 г. паабяцаў не толькі асабіста падпарадкоўвацца мітрапаліту, але яшчэ і выгнаць з манастыра ўсіх інакаў, нязгодных з ім. Асобна ён падкрэсліваў, што забараніць практыку чытання манахамі кніг «еретических, лютерских, евангелицкого и иных нововерников». Адкрыць тут школу І. Пацей усё ж не здолеў па прычыне адсутнасці дасведчаных настаўніцкіх кадраў [13, арк. 1–4].

Вяртаючыся ж да гісторыі знаходжання ўніятаў у Брэсце, неабходна адзначыць, што разам з І. Пацеем горад пакінуў і П. Аркудый, атрымаўшы прыбытковыя пасады архімандрыта Лаўрышаўскага і Кобрынскага манастыроў. У выніку праца па арганізацыі ўніяцкай школы ў Брэсце была згорнута [14, с. 194–197]. Пра тое, што ўніяты ў Брэсце ўвогуле не распачалі асветніцкай дзейнасці, сведчыць каралеўская грамата ад 20 снежня 1613 г. У ёй адзначалася, што І. Пацей «упросил был у нас село Тороканы, в повете Пинском лежащее, на школу Берестейскую, которое-то школы не заложивши с сего света зшол». Па гэтай прычыне, а таксама таму, што П. Аркудый назаўсёды з'ехаў з краіны (у 1613 г. ён вярнуўся ў Рым, дзе працаваў у бібліятэцы Ватыкана), было вырашана «тым селом под-

перти» Віленскі Троіцкі манастыр, бо «в оном значне прыбывае людзей законных, в побожности и в науках вызволеных поступующих» [15, с. 10–11].

Як бачна, рашэнне аб перадачы в. Таракань Віленскаму Троіцкаму манастыру было абумоўлена наяўнасцю ў ім адукацыйнага цэнтра, стварэннем якога таксама займаўся І. Пацей пасля свайго прызначэння на пасаду кіеўскага мітрапаліта. Па яго хаданніцтву ў 1600 г. віленскі біскуп Б. Война выдзяліў 5 тыс. фларынаў для набыцця драўлянага будынку, разлічанага на 12 семінарыстаў. Сам І. Пацей для лепшага фінансавага забеспячэння Віленскай семінарыі 15 жніўня 1601 г. перадаў ёй фальварак Пячэрск у Аршанскім павеце: «Для твiчeнья людзей молодых так законных, яко и свецких» [16, арк. 1–6].

Кіраваць семінарыяй мітрапаліт зноў прапанаваў П. Аркудыю, але той скептычна аднёсся да прапановы: «Што можа зрабіць такі маленькі семінарчык у такім вялікім каралеўстве і на такой вялікай зямлі?». Таму яе рэктарам быў прызначаны прыдворны духоўнік мітрапаліта П. Федаровіч-Сурамятнікаў [16, арк. 4]. Аднак у 1602 г. ён раптоўна памёр, і на першы план выйшаў І. В. Руцкі, ураджэнец Навагрудчыны, які атрымаў адукацыю ў Празскім і Вюрцбургскім універсітэтах, а таксама ў Грэчаскай калегіі ў Рыме. Вялікі гетман ВКЛ К. Радзівіл Пярун прапанаваў яму ў якасці губернера сына Крыштофа адправіцца за мяжу, але зварот І. Пацея прымусіў І. В. Руцкага перагледзець уласныя планы і ўзначаліць Віленскую семінарыю ў 1603 г.

Выбар І. Пацея аказаўся дакладным. У Вільні І. В. Руцкі «то силой благочестивого слова, то примером своих добродетелей собирает около себя значительный отряд знатных юношей». Пры гэтым даўшы ім тут належную пачатковую падрыхтоўку, ён адпраўляў іх у езуіцкія калегіумы Каліша, Пултуска і Нясвіжа [17, с. 22, 25–26].

Варыянт з навучаннем у езуітаў І. Пацей, аднак, не лічыў аптымальным з-за выпадкаў пераманьвання ордэнам уніяцкай моладзі ў каталіцызм. Альтэрнатыву мітрапаліт бачыў у атрыманні стыпендыі пры папскіх аюмнатах (прызначаліся для падрыхтоўкі да місіянерскай працы сярод іншаверцаў). Аб станоўчым выніку падобных намаганняў сведчыць ліст папскага нунцыя

ў Рэчы Паспалітай Ф. Сіманэці, які 28 жніўня 1607 г. пісаў І. Пацею: «Его Императорское Величество (Рудольф II. – А. С.)... согласился допустить к поступлению в Гратский аюмнат (что в Штирии) двух юношей униатов из Вашей страны для обучения наукам». Аднак няма звестак, скарыстаў І. Пацей магчымасцю даслаць кагосьці ў Грац ці не [18, с. 192–193]. Затое дакладна вядома, што ён распачаў прыктыку накіравання на вучобу ўніятаў у аюмнат Брунсберга ў Варміі. Так, 26 жніўня 1609 г. сюды паступіў будучы мінскі архімандрыт А. Пакоста, які прабыў тут да 1611 г. Таксама ў Брунсбергу вучыліся: Ігнат (1609–1610), Г. Хмяльніцкі (1611–1612), дыякан Феодосій і інак Віленскага Троіцкага манастыра Макарый (абодва ў 1611–1615) [19, с. 64–69].

Не выклікае сумненняў, што намаганні І. Пацея ў сферы стварэння ўніяцкай адукацыйнай паступова пачалі даваць станоўчыя вынікі. Няўнасць Віленскай семінарыі і замежных адукацыйных стыпендыяў заклалі яе асновы. Вельмі важным стала тое, што яшчэ пры жыцці ён вызначыўся са сваім пераемнікам: 16 чэрвеня 1612 г. прызначыў І. В. Руцкага епіскапам галіцкім. Дачакаўся І. Пацей і афіцыйнага прызнання ўладамі сваіх дасягненняў. Яшчэ да яго смерці (18 ліпеня 1613 г.) І. В. Руцкаму ў грамаце ад 31 сакавіка таго ж году кароль Жыгімонт III Ваза дазволіў «школы в том панстве нашем... фундовать и в tych школах учить всех наук... языком Кгрецким, Латинским, Словенским, Польским и Руским». Яны атрымлівалі «все права, вольности и привилегии, которые школы наши католицкие... имеют» [20, с. 70–71].

Разам з тым гэты прывілей не быў падмацаваны фінансавай дапамогай, у якой уніяты адчувалі значную патрэбу. Трапна на гэты конт выказаўся Э. Лікоўскі: «Няшчасцем Уніі Брэсцкай было тое, што, маючы шматлікіх і ўплывовых ворагаў, вельмі мала яна налічвала прыхільнікаў і абаронцаў». Ён адзначаў, што кароль Жыгімонт III Ваза дапамагаў уніятам «больш маральна, чым матэрыяльна» [21, с. 219, 224]. З ліку ж магнатэрыі ВКЛ толькі канцлер Л. Сапега аказваў рэальную дапамогу ўніятам: выдзяляў фондушы манастырам і храмам, аказваў палітычную падтрымку [22, с. 238]. Відавочна, што многія няўдачы І. Пацея былі звязаны з элементарным недахопам сродкаў

і адукаваных асоб. Менавіта па гэтай прычыне згасла школа ў Брэсце, а ў Супраслі адкрыць яе ўвогуле не ўдалося. Нягледзячы на гэта, якраз канец XVI – пачатак XVII ст.

можна разглядаць у якасці этапу зараджэння ўніяцкай адукацыі, а выхаванья ў гэты час кадры забяспечылі яе далейшае развіццё ў наступныя дзесяцігоддзі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С. В. Марозава. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.
2. Piłtupczak-Majerowicz, M. Bazylianie w Koronie i na Litwie: szkoły i książki w działalności zakonu / M. Piłtupczak-Majerowicz. – Warszawa ; Wrocław : Państw. Wyd-wo Naukowe, 1986. – 272 s.
3. Падокшын, С. А. Іпацій Пацей. Царкоўны дзеяч, мысліцель, пісьменнік на пераломе культурна-гістарычных эпох / С. А. Падокшын. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 117 с.
4. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 180.
5. Дмитриев, М. В. Уния и порожденные ею конфликты в осмыслении лидеров униатского лагеря / М. В. Дмитриев // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. : в 2 ч. / отв. ред. Б. Н. Флорья. – М. : Индрик, 1996–1999. – Ч. 2. – 1999. – С. 87–121.
6. Лаўрык, Ю. Іпаці Пацей / Ю. Лаўрык // Спадчына. – 1992. – № 2. – С. 58–65.
7. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 147.
8. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 4. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1851. – № 122. – С. 175–176.
9. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 239.
10. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 240.
11. Жукович, П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Жукович. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1901. – 594 с.
12. Дмитриев, М. В. Между Римом и Царьградом : генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. / М. В. Дмитриев. – М. : Изд. Моск. ун-та, 2003. – 320 с.
13. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 263.
14. Акты издаваемые комиссиею, Высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне : в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. XXXIII. – Вильна : Русский почин, 1908. – LXXXIV, 567 с.
15. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб., 1846–1853. – Т. 5. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. – VII, 288 с.
16. РДГА. – Ф. 823. Воп. 1. Спр. 249.
17. Турук, Ф. Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613–1637) и его значение в истории униатской западной русской церкви / Ф. Турук. – Петроград : Сенатская тип., 1916. – 41 с.
18. Савич, А. Западно-русские униатские школы XVI–XVIII в. / А. Савич // Пр. Беларус. дзярж. ун-та. – 1922. – № 2–3. – С. 130–197.
19. Lühr, G. Die Matrikel der päpstlichen Seminars zu Braunsberg 1578–1798 / G. Lühr. – Braunsberg : Druck der Ermländischen Zeitungs- und Verlagsdruckerei, 1925. – 213 s.
20. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси : в 15 т. – СПб., 1863–1892. – Т. 2. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1865. – 287 с.
21. Likowski, E. Unia brzeska (r. 1596) / E. Likowski. – Warszawa ; Kraków : G. Gebethner i S-ka, 1907. – 355 s.
22. Чистович, И. Очерк истории западно-русской церкви : в 2 ч. / И. Чистович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1882–1884. – Ч. 2. – 1884. – 419 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 06.10.2020

УДК 330.4:631.1(476.7)

Виктор Викторович Конончук

канд. экон. наук, доц., ст. науч. сотрудник

Полесского аграрно-экологического института НАН Беларуси

Viktor Kononchuk

PhD in Economics, Associate Professor, Senior Research Fellow

Polesie Agrarian and Environmental Institute of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: victorkon@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО АПК В УСЛОВИЯХ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Устойчивое инновационное развитие региональной экономики АПК в условиях проявления агроэкологических рисков функционально зависит от уровня и окупаемости имеющегося ресурсного потенциала аграрных формирований. Использование точных количественных методов анализа позволяет выявить и изучить особенности и закономерности использования ресурсного потенциала с точки зрения важнейших результативных экономических показателей. На примере модельного объекта регионального АПК с помощью методов эконометрического моделирования выявлен уровень и эффективность использования ресурсов, а также его влияние на важнейшие результативные финансово-экономические показатели функционирования.

Modeling of Efficiency of Use of Resource Potential of Regional Agroindustrial Complex in the Conditions of Agroecological Risks

Sustainable innovative development of the regional economy of agriculture in the conditions of manifestation of agro-ecological risks functionally depends on the level and payback of the available resource potential of agricultural formations. The use of accurate quantitative methods of analysis allows us to identify and study the features and patterns of resource potential in terms of the most important economic performance indicators. The level and efficiency of resource use, as well as its impact on the most important effective financial and economic indicators of operation, are revealed by the example of a model object of regional agriculture using econometric modeling methods.

Введение

В настоящее время уровень использования имеющегося ресурсного потенциала в аграрном производстве находится на достаточно невысоком уровне, что, в свою очередь, отражается на результативных экономических показателях. Повышение эффективности использования природно-экономических ресурсов в аграрном производстве определяется объективной и насущной необходимостью повышения экономической эффективности природно-хозяйственного потенциала АПК. Важно количественно выявить и определить роль важнейших ресурсов в формировании результативных финансово-экономических показателей аграрного производства.

Результаты и обсуждение

Эффективность аграрного сектора регионального АПК в определяющей степени

зависит от использования имеющегося ресурсного потенциала. В связи с этим возникает необходимость количественной оценки уровня и эффективности использования имеющихся ресурсов сельхозпроизводителей. Высокая колеблемость стоимостных параметров на ресурсы, продукцию и услуги, а также изменение внутренних экономических взаимоотношений сельскохозяйственных товаропроизводителей внутри региона привело к новым пропорциям в АПК и создало новые, как количественные, так и качественные условия производства. В условиях адаптации экономики к факторам неопределенности важно выяснить характер взаимоотношений, величину колеблемости и степень влияния важнейших параметров производства на конечные результаты [1].

В качестве главных критериев оптимальности эффективного функционирования производства наиболее предпочтительными

считается использование максимума стоимости товарной продукции, определяемого в условиях перехода к инновационному устойчивому развитию АПК реализацией принципа самофинансирования и самоокупаемости.

Учитывая различия в природно-экономических условиях хозяйствования сельхозпроизводителей в пределах районного АПК, важно увязывать результативные показатели функционирования с уровнем эффективности использования ресурсного потенциала. При этом важнейшей предопреде-

$$Y_x = 4809,26 + 0,028x_1 - 0,191x_2 + 19,496x_3 - 2,958x_4 - 4,953x_5 + \\ + 1,35x_6 + 0,007x_7 - 0,285x_8 - 1,098x_9 + 1,175x_{10} \\ R = 0,924, D = 0,8536, F_1 = 16,943,$$

где, x_1 – наличие энергетических мощностей, л. с.; x_2 – стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.; x_3 – среднегодовая численность работников, чел.; x_4 – фонд оплаты труда работников, тыс. руб.; x_5 – услуги агросервиса, тыс. руб.; x_6 – производственные затраты, тыс. руб.; x_7 – наличие оборотных средств, тыс. руб.; x_8 – покупка концентратов, т к. ед.; x_9 – площадь сельскохозяйственных угодий, га; x_{10} – преференции, тыс. руб.

Анализ параметров эконометрической модели свидетельствует, что наибольшее и существенное влияние на увеличение результативного показателя в условиях устойчивого риска оказывают численность работников, наличие энергетических мощностей и наличие оборотных средств. Не являются лимитирующими (дефицитными) в формировании результативного показателя такие факторы как наличие основных производственных фондов, фонд оплаты труда, размер хозяйства и др. Эти особенности окупаемости ресурсов в настоящее время связаны не столько с количественными характеристиками производства, сколько с их внутренним состоянием и особенностями взаимосвязи живого и прошлого труда, с формируемыми новыми производственными отношениями и механизмом взаимоотношений сельскохозяйственных товаропроизводителей с государством. Характеристики модели являются высокими и качествен-

ными, что свидетельствует о достоверности полученных результатов.

На основе построенной эконометрической модели определены расчетные (ожидаемые) значения результативного показателя. Выделено три группы сельскохозяйственных товаропроизводителей по уровню использования ресурсного потенциала на основе сравнения фактических (V_i) и расчетных (V_x) значений результативного показателя: 1) $V_i < V_x$; 2) $V_i \approx V_x$; 3) $V_i > V_x$.

Группировки составлены по окупаемости живого и прошлого труда. В первую группу вошли хозяйства с коэффициентом эффективности до 0,95, т. е. сельскохозяйственные предприятия, которые недостаточно эффективно используют собственные ресурсы и имеют потенциальные возможности для увеличения стоимости товарной продукции. Ко второй группе отнесены хозяйства с коэффициентом эффективности 0,95–1,05, т. е. работающие при среднем уровне хозяйствования. Третью группу составили хозяйства по коэффициенту свыше 1,05, наиболее эффективно использующие свой ресурсный потенциал.

Результативная группировка хозяйств по уровню эффективности использования имеющегося ресурсного потенциала регионального АПК характеризуется данными (таблица 1).

Таблица 1. – Группировка хозяйств районного АПК по уровню эффективности использования ресурсного потенциала в формировании стоимости товарной продукции (в расчете на 100 балло-гектаров)

Показатель	Группы по уровню эффективности			В среднем
	<0,95	0,95–1,05	>1,05	
Фактическая стоимость товарной продукции, тыс. руб.	3 573,0	5 267,1	4 911,5	4 329,1
Расчетная стоимость товарной продукции, тыс. руб.	4 338,8	5 372,2	3 900,0	4 329,1
Стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.	14 162,20	28 027,7	18 690,7	17 940,3
Наличие энергетических мощностей, л. с.	11 959,2	18 968,3	11 958,1	13 010,2
Площадь с.-х. угодий, га	3 978,0	5 903,2	4 894,1	4 610,3
Производственные затраты, тыс. руб.	5 959,6	10 962,8	7 335,4	7 083,5
Численность работников, чел.	151	268	190	183
Оплата труда, тыс. руб.	1 249,7	2 220,7	1 599,4	1 526,5
Наличие оборотных средств, тыс. руб.	483,5	1 707,2	420,3	643,3
Услуги агросервиса, тыс. руб.	145,6	290,5	232,5	199,9
Покупка концентратов, т к. ед.	826,8	2 602,5	1 598,4	1 382,5
Преференции (из бюджета), тыс. руб.	283,4	498,7	369,5	348,0

Анализ значений показателей ресурсного потенциала по группам эффективности его использования свидетельствует о существенных различиях по группам. Наибольшие абсолютные значения присущи предприятиям со средним уровнем хозяйствования, а вот меньшие значения имеющихся ресурсов характерны для предприятий с низким уровнем окупаемости. Это свидетельствует о том, что абсолютная величина значений имеющихся ресурсов является одним из определяющих факторов повышения уровня их окупаемости. Следует отметить незначительные отличия в наличии ресурсного потенциала предприятий лучшей группы в сравнении со средними районными значениями. Данная ситуация свидетельствует о наличии у предприятий низкого и среднего уровня хозяйствования резервов для повы-

шения уровня эффективности использования ресурсного потенциала. По уровню эффективности использования ресурсного потенциала модельный объект за последние годы относится к группе с коэффициентом эффективности до 0,95.

Выявить тенденции и закономерности формируемых производственных отношений позволяет сравнение значений показателей лучшей группы хозяйств с фактическими показателями модельного объекта (таблица 2). Такое сравнение дает возможность выяснить, в какой степени сложившиеся производственные отношения обеспечивают эффективное использование ресурсов, а также, в какой мере интенсивному и высокоокупаемому развитию производительных сил способствует сложившийся механизм функционирования экономики АПК.

Таблица 2. – Сравнительные данные о соотношении показателей хозяйств лучшей группы и средних фактических значений параметров ресурсного потенциала модельного объекта (по стоимости товарной продукции на 100 балло-гектаров)

Показатель	Модельный объект	Параметры хозяйств лучшей группы	Параметры хозяйств лучшей группы, % к модельному объекту
Фактическая стоимость товарной продукции, тыс. руб.	4 808,0	4 911,5	102,2
Расчетная стоимость товарной продукции, тыс. руб.	5 989,0	3 900,0	65,2
Стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.	15 475,8	18 690,7	118,7
Наличие энергетических мощностей, л. с.	10 380,3	11 958,1	115,2
Площадь с.-х. угодий, га	3 831,0	4 894,1	127,8
Производственные затраты, тыс. руб.	7 649,8	7 335,4	95,9

Окончание таблицы 1

Численность работников, чел.	168	190	113,2
Оплата труда, тыс. руб.	1 656,3	1 599,4	96,6
Наличие оборотных средств, тыс. руб.	2 445,0	420,3	17,2
Услуги агросервиса, тыс. руб.	111,5	232,5	208,5
Покупка концентратов, т к. ед.	783,5	1 598,4	204,0
Преференции (из бюджета), тыс. руб.	141,5	369,5	261,1

Сравнение абсолютных значений имеющихся ресурсов модельного объекта с показателями хозяйств лучшей группы свидетельствует о том, что сдерживающими факторами для повышения уровня эффективности использования ресурсов является их наличие, за исключением оплаты труда, оборотных средств, и в целом производственных затрат. Однако и в сложившейся ситуации хозяйство имеет резервы для увеличения стоимости товарной продукции в расчете на 100 балло-гектаров.

В целом следует отметить, что общее количество предприятий с высоким уровнем окупаемости и эффективности исполь-

зования имеющихся ресурсов имеет устойчивую тенденцию к увеличению.

Получить наиболее значимые результаты оценки уровня окупаемости и эффективности использования ресурсного потенциала предприятий районного АПК позволяют методы эконометрического анализа с точки зрения различных критериев эффективности (результативных показателей). Для реализации изложенных положений и получения более полных выводов об окупаемости имеющего ресурсного потенциала построены эконометрические модели по различным результативным показателям. Параметры окупаемости ресурсов характеризуются следующими данными (таблица 3).

Таблица 3. – Параметры окупаемости ресурсного потенциала районного АПК по различным критериям эффективности

Показатель	Критерии эффективности и параметры окупаемости ресурсного потенциала			
	Стоимость товарной продукции	Прибыль	Стоимость товарной продукции	Прибыль
	в расчете на 100 балло-га		всего	
Наличие энергетических мощностей, л. с.	0,0281	0,0000	-0,0105	-0,0575
Стоимость основных производственных фондов, тыс. руб.	-0,1907	-0,0001	0,0895	0,0105
Численность работников, чел.	19,4958	0,0118	10,1243	15,0295
Оплата труда, тыс. руб.	-2,9582	-0,0006	-0,6332	-0,1090
Услуги агросервиса, тыс. руб.	-4,9531	-0,0034	-0,7972	-3,5510
Производственные затраты, тыс. руб.	1,3496	0,0002	0,6757	-0,0904
Наличие оборотных средств, тыс. руб.	0,0066	0,0001	-0,0133	0,1514
Покупка концентратов, т к. ед.	-0,2853	0,0001	-0,0391	0,2350
Площадь с.-х. угодий, га	-1,0983	-0,0003	-0,6386	-0,3307
Преференции (из бюджета), тыс. руб.	1,1752	0,0014	0,8059	1,9386
Другие факторы и ресурсы	4 809,264	0,7566	670,6208	355,5359

Анализ окупаемости имеющегося ресурсного потенциала сельхозпроизводителей регионального АПК, в состав которого входит и модельный объект, позволяет выявить устойчивые закономерности и зависимости. Дефицитными (лимитирующими) факторами в формировании исследуемых результативных показателей функционирования являются численность работников, про-

изводственные затраты, наличие оборотных средств и сумма преференций. Не являются дефицитными, т. е. достаточными для ведения высокоэффективного и высокоокупаемого аграрного производства такие факторы, как наличие основных производственных фондов, оплата труда работников, услуги сторонних организаций (услуги агросервиса) и площадь сельскохозяйственных угодий.

Полученные результаты свидетельствуют, что сформировавшиеся размеры сельскохозяйственных товаропроизводителей являются оптимальными по площади сельскохозяйственных угодий и дальнейшее увеличение размеров хозяйств нецелесообразно с экономической точки зрения.

Хозяйства исследуемого регионального АПК в достаточной степени обеспечены и оснащены основными производственными фондами для ведения высокоэффективного аграрного производства.

Достаточным является и уровень оплаты труда работников, и дальнейшее ее увеличение не способствует росту прибыли и стоимости товарной продукции. В то же время наблюдается высокая положительная зависимость результативных показателей от количества работников, т. е. данный ресурс является лимитирующим.

За последние годы недостаточно выгодными и эффективными для сельского хозяйства являются услуги сторонних организаций. Положительный эффект на результативные показатели оказывает размер государственной поддержки, т. е. окупаемость

бюджетных средств в аграрном производстве достаточно высокая.

Существенное влияние в аграрном производстве на результативные показатели функционирования и на показатели его финансового состояния оказывает наличие оборотных средств, что и подтверждают данные эконометрического анализа. Увеличение производственных затрат и суммы оборотных средств способствует существенному увеличению стоимости товарной продукции и прибыли.

В целом влияние учтенных в эконометрических моделях факторов ресурсного потенциала более существенно в формировании суммы прибыли в сравнении со стоимостью товарной продукции.

Анализ уровня использования ресурсного потенциала в модельном объекте на основе методов эконометрического моделирования показывает, что хозяйство имеет потенциальные возможности для повышения эффективности его использования.

Эффективность использования ресурсного потенциала в модельном объекте характеризуется следующими данными (таблица 4).

Таблица 4. – Эффективность использования ресурсного потенциала модельного объекта на основе эконометрического анализа

Годы и показатели	Коэффициенты эффективности и уровня использования ресурсного потенциала и характеристики моделей по результативным критериям			
	Стоимость товарной продукции	Прибыль	Стоимость товарной продукции	Прибыль
	в расчете на 100 балло-га		всего	
2015	0,780	0,759	0,995	0,776
2016	0,796	0,454	0,860	0,433
2017	0,838	0,542	0,932	0,972
2018	0,903	0,741	1,007	2,043
R	0,9240	0,7477	0,9959	0,7148
D	0,8539	0,5590	0,9918	0,5109
F₁	16,493	3,676	351,03	3,029
t_{aj}	2,13–3,667	2,01–2,233	2,791–5,899	1,887–2,20

Анализ таблицы показывает, что за последние годы в модельном объекте ресурсный потенциал используется на среднем уровне. Если рассматривать эффективность по абсолютной величине результативных показателей стоимости товарной продукции и прибыли, то хозяйство функционирует с высоким уровнем хозяйствования (коэффициенты по стоимости товарной продукции и прибыли составляют, соответственно, 1,007 и 2,043 в 2018 г.), т. е. факти-

ческие значения результативных показателей превышают потенциальные (ожидаемые) значения. Однако при оценке уровня эффективности по исследуемым результативным показателям в расчете на 100 балло-га, т. е. в расчете на единицу площади с учетом качества земель, в модельном объекте имеются резервы для улучшения качества использования ресурсов, и в первую очередь земельных. В целом следует отметить, что сформировалась устойчивая

положительная тенденция в эффективности использования имеющегося ресурсного потенциала.

Характеристики эконометрических моделей для оценки уровня и эффективности использования имеющихся ресурсов в региональном АПК являются высокими и существенными, что свидетельствует о достоверности полученных результатов.

Рост качественных и количественных показателей модельного объекта (таблица 4)

способствовал повышению уровня эффективности использования ресурсного потенциала и, как следствие, поддержанию устойчивого благоприятного финансового положения, и наоборот, несмотря на незначительное снижение показателей финансового состояния, их уровень является высоким и способствует росту эффективности использования имеющихся ресурсов (рисунок).

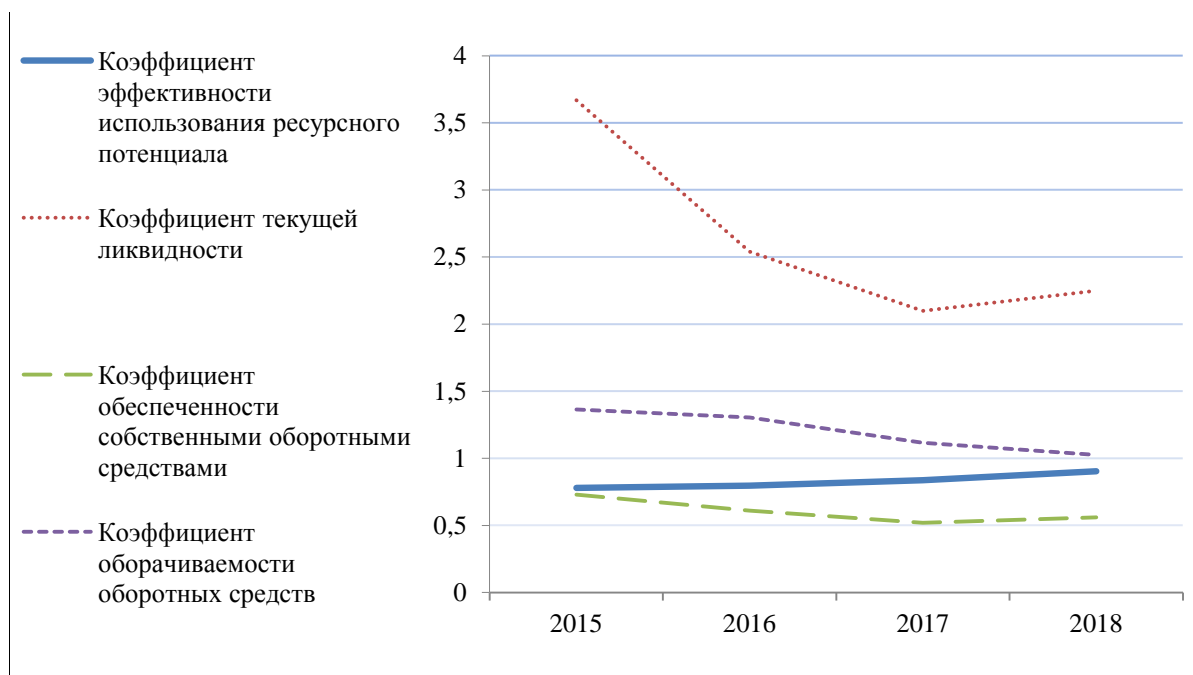

Рисунок. – Взаимосвязь коэффициентов финансового состояния и эффективности использования ресурсного потенциала модельного объекта

Заключение

1. Важнейшие производственно-экономические показатели модельного объекта в сравнении с показателями по районному АПК свидетельствует о высоком уровне ведения аграрного производства. При меньших значениях количественных показателей (землепользование всего, в т. ч. площадь сельхозугодий, пашни) качественные показатели характеризуются существенным превышением при значительно меньшем уровне предпочтений. Следовательно, эффективность использования бюджетных средств и всего производства является более высокой в сравнении со средними районными значениями.

2. В условиях перманентного проявления агроэкологических рисков важней-

шее положительное влияние на результаты функционирования аграрного производства в регионе оказывают такие факторы, как численность работников, наличие энергетических мощностей и наличие оборотных средств. Не являются лимитирующими наличие основных производственных фондов, фонд оплаты труда, размер хозяйства и др.

3. Рост качественных и количественных показателей модельного объекта способствовал повышению уровня эффективности использования ресурсного потенциала и, как следствие, поддержанию устойчивого благоприятного финансового положения.

4. Высокий и стабильный уровень показателей финансового состояния стимулировал повышение эффективности использования ресурсного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленькова, Р. К. Тенденции развития и нормативы окупаемости ресурсов АПК / Р. К. Ленькова, В. И. Буць // Моделирование параметров саморегулируемой системы хозяйствования районного АПК : сб. науч. тр. – Горки : БСХА, 1994. – С. 3–43.
2. Леньков, И. И. Экономико-математическое моделирование систем и процессов в сельском хозяйстве / И. И. Леньков. – Минск : Дизайн ПРО, 1997. – 304 с.
3. Буць, В. И. Эконометрический анализ эффективности управления ресурсосбережением в региональном агропромышленном комплексе Республики Беларусь / В. И. Буць // Актуальные проблемы инновационного развития агропромышленного комплекса Беларуси : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Горки, 16–18 мая 2013 г. ; редкол.: И. В. Шафранская [и др.]. – Горки : БГСХА, 2013. – С. 208–211.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.06.2020

УДК 37(476)(091)

Станислав Андреевич Белый*аспирант 1-го года обучения каф. аналитической экономики и эконометрики
Белорусского государственного университета***Stanislaw Bely***1-st Year Postgraduate Student of the Department of Analytical Economics and Econometrics
of Belarusian State University**e-mail: bely.S.A@tut.by***ВЛИЯНИЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Анализируются инструменты денежно-кредитной политики Республики Беларусь в 2011–2019 гг.: изменение ставки рефинансирования Национального банка, изменение нормы резервирования, операции по регулированию ликвидности. Показано влияние проводимой денежно-кредитной политики на инфляцию, инвестиции в основной капитал, экспорт и ВВП страны. Представлены результаты расчетов коэффициента монетизации ВВП, а также темпов роста средней широкой денежной массы. Определены положительные и отрицательные стороны денежно-кредитной политики Беларуси. При проведении денежно-кредитной политики обоснована целесообразность перехода от режима монетарного таргетирования к режиму инфляционного таргетирования.

Impact of Monetary Policy on the Economic Growth of the Republic of Belarus

The instruments of the monetary policy of the Republic of Belarus for 2011–2019 are analyzed: changes in the refinancing rate of the National Bank, changes in the provisioning rate, liquidity management operations. The influence of the monetary policy on inflation, investments in fixed capital, exports and GDP of the country is shown. The results of calculations of the GDP monetization ratio, as well as the growth rate of the average broad money supply, are presented. The positive and negative sides of the monetary policy of Belarus have been identified. During realization of monetary policy, the expediency of the transition from the regime of monetary targeting to the regime of inflationary targeting is substantiated.

Введение

В условиях кризисных явлений в экономике и необходимости ее стабилизации вопросы влияния денежно-кредитной политики на экономический рост приобретают особую актуальность. Вопросы денежно-кредитного регулирования экономики исследуются в работах целого ряда отечественных и зарубежных ученых. Теоретическую основу монетарной политики составляют работы К. Викселя, М. Вудфорда, Дж. Кейнса [1], А. Смита, Г. Торнтона, Д. Рикардо, Дж. Тэйлора, М. Фридмана, И. Фишера и др. Методология и практика денежно-кредитной политики рассмотрена в работах российских экономистов В. К. Бурлачкова [2], В. Г. Ворониной, А. М. Козловской, Ф. С. Каратаева [3; 4], С. Р. Моисеева [5] и др. Среди белорусских ученых особую значимость в области теории и практики функционирования денежного рынка, прове-

дения монетарной политики имеют исследования Г. Л. Вардеваняна, Д. Л. Калечица, С. В. Калечица, М. М. Ковалева [6], О. И. Румянцевой [7], В. И. Тарасова [8; 9], А. О. Тихонова [10], А. М. Тихоновой [11] и др.

Вместе с тем, отдавая должное имеющимся исследованиям, следует отметить, что вопросы выбора направлений и инструментов денежно-кредитной политики положительно влияющих на экономический рост, а также режима проведения денежно-кредитной политики требуют дополнительной проработки применительно к каждой отдельной экономике с учетом ее специфики и особенностей социально-экономического развития.

Цель статьи – выявить особенности денежно-кредитной политики, проводившейся в Республике Беларусь в 2011–2019 гг., и ее влияние на экономический рост. Задачи исследования: 1) анализ динамики денежной массы и ВВП страны; 2) рассмотрение инструментов денежно-кредитной политики Республики Беларусь; 3) обоснование режима монетарной политики Беларуси.

Научный руководитель – В. Н. Комков, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры аналитической экономики и эконометрики Белорусского государственного университета

Денежно-кредитная политика и ВВП

Денежно-кредитная политика (далее – ДКП), являясь важным инструментом регулирования экономики, представляет собой совокупность мероприятий, регламентирующих функционирование национальной денежно-кредитной системы с целью регулирования хозяйственной конъюнктуры и достижения стратегических целей экономического развития страны.

В национальной экономике к конечным целям ДКП относятся экономический рост, достижение стабильности цен, а также устойчивый платежный баланс. Промежуточными целевыми ориентирами ДКП выступают денежная масса, ставка процента и обменный курс.

В мировой практике различают прямые и косвенные инструменты ДКП. К прямым инструментам ДКП принято относить лимиты кредитования и прямое регулирование ставки процента, однако эти меры в условиях рыночной экономики применяются крайне редко и являются преимущественно инструментом временного воздействия. В качестве косвенных инструментов ДКП выступают изменение нормы обязательных резервов, изменение учетной ставки (ставки рефинансирования), а также операции на открытом рынке.

Правовую базу ДКП в Республике Беларусь формируют Конституция, Граждан-

ский и Банковский кодексы [12; 13]. В Беларуси ДКП проводится на основе программ социально-экономического развития страны, которые разрабатываются на пятилетний период в соответствии с Законом Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь», а также в соответствии с основными направлениями денежно-кредитной политики, которые ежегодно утверждаются указом Президента Республики Беларусь.

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. предусматривает, что основной целью ДКП является снижение к концу 2020 г. уровня инфляции до 5 % [14]. Основными направлениями ДКП Республики Беларусь на 2020 г. предусмотрено, что средняя широкая денежная масса является промежуточным целевым ориентиром [15]. Если государство поддерживает темп роста денежной массы на уровне средних темпов роста реального ВВП, тогда (исходя из правила монетаристов) уровень цен в экономике будет стабилен. Показатели динамики ВВП и денежной массы Республики Беларусь за период 2011–2019 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Показатели динамики ВВП и денежной массы Республики Беларусь в 2011–2019 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП в текущих ценах, млрд руб.	307 245	547 617	670 688	805 793	899 098	94,949	105,748	121,568	132,0
Рост номинального ВВП, % к предыдущему году	180,2	178,2	122,5	120,1	111,6	105,6	111,4	115,0	108,6
Рост реального ВВП в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	105,5	101,7	101,0	101,7	96,2	97,5	102,5	103,0	101,2
Среднегодовая численность населения, занятого в экономике, % к предыдущему году	99,8	98,3	99,3	99,4	98,8	98,0	98,8	99,6	99,8
Индекс потребительских цен, % к предыдущему году	208,7	121,8	116,5	116,2	112,0	110,6	104,6	105,6	104,7

Окончание таблицы 1

Средняя широкая денежная масса (М3), млрд руб.	703 40,8	134 592,4	175 319,9	215 275,5	295 293,3	33,6841	35,5939	40,0776	44,4317
Рост средней широкой денежной массы (М3), % к предыдущему году	166,4	191,3	130,3	122,8	137,2	114,1	105,7	112,6	110,9
Коэффициент монетизации ВВП (объем денежной массы (М3) в ВВП), %	22,9	24,6	26,1	26,7	32,8	35,5	33,7	33,0	33,7

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [16–18].

Данные таблицы 1 указывают на то, что средняя широкая денежная масса М3 росла быстрее номинального ВВП Беларуси в 2012–2016 гг., однако темпы ее роста стали ниже темпов роста номинального ВВП в последующие 2017–2019 гг., что в условиях роста реального ВВП привело к снижению инфляции в экономике до 4,7 % в год.

Следует отметить, что коэффициент монетизации экономики Беларуси, рассчитанный по средней широкой денежной массе М3, за 2011–2019 гг. также вырос с 22,9 до 33,7 % (таблица 1).

Под коэффициентом монетизации ВВП понимают отношение определенного денежного агрегата к номинальной величине валового внутреннего продукта в текущих ценах. Данный показатель является обратным по отношению к скорости обращения денег из уравнения количественной теории денег.

Рост коэффициента монетизации ВВП в Беларуси означает увеличение ресурсного потенциала банковской системы, что способствует расширению кредитной поддержки реального сектора экономики и государственных программ, реализуемых для достижения целей социально-экономического развития страны.

Вместе с тем рост монетизации ВВП за счет увеличения наличных денег в обра-

щении может усугубить инфляционные процессы.

Удельный вес наличных денег в обороте в структуре средней широкой денежной массы вырос с 6,8 % в 2011 г. до 7,4 % в 2019 г. [17, с. 22–23].

Высокая инфляция в экономике снижает доверие к национальной валюте, и, соответственно, спрос на нее как на средство сбережения (по мотиву предосторожности) также падает.

Инструменты денежно-кредитной политики

Рассмотрим подробнее основные инструменты ДКП Республики Беларусь и их влияние на экономический рост.

ДКП Республики Беларусь в 2011–2019 гг. была направлена на создание условий для поддержания стабильных темпов роста экономики и снижение инфляции.

Для этого Национальный банк Республики Беларусь применял следующие базовые инструменты: изменение ставки рефинансирования, пересмотр нормативов обязательных резервов, операции по купле-продаже государством ценных бумаг на открытом рынке.

Значения ставки рефинансирования представлены на рисунке.

Рисунок. – Динамика средней ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [19].

Как видно из рисунка, значение средней ставки рефинансирования понижалось с 34,45 % в 2012 г. до 9,75 % в 2019 г., что указывает на проведение стимулирующей ДКП с целью оживления экономики и стимулирования экономического роста. Снижение ставки рефинансирования, как правило, увеличивает объем заимствований у Национального банка. Следовательно, возрастают операции коммерческих банков по предоставлению ссуд, которые выступают источником финансирования инвестиций. Коммерческие банки, в свою очередь, по-

лучая более дешевый кредит, уменьшают свои ставки по ссудам. Волны кредитного расширения через передаточный механизм ДКП приводят к увеличению предложения денег в национальной экономике, а рост инвестиций способствует росту ВВП через эффект мультипликатора.

Динамика задолженности по кредитам, выданным банками Республики Беларусь (средние значения за период), и инвестиций в основной капитал представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Динамика задолженности по кредитам, выданным банками Республики Беларусь (средние значения за период) и инвестиций в основной капитал

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Задолженность по кредитам, млрд руб.	116 259,9	171 102,8	228 225,6	281 104,2	359 429,9	38,512	36,4826	40,9032	45,3605
Рост задолженности по кредитам, % к предыдущему году	158,8	147,2	133,4	123,2	127,9	107,1	94,7	112,1	110,9
Рост инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году в сопоставимых ценах	117,9	88,3	109,3	94,1	81,2	82,6	105,1	106,0	105,6

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [16–18].

Из данных таблицы 2 следует, что снижение ставки рефинансирования привело к увеличению кредитования банками белорусской экономики (за исключением 2017 г.). Однако, несмотря на снижение ставки рефинансирования, инвестиции в ос-

новной капитал демонстрировали переменчивую динамику. Устойчивая положительная динамика инвестиций в основной капитал наблюдается начиная с 2017 г., что способствует увеличению ВВП страны.

Изменение нормы резервирования также являлось инструментом ДКП Республики Беларусь в 2011–2019 гг. В таблице 3

представлены значения нормы обязательных резервов по привлеченным средствам в национальной и иностранной валюте.

Таблица 3. – Нормативы обязательных резервов в Республике Беларусь, %

Год	По привлеченным средствам в национальной валюте		По привлеченным средствам в иностранной валюте	
	по средствам физических лиц	по средствам юридических лиц	по средствам физических лиц	по средствам юридических лиц
2011	0,0	7,5	7,5	7,5
2012	0,0	10,0	12,0	12,0
2013	0,0	10,0	14,0	14,0
2014	0,0	9,0	13,0	13,0
2015	8,0	8,0	8,0	8,0
2016	7,5	7,5	7,5	7,5
2017	4,0	4,0	15,0	15,0
2018	4,0	4,0	17,0	17,0
2019	4,0	4,0	17,0	17,0

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [17].

Анализ нормы обязательных резервов за 2011–2019 гг. показывает, что ее значение по средствам, привлеченным в иностранной валюте, в конце периода выше, чем по средствам в белорусских рублях. В 2016 г. норма обязательных резервов установлена на уровне 7,5 % независимо от валюты и вида владельца вклада, однако с 2017 г. вследствие политики дедолларизации экономики норматив по привлеченным средствам в иностранной валюте стал постепенно расти и достиг 17 % в 2019 г. Нормы обязательных резервов по вкладам в национальной валюте снизились до 4 % [17].

Чем выше устанавливаемая Национальным банком норма обязательных резервов, тем меньшая доля средств может быть использована коммерческими банками для активных операций на рынке. Увеличение нормы обязательных резервов уменьшает денежный мультипликатор и ведет к сокращению денежной массы. Соответственно, уменьшение нормы резервирования в Беларуси по привлеченным средствам в национальной валюте является элементом стимулирующей ДКП, позволяет увеличить предложение денег в экономике и мотивирует рост деловой активности, что положительно влияет на экономический рост.

В процессе реализации ДКП Национальный банк Беларуси также воздействует на денежную базу с помощью операций по регулированию ликвидности и тем самым

управляет размером денежной массы в стране. Для этого используются:

1) постоянно доступные операции: кредит овернайт, СВОП овернайт по национальной валюте (ставки снижены с 16,0 % в 2011 до 10,75 % в 2019 г.), депозиты овернайт (ставки увеличены с 7,0 % в 2011 до 8,25 % в 2019 г.);

2) двусторонние операции: ломбардный кредит по фиксированной ставке (ставки снижены с 16,0 % в 2011 до 10,75 % в 2019 г.), сделки СВОП по национальной валюте (ставки снижены с 13,0 % в 2011 до 10,75 % в 2019 г.);

3) операции на открытом рынке: ломбардный кредит на аукционной основе, покупка-продажа ценных бумаг на условиях РЕПО, аукционные сделки СВОП, депозиты на аукционной основе, эмиссия краткосрочных облигаций Национального банка (с 2015 г. ставки не ограничиваются) [20].

В целом снижение ставок по регулированию ликвидности указывает на проведение стимулирующей ДКП в Республике Беларусь в 2011–2019 гг., что также способствует экономическому росту.

Режим денежно-кредитной политики

Реализация ДКП с 2015 г. осуществляется в режиме монетарного таргетирования, т. е. основным инструментом достижения конечной цели по инфляции является контроль за денежным предложением. Промежуточным ориентиром является прирост

средней широкой денежной массы. В 2020 г. с учетом задачи обеспечения ценовой стабильности прогнозируется, что прирост средней широкой денежной массы будет находиться на уровне 8–11 % (декабрь 2020 к декабрю 2019 г.) [15].

Сбалансированному росту денежного предложения должно способствовать поддержание реальных процентных ставок в национальной экономике на положительном уровне. С учетом снижения ставки рефинансирования с 01.07.2020 до 7,75 % и фактической инфляции в Беларуси 4,9 % значение реальной процентной ставки по экономике составит 2,85 % [21].

В качестве операционного ориентира ДКП политики используется процентная ставка по однодневным межбанковским кредитам (МБК) в национальной валюте.

Выбор монетарного таргетирования в качестве режима ДКП в Беларуси вызван следующими причинами:

1) широкая денежная масса тесно связана с динамикой инфляции, что позволяет Национальному банку контролировать достижение цели ДКП через управление данным промежуточным ориентиром;

2) функция спроса на деньги позволяет Национальному банку прогнозировать темпы роста широкой денежной массы и ее агрегатов;

3) наличие тесной причинно-следственной связи между операционным ориентиром и широкой денежной массой позво-

ляет достигать промежуточной цели с помощью операционной;

4) Национальный банк с помощью инструментов ДКП способен обеспечивать выполнение операционного ориентира.

Использование краткосрочной процентной ставки МБК в качестве операционного ориентира в отличие от денежной базы снижает волатильность процентных ставок на финансовом рынке и сигнализирует его участникам о направленности ДКП. Данный шаг расширяет возможности Национального банка по управлению ценой денег в экономике, от которой зависит спрос на деньги и инфляция.

Экономика Республики Беларусь обладает высокой степенью открытости, поэтому для обеспечения экономического роста важна также курсовая политика, которая осуществляется в режиме плавающего курса. Динамика курса белорусского рубля формируется под воздействием рыночных сил: соотношения спроса на иностранную валюту и ее предложения на внутреннем валютном рынке. Режим плавающего курса допускает проведение валютных интервенций с целью сглаживания резких колебаний курса белорусского рубля в ходе торгов иностранными валютами (на «Белорусской валютно-фондовой бирже»), а также приобретение иностранной валюты для пополнения золотовалютных резервов.

Индексы курса белорусского рубля к иностранным валютам представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Индексы курса белорусского рубля к иностранным валютам (белорусских рублей за единицу иностранной валюты, декабрь к декабрю предыдущего года в процентах прироста) и темп роста экспорта товаров и услуг

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Изменение номинального курса белорусского рубля к российскому рублю	175,9	3,4	2,9	-31,3	33,2	20,4	8,7	-7,6	5,4
Изменение номинального курса белорусского рубля к евро	180,7	0,5	15,1	4,6	46,9	4,3	15,0	1,8	-3,5
Изменение номинального курса белорусского рубля к доллару США	181,3	1,1	10,1	16,1	66,9	7,4	2,6	5,8	-1,1
Рост экспорта товаров и услуг (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году	158,8	111,5	84,9	98,3	75,7	91,3	122,1	115,4	99,2

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [16–18].

Стоимость белорусского рубля в 2011–2019 гг. преимущественно снижалась (за исключением 2014 и 2018–2019 гг.). Девальвация национальной валюты стимулирует экспорт, который, являясь компонентом совокупных расходов, увеличивает ВВП страны, обеспечивая тем самым экономический рост. Так, темпы роста экспорта товаров и услуг Беларуси в 2011–2012 гг., а также в 2017–2018 гг. были положительными. Выделяя сильные стороны проводимой в Республике Беларусь ДКП, следует отметить определенные успехи: снижение инфляции в экономике, повышение доверия к белорусскому рублю, уменьшение степени долларизации экономики, рост ВВП в 2011–2019 гг. (за исключением 2015–2016 гг.).

Вместе с тем имеются определенные недостатки в виде снижения экспорта в 2013–2016 гг. и в 2019 г., которое отчасти является следствием повышения стоимости белорусского рубля и вследствие этого – удорожания отечественных товаров на внутренних рынках стран-импортеров.

В перспективе при проведении ДКП в Республике Беларусь предусматривается переход от режима монетарного таргетирования к режиму инфляционного таргетирования.

Режим инфляционного таргетирования предполагает, что Национальный банк будет управлять инфляционными ожиданиями. При этом в качестве промежуточного ориентира выступит прогноз инфляции, а воздействие ДКП будет осуществляться преимущественно через канал процентной ставки. Обеспечение экономического роста страны, относительно низкий уровень инфляции и наличие якоря для инфляционных ожиданий негосударственного сектора являются доводами в пользу применения инфляционного таргетирования. Недостатками режима инфляционного таргетирования выступают невозможность обеспечения финансовой стабильности в стране; бесполезность в случае импортированной инфляции, вызванной ростом цен на сырье и обесцениванием национальной валюты.

Успешность внедрения режима инфляционного таргетирования в Беларуси будет зависеть от повышения эффективности трансмиссионного механизма ДКП и степени доверия экономических агентов к проводимой политике. При этом необходимо бу-

дет усовершенствовать методики прогнозирования инфляции.

Поскольку Республика Беларусь является малой страной с открытой экономикой, целесообразно на первоначальном этапе применять более мягкую форму инфляционного таргетирования (с более высоким начальным уровнем целевой инфляции). Инфляционные процессы в Беларуси частично связаны с импортом сырья и материалов, соответственно, находясь в зоне немонетарных факторов, поэтому необходимо предусмотреть допустимые параметры инфляции издержек, которые могут привести к отклонению выбранного целевого ориентира инфляции.

Следует учесть обратную зависимость между темпом инфляции и уровнем безработицы в краткосрочном периоде (кривая Филлипса) [22, с. 344]. При выборе целевого показателя инфляции важно разработать действенные меры по регулированию рынка труда, чтобы не вызвать повышения безработицы за счет сокращения инфляции.

Отдавая должное значимости монетарной политики в экономике, следует отметить, что для обеспечения долгосрочного экономического роста недостаточно одних мер ДКП, какими бы эффективными они не были. ДКП является преимущественно инструментом стабилизации экономики и направлена на сглаживание циклических колебаний деловой активности во время спадов и подъемов. Для экономического роста необходимо развивать факторы предложения: повышать производительность труда и его качество, стимулировать инвестиции в реальный сектор экономики, внедрять новые технологии.

Заключение

Таким образом, проводимая в Республике Беларусь стимулирующая ДКП направлена на обеспечение экономического роста. В процессе реализации монетарной политики использовались такие инструменты, как поэтапное снижение ставки рефинансирования, уменьшение нормы резервирования по вкладам в национальной валюте, проведение Национальным банком операций по регулированию ликвидности, в т. ч. на открытом рынке. В целом, реализация ДКП в 2011–2019 гг. позволила стимулировать деловую активность, а также инвестиции, что

наряду с другими мерами регулирования экономики обеспечило рост ВВП страны. В перспективе при проведении ДКП целесообразен переход от режима монетарного таргетирования к режиму инфляционного таргетирования, что позволит в дальнейшем повысить степень управляемости инфляционными ожиданиями в стране.

С учетом выявленных особенностей ДКП Республики Беларусь научная новизна

и практическая значимость результатов исследования заключается в дополнении существующих в экономической науке представлений об опыте проведения ДКП с целью обеспечения экономического роста и преодоления инфляционных процессов. Полученные результаты могут быть использованы в сфере макроэкономического регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кейнс, Д. Общая теория занятости, процента и денег / Д. Кейнс ; под ред. Л. П. Куракова; Н. Н. Любимова. – М. : Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
2. Бурлачков, В. К. Макроэкономика, монетарная политика, глобальный кризис: анализ современной теории и проблемы построения новой модели экономического развития / В. К. Бурлачков. – М. : URSS : Либроком, 2013. – 239 с.
3. Картаев, Ф. Полезно ли инфляционное таргетирование для экономического роста? / Ф. Картаев // Вопр. экономики. – 2017. – № 2. – С. 62–74.
4. Картаев, Ф. С. Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса / Ф. С. Картаев, Ю. И. Якимова // Вопр. экономики. – 2018. – № 11. – С. 70–84.
5. Моисеев, С. Р. Возникновение и становление центральных банков / С. Р. Моисеев. – М. : КноРус, 2017. – 310 с.
6. Ковалев, М. М. Стоимость банка : монография / М. М. Ковалев, А. В. Василевский. – Минск : БГУ, 2018. – 147 с.
7. Румянцева, О. И. Денежно-кредитная политика в Республике Беларусь: теория, методология, стратегия : монография / О. И. Румянцева. – Минск : Мисанта, 2014. – 251 с.
8. Тарасов, В. И. Денежное обращение и кредит : учеб. пособие / В. И. Тарасов. – Минск : БГУ, 2015. – 326 с.
9. Тарасов, В. И. Научно-практические аспекты формирования монетарной политики и валютное регулирование: мировой и отечественный опыт / В. И. Тарасов // Экон. бюл. Науч.-исслед. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 4. – С. 4–17.
10. Тихонов, А. Денежно-кредитная политика в посткризисный период и проблемы адаптации национальной экономики / А. Тихонов // Банкаўс. весн. – 2018. – № 1. – С. 15–20.
11. Тихонова, А. М. Денежно-кредитная политика / А. М. Тихонова // Экон. бюл. Науч.-исслед. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 8. – С. 16–18.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм., которые вступили и вступают в силу от 1 янв., 1 июля, 29 авг. 2020 г. – Минск : Академия МВД, 2020. – 420 с.
13. Банковский кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. : по состоянию на 19 нояб. 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 220 с.
14. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/-document/?guid=3871&p0=P31600466>. – Дата доступа: 29.05.2020.
15. Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/legislation/ondkr/>. – Дата доступа: 29.05.2020.
16. Беларусь в цифрах. 2020 : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (предисл.) [и др.]. – Минск, 2020. – 71 с.
17. Статистический бюллетень. 2010–2019 [Электронный ресурс] : ежегодник // Нац. банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/publications/bulletinyearbook/statistics_bulletin_yearbook_2019.pdf. – Дата доступа: 25.06.2020.

18. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2019 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (предисл.) [и др.]. – Минск, 2019. – 472 с.

19. Динамика средней ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/dynamic>. – Дата доступа: 25.06.2020.

20. Ставки по операциям Национального банка Республики Беларусь на финансовом рынке [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/monetarypolicyinstruments/interestrates/?menu=stat>. – Дата доступа: 25.06.2020.

21. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nbrb.by>. – Дата доступа: 25.06.2020.

22. Агапова, Т. А. Макроэкономика : учебник / Т. А. Агапова, С. Ф. Серёгина. – М. : МГУ, 2009. – 447 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.08.2020

УДК 332.12

Павел Александрович Черновалов

магістр экон. наук, аспірант каф. менеджмента

Брэстскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Pavel ChernovalovMaster of Economics Sciences, Graduate Student of the Department Management
of Brest State Technical Universitye-mail: happyminty@mail.ru**РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ
РЕГИОНАЛЬНЫХ БИОЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ**

Представлено воздействие достижений цифровой экономики на эволюцию отношений в сфере формирования цифровых биокластеров и внедрения соответствующих бизнес-моделей для их функционирования. Показано, что происходит переход от традиционных моделей ведения бизнеса к цифровым, которые основаны на передовых цифровых управленческих продуктах. Изложена методика оценки бизнес-моделей, использующая количественный метод для проверки и оценки функционирующих в биокластерах бизнес-моделей.

Development of a Methodology for Evaluating Business Models of Regional Bio-economic Clusters

The article examines the impact of the achievements of the digital economy on the evolution of relations in the field of formation of digital bioclusters and the implementation of appropriate business models for their functioning. It is shown that there is a transition from traditional business models to digital ones, which are based on advanced digital management products. A methodology for evaluating business models is presented, using quantitative methods to test and evaluate business models operating in bioclusters.

Введение

Обострившаяся в начале XXI в. проблема мирового продовольственного кризиса заставила многие зарубежные страны обратиться к инновационным технологиям. Одной из наиболее перспективных и широко внедряемых технологий в настоящее время является сельскохозяйственная биотехнология, или агробиотехнология, сформировавшая сферу биоэкономики. Сложилась вполне объяснимая специфика экономики, менеджмента и организационных структур биотехнологического сектора, что реализует целый ряд особенностей в логистике его продукции. В экономических исследованиях сегодня выделяют высокотехнологические кластеры, основанные на ноу-хау, кластеры дешевого производства, кластеры информационных услуг. Следует отметить, что наряду с высокотехнологическими кластерами, подобными Силиконовой долине, активно развиваются биотехнологические и прочие кластеры. Существует большое количество кластерных программ, которые являют собой пример эффективного взаимодействия науки и бизнеса [1].

Биокластер – это сеть взаимосвязанных производств агропромышленного комп-

лекса, созданных с целью глубокой переработки сырья и отходов производства. Биокластер – это безотходный производственный комплекс, созданный на основе сельскохозяйственного предприятия [1]. Цифровые и информационные технологии являются частью системы информационного обеспечения сферы управления организациями и выполняют важные функции по накоплению, хранению, передаче и обработке информации и созданию передовых цифровых управленческих продуктов.

Новый технологический уклад формирует и новые методы, регламенты и структуру управленческой деятельности, принятой как в конкретной организации, реализуя ее цели и задачи, так и в совокупностях организаций – кластерах [2]. В ближайшее время в кластерах будут осуществлены преобразования, связанные с эволюцией отношений в *экономической и управленческой сферах организаций*, обусловленные широким внедрением цифровых технологий и соответствующих им *бизнес-моделей управления*.

Бизнес-модели, применяемые в сельском хозяйстве, и их типология в условиях цифровой экономики являются неисследованной областью науки, о чем свидетельст-

вует малое число публикаций по этой проблематике. Широкое использование бизнес-моделей появилось с появлением персонального компьютера и развитием информационных технологий, которые позволяют тестировать и моделировать различные компоненты бизнеса. Успешные бизнес-модели до этого создавались в основном случайно, а не по замыслу, что имеет отношение к бизнес-планам и бизнес-стратегиям. В этой связи актуализируется работа по созданию методики оценки функционирующих бизнес-моделей в региональных биокластерах [2].

Методики оценки бизнес-моделей на основе проведения количественных исследований позволяют осуществить проверку и оценку их эффективности в условиях функционирования цифровой экономики. В основе разработанной методики лежит авторский исследовательский инструмент, представляющий собой опросную анкету [3–5].

Исследовательский инструмент.

В процессе отработки методики были распространены опросные листы среди персонала 35 различных организаций Брестского региона, которые включают вопросы профессионального характера, нацеленные на изучение эффективности конкретного организационного образования. Вопросы анкеты разделены по своей тематике на несколько модулей: А – «Тип продукции», В – «Источники ресурсов и компетенций», С – «Тип договоров и контрактов», D – «Использование цифровых технологий», E – «Качество

институтов и рутин», F – «Другие элементы управления».

В анкете используются вопросы, требующие ответа в соответствии со шкалой *Лайкерта*, которая позволяет анкетированным описать свое отношение к каждому из вопросов в номинациях: «Определенно согласен», «Скорее согласен, чем нет», «Не могу сказать точно», «Скорее не согласен», «Безусловно не согласен».

Объем выборочной совокупности с учетом корректировки составил 59 работников с репрезентативностью 95 % (это минимальный статистический порог, необходимый для осуществления опроса). При помощи коэффициента альфа Кронбаха (коэффициент ввел Ли Кронбах в 1951 г.) анализируется внутренняя согласованность характеристик каждого инструмента исследования (анкеты). Параметры теста согласованности *Кронбаха* рассчитаны для каждого модуля анкеты. Исследовательский инструмент содержит значительный объем информации, и, кроме того, в нескольких модулях анкеты значения коэффициента *альфа Кронбаха* не удовлетворяют параметрам достоверности, т. е. наблюдается определенная несогласованность между вопросами разных модулей. Поэтому в целях устранения недостаточной корреляции между отдельными модулями и повышения достоверности исследования был применен факторный анализ. В результате проведенного факторного анализа получены окончательные объемы отдельных модулей исследовательского инструмента (таблица 1).

Таблица 1. – Модули исследовательского инструмента новой методики исследования бизнес-моделей биокластеров

Модуль	Наименование интегрированного фактора	Вопросы	Примечания
Тип продукции (<i>по принципу убывания</i>)			
1	Основной вид продукции		
2	Побочный вид продукции		
3	Смешанное производство		
Источники ресурсов и компетенций			
1	Внешние ресурсы и компетенции		
2	Смешанные ресурсы и компетенции		
3	Собственные ресурсы и компетенции		
Тип договоров и контрактов			
1	Контрактная модель		
2	Менеджерские контракты		
3	Гибридная модель		
Использование цифровых технологий			
1	Традиционные приемы хозяйствования		
2	Приемы с использованием цифровых технологий		

Окончание таблицы 1

Качество институтов и рутин			
1	Гибкий рынок труда		
2	Бережливое производство		
3	Экономический эффект		
Прочие элементы управления			
–	–	Все вопросы	

В результате осуществления факторного анализа и обработки данных по тесту согласованности *Кронбаха* его значения для отдельных модулей исследовательского инструмента значительно улучшились и вошли в допустимые пределы.

Работы по модернизации исследовательского инструмента позволили реализо-

вать дальнейшую статистическую обработку полученных при опросах ответов. На основании проведенных исследований определены доминирующие бизнес-модели, сформулированные в таксономической матрице как М1; М2; М3; М4 (таблица 2).

Таблица 2. – Основные критерии, определяющие бизнес-модели (таксономическая матрица)

Критерии	Бизнес-Модели			
	М1 стандартная	М2 контрактная	М3 гибридная	М4 цифровая «Бережливый биокластер»
Тип продукции	Массовое производство сельхозпродукции	Производство сельхозпродукции с ориентацией на клиента	Производство сельхозпродукции, биотехнологических продуктов с ориентацией на клиента	Производство сельхозпродукции, биотехнологических продуктов, цифровых услуг с ориентацией на клиента
Источники ресурсов и компетенций	Централизованно распределяемые ресурсы и распространение компетенций	Поиск ресурсов и компетенций на конкурентной основе	Конкурентные ресурсы и компетенции, участие в госзакупках и тендерах	Использование принципов бережливости к ресурсам и компетенциям
Тип заключаемых договоров	Централизованно утвержденные параметры закупок	Законтрактованные объемы производства с клиентами	Менеджерские контракты, участие в урожае, контрактные поставки	Менеджерские контракты, участие в урожае, контрактные поставки, смарт-контракты
Применение цифровых технологий	Автоматизация учета и планирования на основе компьютеров	Автоматизация учета, планирования и поставок на основе компьютеров (MRP I)	Автоматизация учета, планирования и поставок на основе компьютеров (MRP II, III)	MRP III, криптовалюты, электронные кошельки, биткоин-терминалы
Качество правил, норм и рутин	Централизованное планирование и управление	Хозяйственная автономия, самокупаемость, рентабельность	Хозяйственная автономия, работа по вызову, самозанятость	Принципы бережливости, институциональные инновации, кластерные правила

Примечание – Источник – собственная разработка.

После обработки анкет с учетом модернизации исследовательского инструмента на основе факторного анализа по направлению оценки значения применяемых бизнес-моделей в выбранных организациях полу-

чены некоторые данные при помощи программного продукта STATISTICA. В первоначальном анализе внимание акцентировано на общей оценке применяемых в организациях бизнес-моделей по выделенным

ранее модулям (*тип продукции, источники ресурсов и компетенций, тип договоров и контрактов, использование цифровых технологий, качество институтов и рутин, прочие элементы управления*).

Следующим этапом исследования был анализ некоторых интегрированных факторов по отношению к отдельным организационным элементам предполагаемого био-кластера: университеты, инновационные

организации (стартапы), промышленность, сельское хозяйство, подготовка кадров.

Для исследования выбраны интегрированные факторы: *набор методов гибкого рынка труда* (таблица 3), *традиционные приемы хозяйствования* (таблица 4), *приемы с использованием цифровых технологий* (таблица 5), *бережливое производство* (таблица 6), *экономический эффект* (таблица 7).

Таблица 3. – Фактор набор методов гибкого рынка труда

Подразделения	Число объектов	Среднее значение	Нижний квартиль	Медиана	Верхний квартиль	Среднее квадратичное отклонение	Min	Max
Университеты	6	1,944	1,000	1,667	2,333	1,124	1,000	4,000
Стартапы-инновации	3	2,333	1,667	1,667	3,667	1,155	1,667	3,667
Промышленность	4	1,500	1,333	1,667	1,667	0,333	1,000	1,667
Сельское хозяйство	5	2,933	2,000	3,000	3,333	0,983	2,000	4,333
Подготовка кадров	4	4,250	4,000	4,167	4,500	0,319	4,000	4,667
Всего групп	22	2,561	1,667	2,000	4,000	1,245	1,000	4,667

При оценке интегрированного фактора *набор методов гибкого рынка труда* (таблица 3) наименьшее значение среднего показателя имеют группы: *промышленности* (среднее значение 1,50 балла при медиане равной 1,66 балла, а также значениях квартилей: нижнего – на уровне 1,33 балла и верхнего – 1,66 балла), *университетов* (среднее значение 1,94 балла при медиане равной 1,66 балла и значениях квартилей: нижнего – на уровне 1,00 балла и верхнего – 2,33 балла), а также *стартапов* (среднее значение 2,33 балла при медиане равной 1,66 и значениях квартилей: нижнего – на уровне 1,66 балла и верхнего – 3,66 балла).

Эти результаты означают, что респонденты данных групп, характеризующих определенную функциональную специализацию, в основном согласны или скорее согласны с тем, что существующие бизнес-модели, внедренные в соответствии с дейст-

вующими правилами в их организации, реализованы субъективно, посредством действий руководства, что скорее всего, по мнению респондентов данных групп, приводит к ухудшению условий деятельности.

Другого мнения придерживаются респонденты в группах *подготовка кадров* (среднее значение 4,25 балла при медиане равной 4,16 и значениях квартилей: нижнего – на уровне 4,00 балла и верхнего – 4,50 балла) скорее не согласны с тем, что существующие бизнес-модели имеют субъективный характер и результатом этого стали худшие способы организации.

Значительные трудности возникают с оценкой мнений респондентов, представляющих *сельское хозяйство*, т. к. полученные результаты имеют среднее значение 2,93 балла при медиане равной 3,00 баллам и значениях квартилей: нижнего – на уровне 2 баллов и верхнего – 3,33 балла.

Таблица 4. – Фактор традиционные методы хозяйствования

Подразделения	Число объектов	Среднее значение	Нижний квартиль	Медиана	Верхний квартиль	Среднее квадратичное отклонение	Min	Max
Университеты	6	4,000	2,600	4,600	5,000	1,259	2,200	5,000
Стартапы-инновации	3	4,250	4,000	4,167	4,500	0,319	4,000	4,667
Промышленность	4	2,700	1,600	2,100	3,800	1,604	1,600	5,000

Окончание таблицы 4

Сельское хозяйство	5	1,840	1,600	2,000	2,000	0,219	1,600	2,000
Подготовка кадров	4	1,867	1,800	1,800	2,000	0,115	1,800	2,000
Всего групп	22	2,618	1,800	2,100	2,600	1,274	1,400	5,000

Оценка интегрированного фактора *традиционные методы хозяйствования* (таблица 4) характеризует собой некоторые статистические данные, требующие разъяснений, т. к. имеются существенные различия в оценках по подразделениям. Это означает, что респонденты различных организаций по-разному оценивают влияние существующих бизнес-моделей на уровень развития организаций. Работники *сельского хозяйства, промышленности и подготовки кадров* считают, что существующие бизнес-модели реализуют полную возможность получения клиентами производимых товаров и услуг.

Такие выводы подтверждаются следующими данными таблицы 4: среднее значение *сельского хозяйства* определяется на уровне 1,84 балла (при медиане равной 2 баллам, значении нижнего квартиля на уровне 1,60 балла и верхнего – на уровне 2 баллов); для *подготовки кадров* соответствующее значение 1,86 балла (при медиане 1,80 балла и значении нижнего квартиля на уровне 1,80 балла и верхнего – на уровне

2 баллов); для *промышленности* – 2,70 балла (при медиане равной 2,10 балла, значении нижнего квартиля 1,60 балла и верхнего – на уровне 3,80 балла). С другой стороны, работники организаций *«Университеты и стартапы»* не согласны с утверждением о том, что существующие бизнес-модели полностью реализуют потребности клиентов в товарах и услугах. Подтверждается данное утверждение следующими значениями: среднее значение ответов равно 4 баллам при медиане равной 4,60 балла, а также значениях квартилей: нижнего – 2,60 балла и верхнего – 5 баллов.

Фактор *использование цифровых технологий* (таблица 5) характеризуется следующими ответами респондентов: в *университетах, стартапах и промышленности* выражается большая уверенность в том, что внедрение цифровых технологий и соответствующих им бизнес-моделей позволят повысить результативность организаций в Республике Беларусь.

Таблица 5. – Фактор «Использование цифровых технологий»

Подразделения	Число объектов	Среднее значение	Нижний квартиль	Медиана	Верхний квартиль	Среднее квадратичное отклонение	Min	Max
Университеты	6	2,778	1,333	2,000	5,000	1,747	1,33	4,000
Стартапы-инновации	3	2,618	1,800	2,100	2,600	1,274	1,400	5,000
Промышленность	4	2,417	1,500	1,667	3,333	1,729	1,333	5,000
Сельское хозяйство	5	2,067	1,333	2,000	2,667	0,760	1,333	3,000
Подготовка кадров	4	1,083	1,000	1,000	1,167	0,167	1,000	1,333
Всего групп	22	2,076	1,333	1,667	2,000	1,289	1,000	5,000

В *сельском хозяйстве и подготовке кадров* респонденты считают, что цифровые технологии не изменят существующих бизнес-моделей.

Кроме того, все респонденты считают, что цифровые технологии позволяют организовать рациональное использование персонала, что имеет определяющее значение

для обслуживания клиентов. Подтверждением такого мнения являются следующие значения таблицы 5. Для подготовки кадров среднее значение ответов 1,08 балла (при медиане, равной 1 баллу, значения квартилей: нижнего – на уровне 1 балла и верхнего – 1,16 балла), для промышленности: 1,55 балла (при медиане равной 1,66 балла

и значении квартилей: нижнего – на уровне 1,33 балла и верхнего – 1,66 балла). Для сельского хозяйства среднее значение ответов было 2,06 балла (при медиане, равной 2 баллам, и значении квартилей: нижнего – на уровне 1,33 балла и верхнего – 2,66 балла). Для промышленности среднее значение ответов определено как 2,41 балла (при ме-

диане, равной 1,66 балла, и значениях квартилей: нижнего – на уровне 1,50 балла и верхнего – 3,33 балла). В университетах ответы характеризуются значениями: среднее – 2,77 балла (при медиане, равной 2 баллам, и значении квартилей: нижнего – на уровне 1,33 балла и верхнего – 5 баллов).

Таблица 6. – Фактор «Бережливое производство»

Подразделения	Число объектов	Среднее значение	Нижний квартиль	Медиана	Верхний квартиль	Среднее квадратичное отклонение	Min	Max
Университеты	6	2,700	1,600	2,100	3,800	1,604	1,600	5,000
Стартапы-инновации	3	2,333	2,250	2,250	2,500	0,144	2,250	2,500
Промышленность	4	2,625	1,500	2,000	3,750	1,652	1,500	5,000
Сельское хозяйство	5	3,417	2,500	3,000	5,000	1,281	2,000	5,000
Подготовка кадров	4	1,938	1,875	2,000	2,000	0,125	1,750	2,000
Всего групп	22	2,545	2,000	2,125	2,750	1,085	1,500	5,000

Анализируя содержание таблицы 6, можно утверждать, что работники организаций *подготовки кадров, стартапов, промышленности и университетов*, скорее всего, согласны с тем, что бизнес-модели должны быть ориентированы на функционирование модели бережливого производства. Эти выводы подтверждаются следующими результатами: среднее значение для *подготовки кадров* составляет 1,93 балла (при медиане, равной 2 баллам, означает «скорей согласны», а также значения квартилей: нижнего – на уровне 1,87 балла и верхнего – 2 баллов); для *стартапов* среднее значение ответов составляет 2,33 балла (при медиане, равной 2,25 балла, и значениях квартилей: нижнего – на уровне 2,25 балла

и верхнего – 2,50 балла); для *промышленности* средние значения составили 2,65 балла (при медиане, равной 2 баллам, и значениях квартилей: нижнего – на уровне 1,50 балла и верхнего – 3,75 балла); для *университетов* среднее значение ответов составило 2,7 балла (при медиане, равной 2,1 балла, и значениях квартилей: нижнего и верхнего – 1,6 и 3,8 балла соответственно). И только работникам *сельского хозяйства* трудно оценить данный интегральный фактор, о чем свидетельствует среднее значение, равное 3,41 балла (при медиане на уровне 3 баллов («скорее не согласен») и значениях квартилей: нижнего – на уровне 2,50 балла и верхнего – 5 баллов).

Таблица 7. – Фактор «Экономический эффект»

Подразделения	Число объектов	Среднее значение	Нижний квартиль	Медиана	Верхний квартиль	Среднее квадратичное отклонение	Min	Max
Университеты	6	1,667	1,500	1,750	2,000	0,408	1,000	2,000
Стартапы-инновации	3	1,833	1,500	2,000	2,000	0,289	1,500	2,000
Промышленность	4	1,250	1,000	1,250	1,500	0,289	1,000	1,500
Сельское хозяйство	5	1,250	1,500	1,500	2,000	0,274	1,500	2,000
Подготовка кадров	4	1,000	1,000	1,000	1,000	0,000	1,000	1,000
Всего групп	22	1,500	1,000	1,500	2,000	0,408	1,000	2,000

Данные таблицы 7 свидетельствуют о том, что оценка фактора *экономический эффект* осуществлена респондентами довольно разнообразно. Работники организаций *промышленности, сельского хозяйства и подготовки кадров* в своем большинстве полностью согласны с тем, что существующие бизнес-модели полностью реализуют экономический эффект и эти факты позволяют удовлетворить все требования клиентов.

Об этом свидетельствуют следующие статистические данные: среднее значение ответов для организаций *промышленности* составило 1,25 балла («определенно согласен») (при медиане, равной 1,25 балла, и значениях квартилей: нижнего и верхнего – на уровне 1 балла); для организаций *сельского хозяйства и подготовки кадров* сред-

нее значение составило 1,25 балла (при медиане, равной 1,5 балла, и значениях квартилей: нижнего – на уровне 1 балла и верхнего – 1,50 балла).

Ответы оставшихся работников можно отнести к категории, связанной с одобрением перспективных бизнес-моделей функционирования возможных региональных биокластеров.

Обобщив результаты исследования и сформулированные по их итогам выводы, можно построить обобщающую таблицу 8, содержащую совокупные данные по анализируемым организациям относительно тех бизнес-моделей (M1, M2, M3, M4), которые наиболее соответствуют основным интегрированным факторам влияния.

Таблица 8. – Результаты анализа влияния интегрированных факторов на возможные бизнес-модели

Интегрированные факторы	Университет	Инновационная сфера	Промышленность	Сельское хозяйство	Подготовка кадров
Набор методов гибкого рынка труда	M3	M3	M3	?	M1
	M4	M4	M4	?	M2
Традиционные формы хозяйствования	M3	M1	M1	M1	M1
	M4	M2	M2	M2	M2
Использование цифровых технологий	M3	M3	M1	M1	M3
	M4	M4	M2	M2	M4
Качество товаров и услуг	?	M1	M1	M1	M1
	?	M2	M2	M2	M2
Экономический эффект	?M3	?M3	M1	?M1	M1
	?M4	?M4	M2	?M2	M2

Условные обозначения: M1 – модель «Стандартная»; M2 – модель «Контрактная»; M3 – модель «Гибридная»; M4 – цифровая модель «Бережливый биокластер»; ? – присутствуют сомнения по поводу преимущественной модели; ?M1 – возможно, преимущественной должна быть модель M1.

Данные таблицы 8 свидетельствуют о том, что часть организаций, скорее всего, согласна с тем, что существующие бизнес-модели (M1, M2) обеспечивают нормальные параметры функционирования и имеют экономический эффект. В некоторых случаях современные бизнес-модели (M3, M4) предпочтительно считаются наиболее востребованными в организациях университетов, в стартапах и частично в промышленности.

Заключение

Исследования, осуществленные на основе методики оценки бизнес-моделей, результаты которых приведены в настоящей работе, показали, что существует необходимость в организационной деятельности по формированию цифровых биокластеров и

бизнес-моделей управления «Бережливый биокластер». Данное направление работы позволяет реализовать на рынке товаров и услуг ряд конкурентных преимуществ на основе значительно более глубокой переработки сельскохозяйственного сырья, не избавляясь от отходов производства, что при использовании цифровых технологий и высокой культуры производства улучшает экологическую ситуацию в агропромышленном комплексе (АПК), повышает эффективность его функционирования и создает экономический эффект.

Опрос сотрудников также показывает, что традиционные методы хозяйствования все еще являются для них наиболее приемлемыми. Однако можно утверждать, что с развитием новых видов кластерных образова-

ний с участием университетов и инновационных организаций, связанных с использованием цифровых технологий, применение гибридной и цифровой бизнес-моделей М3 и М4 становится все более актуальным.

Применяемые в планируемых биоскластерах модели бизнеса будут удовлетворять условиям цифровой экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adamowicz, M. Biogospodarka – koncepcja, zastosowanie i perspektywy / M. Adamowicz // Zagadnienia Ekonomiki Rolnej. – 2017. – Nr 3, vol. 350. – S. 29–49.
2. Enright, M. J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper / M. J. Enright // Institute of Economic Policy and Business Strategy : Competitiveness Program University of Hong Kong, 2000. – 21 p.
3. Черновалов, П. А. Развитие инфраструктуры финансовых потоков с использованием блокчейна в логистике / П. А. Черновалов // Экономика города в период структурных преобразований: теория, методология, практика : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 нояб. 2017 г. / под ред. Ю. С. Руденко, М. Я. Парфеновой, Л. Г. Руденко. – М. : Изд-во Моск. ун-та им. С. Ю. Витте, 2017. – С. 431–437.
4. Черновалов, А. В. Начала количественного анализа в институциональной экономике: социальный аспект : монография / А. В. Черновалов, П. В. Солодуха, П. А. Черновалов. – М. : РУСАЙНС, 2017.
5. Цифровое будущее или экономика счастья? / А. В. Черновалов [и др.]. – М. : Дашков и Ко, 2018. – 176 с.

Рукапіс наступіу у редакцію 28.09.2020

ПРАВА

УДК 343

Елена Викторовна Романюк

*магистр юрид. наук, ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Elena Romanyuk

*Master of Laws, Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: crimlaw_515@brsu.brest.by

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Рассматриваются проблемные вопросы квалификации действий, связанных с завладением найденным имуществом. Систематизируются признаки разграничения кражи и присвоения найденного имущества. Предлагаются рекомендации по применению норм законодательства при разрешении спорных моментов квалификации данных деяний. Рассмотрены примеры квалификации деяний, связанных с завладением найденным имуществом. Сделан вывод, что большинство граждан не в полной мере владеет информацией о том, какая ответственность наступает за присвоение чужого оставленного и потерянного имущества.

Problem Aspects of Determining the Theft and Assigning Found Property

The problematic issues of qualification of actions related to the possession of the found property are considered. The signs of differentiation of theft and appropriation of the found property are systematized. Recommendations are proposed on the application of legal norms in resolving contentious issues related to the qualification of these acts. Examples of qualification of acts related to the possession of the found property are considered. It is concluded that a large percentage of citizens do not fully own information about what responsibility comes for the appropriation of someone else's abandoned and lost property.

Введение

В судебно-следственной практике при квалификации действий, связанных с завладением найденным имуществом, возникают спорные ситуации, т. к. в зависимости от обстоятельств данные действия можно оценить как присвоение найденного или как кражу. Поэтому не всегда можно однозначно ответить, какие нормы следует применять: нормы Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь, Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) или Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Многие случаи присвоения чужого имущества (хоть и оставленного без присмотра) трактуются как кража.

Институт находки урегулирован нормами гражданско-правового законодательства. Согласно ст. 228 ГК Республики Беларусь, нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-

либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. Нашедший вещь обязан заявить о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления, если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи или место его пребывания неизвестны. Если в течение 6 месяцев с момента заявления о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления лицо, уполномоченное на получение утерянной вещи, не будет установлено и не заявит о своем праве на вещь нашедшему ее лицу, либо в орган внутренних дел, либо орган местного управления и самоуправления, нашедший вещь приобретает право собственности на нее. Если нашедший вещь откажется от приобретения ее в собственность, найденная вещь поступает в коммунальную собственность (ст. 229

ГК Республики Беларусь). Статья 231 ГК Республики Беларусь содержит аналогичные нормы, касающиеся находки животного. Так, лицо, задержавшее безнадзорный или пригульный скот или других безнадзорных домашних животных, обязано возвратить их собственнику, а если собственник животных или место его пребывания неизвестны, не позднее 3 дней с момента задержания заявить об обнаруженных животных в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления, которые принимают меры к розыску собственника.

Таким образом, согласно закону, нашедший вещь обязан уведомить об этом собственника или лицо, ее потерявшее. Однако в силу обстоятельств иногда это сделать сложно, поэтому нашедшему имущество следует обратиться в органы внутренних дел – в дежурную часть отдела милиции того района, где обнаружена находка. После удостоверения личности нашедшему вещь предложат написать заявление, где нужно будет указать, при каких обстоятельствах найдено имущество, либо сделать устное заявление, которое заносится в протокол. Личные данные нашедшего указываются для того, чтобы связаться с ним в случае, если владелец не будет установлен, ведь, согласно нормам ГК Республики Беларусь, если в течение полугода владельца вещи не установят, ее возвратят нашедшему, который приобретет на нее право собственности, т. е. сможет распоряжаться находкой по своему усмотрению. Нашедший чужое имущество и вернувший его владельцу, может требовать от него вознаграждение в размере до 20 % от стоимости находки. Если находка представляет ценность только для ее собственника, то сумма вознаграждения определяется по соглашению сторон либо судом.

Но не всегда лица, нашедшие чужое имущество, поступают согласно закону. Так, утаивший находку нарушает не только нормы гражданского кодекса: в зависимости от обстоятельств данное деяние может содержать признаки административного правонарушения или преступления.

Чтобы разобраться в нюансах квалификации присвоения найденного, необходимо разграничить некоторые термины. Ключевым аспектом для разграничения является определение момента, когда собст-

венник не отказался от своего имущества, но при этом сам утратил господство над вещью и в то же время никому не вверил ее.

Бесхозяйная (ничейная): вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался, например, по причине ненадобности или старости (ст. 226 ГК Республики Беларусь). Правовой режим движимых вещей, от которых собственник отказался, урегулирован ст. 217 ГК Республики Беларусь.

Оставленная: вещь, намеренно оставленная собственником в конкретном месте. Полотенце на шезлонге, велосипед у магазина, сумки у подъезда, которые поочередно носит хозяин к лифту, – это вещи, оставленные на конкретный отрезок времени. Другими словами, это имущество не утеряно, а временно осталось без присмотра.

Забывтые вещи: собственник помнит, где оставил имущество, и имеет возможность за ним вернуться (в гостинице, на прилавке магазина, в кафе, купе вагона).

Потерянное имущество: оно выбыло из владения собственника не по его воле, и ему не известно, где находятся вещи. Например, выпавший из кармана кошелек [1].

Завладение *потерянными* вещами квалифицируется как *присвоение найденного заведомо чужого имущества* и влечет административную ответственность по ст. 10.6 КоАП Республики Беларусь; а *умышленное присвоение в особо крупном размере* – уголовную по ст. 215 УК Республики Беларусь (особо крупный размер – это сумма, превышающая 1 000 базовых величин).

Завладение оставленными и забытыми вещами будет квалифицировано как кража, что повлечет уголовную ответственность по ст. 205 УК Республики Беларусь.

Потерянные вещи иногда сложно отличить от *забытых*. Забытые вещи находятся в месте, известном собственнику (владельцу), и он имеет возможность за ними вернуться или иным способом их возвратить. На этом основании забытые вещи могут признаваться предметом хищения, если виновный осознавал, что собственник вернется за этой вещью (об этом могут свидетельствовать такие обстоятельства, как место, где вещь забыта, состояние вещи, истечение времени с момента оставления вещи).

Кандидат юридических наук В. В. Хилота, занимающийся разработкой данной проблемы, отмечает, что в науке уголовного права и правоприменительной практике вот уже долгое время продолжает оставаться нерешенным вопрос о надлежащих критериях разграничения *кражи* и *находки*. *Находка*, для того чтобы признаваться таковой, требует неизвестности собственника. Положения *о находке* однозначно не могут распространяться на случаи, когда собственник утерянной вещи известен (сюда могут быть отнесены случаи оставления вещей постояльцами в гостинице либо заказчиком в мастерской). Поэтому, если вещи оставлены в номерах гостиниц, в мастерских и т. д., когда собственник известен, они не могут быть *находкой*. Их возврат собственнику является обязанностью соответствующих организаций. Следовательно, присвоение таких вещей должно квалифицироваться как кража, а не присвоение найденного. Также, если лицо видело, как владелец обронил какие-то предметы, если в бумажнике были визитные карточки собственника с адресом, номером телефона, если были найдены предметы с документами владельца имущества, то присвоение данных вещей указывает на признаки противоправного завладения чужим имуществом, которые свойственны хищению. Для квалификации деяния *кража* должно иметь место осознание присваивающим лицом принадлежности вещи конкретному человеку и возможности возврата вещи собственнику. Если при утрате вещи законный владелец точно не знает о месте ее нахождения, то при оставлении оно ему достоверно известно. И эти обстоятельства должны определяться исходя из конкретных признаков внешней обстановки. Если происходит присвоение имущества в административных зданиях, отделениях банка и других публичных местах ограниченного пространства, то чаще всего в этих случаях предполагается, что внешние условия, обстановка, положение вещи свидетельствуют о том, что она не потеряна ее владельцем, а оставлена или забыта им [2].

Таким образом, случаи завладения вещью, забытой собственником в известном ему месте, например, в гостинице, каюте парохода, купе вагона, в здании учреждения, служат основанием для квалификации содеянного как *хищение*, т. к. виновный

осознавал возможность возвращения собственника за своей вещью. Т. е. кражей будет признаваться завладение проводником сумкой, оставленной в вагоне; завладение владельцем торговой точки имуществом, забытым покупателем в его магазине; присвоение домработницей кошелек, поднятого в квартире хозяина. Однако следует признать, что зачастую бывает крайне трудно определить, является ли вещь забытой или потерянной, потому как не всегда с достоверностью можно четко установить, знал ли владелец вещи, где он ее забыл. Ведь тот же владелец может с определенной степенью достоверности предполагать, что кошелек он уронил, проходя через мост (а не в магазине, гостинице и т. п. местах), когда доставал из кармана пачку сигарет. В этих случаях лица, присвоившие чужое имущество, нередко ссылаются на то, что нашли определенную вещь в «бесхозном состоянии» и не знали, вернется ли за ней собственник или нет, что вызывает трудности в доказывании субъективной стороны состава преступления, направленности умысла виновного именно на хищение чужого имущества. Однако менее судебной-следственной практика признает случаи завладения оставленным имуществом именно кражей.

Например, если кто-то присвоил кошелек, оставленный на столике в ресторане, ночном клубе, то это скорее всего будет квалифицироваться как хищение. Но если, к примеру, местом потери окажется парк или стадион, где проходили праздничные гуляния, то владельцу неизвестно, где конкретно искать оставленную вещь. Поэтому такие действия будут квалифицированы как присвоение найденного имущества. Следовательно, место утраты вещи является также немаловажным фактором при квалификации деяния [3, с. 76].

Как хищение правоприменители квалифицируют случаи, когда в забытых (потерянных) вещах находились паспорт, иные документы, идентифицирующие их владельца. Хищением будут признаваться и случаи, когда, например, камеры видеонаблюдения показывают, что нашедший явно понимает, что имущество принадлежит кому-то из находящихся рядом людей, однако скрывает факт «находки». Явно кражей будет присвоение карточки из банкомата, ведь за то время, пока банкомат «проглотит» остав-

ленную карту, ее владелец еще должен находиться в поле зрения окружающих.

В. А. Смирнов приводит примеры того, как были квалифицированы действия, связанные с завладением оставленного и забытого телефона. Так, гражданин М., находясь в помещении спортивного клуба и обнаружив в нише тренажера чужой сотовый телефон, подключенный к электросети через зарядное устройство, забрал его себе. В дальнейшем М. был осужден за кражу. В данной ситуации суд, вынося обвинительный приговор, разъяснил, что забытый потерпевшим в помещении спортивного клуба и подключенный к зарядному устройству, расположенному на тренажере, мобильный телефон находился в известном потерпевшему месте, и он имел возможность за ним вернуться, что и сделал примерно через два часа, после окончания тренировки. Осужденный, в свою очередь, не мог не осознавать, что владелец телефона вернется за забытой вещью, учитывая, что потерпевший забыл свой мобильный телефон в нише тренажера, в помещении спортивного клуба, посещение которого организовано исключительно для конкретных лиц, чьи анкетные данные зафиксированы в администрации учреждения. При этом в момент обнаружения телефона данный предмет был подключен к зарядному устройству. Тем не менее М. взял телефон себе, забрал его домой, где и был впоследствии задержан. Данные обстоятельства в совокупности с тем, что телефон с целью принятия вызовов от потенциального владельца М. не включал, каких-либо действий по возврату имущества не предпринимал, свидетельствуют об отсутствии у осужденного намерения вернуть этот предмет владельцу, и подтверждают тот факт, что принадлежащим потерпевшему имуществом осужденный завладел для собственного пользования, а не в интересах потерпевшего. В другой ситуации органы дознания справедливо не увидели признаков кражи в действиях К., который, работая барменом в ночном клубе и выполняя обход помещения после смены, обнаружил под одним из столиков выключенный (как оказалось, разряженный) мобильный телефон. Он забрал его домой, рассчитывая в дальнейшем отдать его собственнику, если тот к нему обратится при следующем визите. Затем при обращении к нему самостоятель-

но и без принуждения выдал указанный телефон. Итак, можно констатировать, что оценка произошедшего должна строиться на тщательном изучении обстоятельств, при которых имущество вышло из обладания собственника, каким образом эту ситуацию воспринимал приобретатель и какие действия осуществлялись им до, в момент, а также после произошедшего [4, с. 105].

В. В. Хилюта ссылается на дореволюционную практику квалификации присвоения найденного имущества. Считалось: чтобы признать вещь найденной, необходимо, чтобы между потерей вещи и ее находкой прошло более или менее продолжительное время, в течение которого законный владелец посчитал бы ее утерянной, и, кроме того, нашедший такую вещь не должен являться очевидцем потери этого имущества.

Также В. В. Хилюта приводит критерии, по которым следует относить имущество к забытому, а его присвоение квалифицировать как кражу:

1) имущество, забытое собственником, находилось в известном для него месте, собственник знал, где оставил имущество; у него имелась возможность вернуться за оставленным имуществом;

2) собственник предпринял конкретные действия по возвращению имущества: вернулся на место, где его оставил, либо сообщил по телефону владельцу помещения, транспорта, в диспетчерскую службу об оставленном имуществе;

3) виновный не мог не осознавать, что владелец имущества вернется за ним, учитывая обстоятельства его обнаружения (в помещении поликлиники, образовательного учреждения, налоговой инспекции, банка, железнодорожного вокзала, в магазине и т. п.);

4) у виновного имелась возможность сообщить представителю владельца помещения об обнаруженном имуществе, однако он этого не сделал;

5) виновный не подождал возвращения потерпевшего;

6) виновный имел реальную возможность вернуть имущество потерпевшему;

7) виновный мер для установления владельца имущества не предпринял;

8) имущество имело идентификационные признаки, которые позволяли установить его владельца (телефон, ноутбук и т. п.).

9) после завладения имуществом виновный забрал его в личное пользование (отключил мобильный телефон, вставил сим-карту, подарил и т. п.) [3, с. 78–79].

Анализируя вышесказанное, представляется логичным, что присвоение найденного незаблокированного мобильного телефона, доступ к экрану и основному меню которого не защищен паролем или идентификацией по отпечатку пальца, может признаваться кражей, ведь у нашедшего имеется реальная возможность связаться с владельцем через список его контактов. Однако на практике сотрудники правоохранительных органов данное деяние чаще трактуют как присвоение найденного. В связи с этим для унификации правоприменительной практики по данным вопросам требуется внесение дополнений в постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» от 21 декабря 2001 г. № 15 [5].

Таким образом, при определении признаков находки или кражи нужно учитывать субъективные и объективные признаки, которые будут подтверждать либо опровергать умысел лица на присвоение находки или же кражи чужого имущества. Если нашедший точно знает, кому принадлежит имущество и что собственник вещи может вернуться за ней, то в действиях этого лица будут усматриваться признаки хищения.

Преступления, связанные с незаконным завладением оставленными вещами, совершаются довольно часто. В 2019 г. в Минске по таким фактам возбуждено около 800 уголовных дел. В Бресте осенью 2019 г. в СМИ освещались два похожих уголовных дела. В обоих случаях подозреваемые полагали, что люди не вернутся за своими оставленными вещами. Так, кассир одного из супермаркетов в г. Бресте присвоила забытый покупателем кошелек. Имущество лежало возле расчетной кассы. Женщина взяла кошелек с деньгами (там было более 400 руб.) и спрятала его до конца смены. По камерам видеонаблюдения сотрудники уголовного розыска установили, кто причастен к краже. Технические средства наблюдения помогли милиции в тот же день разыскать кошелек с 540 руб., забытый покупательницей в ЦУМе на стеллажах. Оставленное без присмотра присвоила не-

работающая жительница г. Бреста. Оба случая по ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь были квалифицированы как кража [6].

Подобные случаи в последнее время все чаще освещаются в прессе. Так, СМИ упоминали об уголовном деле, возбужденном против парня, который присвоил женский рюкзак: владелице стало плохо, и она вышла из троллейбуса на улицу, не взяв с собой вещей. Ущерб составил 870 руб. Осужденный за кражу получил один год исправительных работ с удержанием 25 % заработка. В столице задержали таксиста, который забрал забытые пассажиркой сумку, телефон, документы и кошелек.

Вторым важным вопросом является отсутствие у граждан информации об ответственности за присвоение найденного (хотя следует отметить, что за последний год в СМИ появлялась информация об ответственности за присвоение найденных вещей). Однако такие сообщения размещаются в основном на сайтах правоохранительных органов, поэтому не были замечены основной массой пользователей.

В марте 2020 г. в г. Бресте нами было опрошено 100 студентов неюридических специальностей в возрасте от 18 до 20 лет. Был задан вопрос: «Как вы думаете, установлена ли ответственность за присвоение найденного на столике в кафе мобильного телефона?». Опрошенные ответили следующим образом:

а) нет никакой ответственности: нашел – беру себе (11 человек);

б) только гражданско-правовая ответственность: если найдут, что взял я, то нужно будет вернуть телефон или деньги за него (41 человек);

в) административно-правовая ответственность (35 человек);

г) уголовная ответственность (13 человек).

На вопрос «Как вы думаете, установлена ли ответственность за присвоение найденного на тротуаре кошелька с небольшой суммой денег?» опрошенные ответили следующим образом:

а) нет никакой ответственности: нашел – беру себе (19 человек);

б) только гражданско-правовая ответственность: если найдут, что взял я, то нужно будет вернуть (17 человек);

в) административно-правовая ответственность (48 человек);

г) уголовная ответственность (9 опрошенных).

Опрошенным студентам был задан и такой вопрос: «Как вы поступите, если найдете чужое имущество в общественном месте?». Ответы распределились так:

а) заберу себе (12 человек);

б) пройду мимо, так как не хочу тратить время, писать заявление, или вдруг вообще это мошенничество (45 человек);

в) сообщу о находке в дежурную часть отдела милиции (7 человек);

г) сообщу о находке администрации или охране (56 человек).

Итак, можно сделать вывод, что граждане не в полной мере владеют информацией о том, какая ответственность наступает за присвоение найденных вещей.

Заключение

Таким образом, при решении вопроса о квалификации деяний, заключающихся в присвоении найденного, нужно учитывать, помнит ли собственник имущества, где именно он его оставил или забыл. Завладение оставленными и забытыми вещами в месте, которое известно владельцу, будет квалифицировано как кража, что повлечет уголовную ответственность по ст. 205 УК Республики Беларусь. Завладение потерянными вещами (т. е. когда владелец не пом-

нит, где именно утеряти вещь) квалифицируется как присвоение найденного заведомо чужого имущества, что влечет административную ответственность по ст. 10.6 КоАП Республики Беларусь. Присвоение найденного имущества в особо крупном размере (более 1 000 базовых величин) влечет уголовную ответственность по ст. 215 УК Республики Беларусь. Не влечет ответственности завладение только одним видом имущества – брошенными вещами. Они не имеют хозяина, следовательно, если их забрать себе, никто не будет требовать восстановления своих прав на владение ими. В остальных случаях присвоение найденного чужого имущества влечет административную или уголовную ответственность.

Для унификации правоприменительной практики по данному вопросу требуется внесение дополнений в постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» от 21 декабря 2001 г. № 15.

Также был сделан вывод, что в обществе недостаточно распространена информация об ответственности за присвоение найденного имущества, поэтому необходимо шире производить разъяснительную работу среди трудовых и учебных коллективов, а также путем освещения данной темы в СМИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. За год в столице возбуждено 800 уголовных дел, когда люди забирали чужие потерянные или забытые вещи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/659745.html>. – Дата доступа: 10.02.2020.

2. Хилюта, В. В. Кража или присвоение найденного: основные критерии / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Хилюта, В. В. Забытое имущество и его характеристика в контексте установления признаков кражи и присвоения найденного / В. В. Хилюта // Синергия. – 2018. – № 2. – С. 74–84.

4. Смирнов, В. А. Присвоение найденного: некоторые проблемы, возникающие в практике судов и органов предварительного расследования / В. А. Смирнов // Сиб. юрид. вестн. – 2016. – № 4 (75). – С. 101–108.

5. Забытые кошельки, или Искушение искупается ответственностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brest.mvd.gov.by/ru/news/1167/>. – Дата доступа: 10.02.2020.

6. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Руканіс наступіў у рэдакцыю 13.03.2020

УДК 343.4

Віталій Владимирович Вабишевичаспірант 3 года обучения каф. уголовного права
Белорусского государственного университета**Vitali Vabishchevich**Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law
of Belarusian State University

e-mail: r999m@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ВИНЫ, ЦЕЛЕЙ И МОТИВОВ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ**

Рассматриваются вопросы криминализации общественно опасных деяний, направленных на посягательства на персональные данные. Акцентируется внимание на необходимости установления формы вины субъекта потенциальных преступных посягательств на персональные данные, а также целей и мотивов таких посягательств. Проведен анализ практики совершения незаконных действий с персональными данными, а также аналогия с иными преступлениями, которые имеют схожий объект правовой охраны. Сделан вывод о необходимости по общему правилу криминализировать умышленные посягательства на персональные данные. Отмечено, что неосторожная вина может быть установлена только в случае посягательств на наиболее чувствительные персональные данные. Цели и мотивы посягательств на персональные данные должны являться квалифицирующими признаками и основой для разграничения преступных деяний от правонарушений.

Features of the Content of Guilt, Goals and Motives of Attacks on Personal Data

The issues of criminalization of socially dangerous acts aimed at encroaching on personal data are considered. Attention is focused on the need to establish the form of guilt of the subject of potential criminal attacks on personal data, as well as the goals and motives of such attacks. The analysis of the practice of committing illegal actions with personal data, as well as the analogy with other crimes that have a similar object of legal protection. It is concluded that it is necessary to criminalize intentional attacks on personal data as a General rule. It is noted that careless guilt can be established only in the case of attacks on the most sensitive personal data. The purpose and motive of the attacks on personal data have to be aggravating circumstances and the basis for the distinction between criminal acts against infringement.

Введение

В эпоху цифровизации и повсеместного использования персональных данных во всех сферах жизнедеятельности особенно актуальным является выработка конкретных мер защиты персональных данных, а также обеспечение их правовой охраны, в том числе с точки зрения совершенствования Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь в части введения уголовной ответственности за преступные посягательства на персональные данные как на самостоятельный уголовно-правовой объект.

Вопрос целесообразности надлежащей уголовно-правовой охраны персональных данных, считаем, не вызывает сомнений. Тем

не менее одним из важнейших элементов, по которым определяется степень криминализации тех либо иных деяний, либо проводится разграничение между видом юридической ответственности за совершенные правонарушения, является субъективная сторона, которая охватывает психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и общественно опасным последствиям этого деяния. При этом следует согласиться с И. О. Грунтовым, который отмечает, что объективные признаки умышленного посягательства при формальной и материальной конструкции состава преступления должны конструироваться в законе таким образом, чтобы психическое и социально-психическое отношение субъекта этого поведения соответствовало законодательной модели умысла, предусмотренной ч. 2 ст. 24, ч. 2 и 3 ст. 22 УК Республики Беларусь [1].

Установление субъективной стороны необходимо рассматривать в контексте ре-

Научный руководитель – А. В. Шидловский, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета

лизации такого принципа уголовного закона и уголовной ответственности, как принцип субъективного вменения, предусмотренный в ст. 3 УК Республики Беларусь. Согласно данному принципу, лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается.

Таким образом, в рамках рассмотрения вопросов криминализации общественно опасных деяний, направленных на посягательства на персональные данные, необходимо определить форму вины субъекта преступных посягательств, цели и мотивы таких посягательств.

Настоящее исследование проведено путем анализа сложившейся практики совершения незаконных действий с персональными данными, а также на основании аналогии с иными составами преступлений, которые имеют схожий объект и субъект преступного посягательства. Полученные выводы могут быть использованы при формировании конкретных составов преступлений либо дополнении существующих в части указания на вину при совершении преступления, либо на цели и мотивы как квалифицирующие признаки.

Стоит отметить, что комплексно вопрос об уголовно-правовой охране персональных данных в Республике Беларусь в научной среде не рассматривается, хотя обсуждается отсутствие надлежащей юридической ответственности за посягательства на персональные данные отмечается.

В соответствии со ст. 21 УК Республики Беларусь под виной понимается психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности.

В субъективную сторону преступления как один из четырех элементов состава преступления также входят такие психологические признаки совершаемого деяния, как мотив и цель преступления, которые указывают на волевую направленность деяния.

А. В. Барков отмечает, что субъективная сторона преступления проявляет себя через объективную сторону преступления.

Поэтому изучение субъективной стороны и исследование наличия или отсутствия того или иного ее признака должны осуществляться на основе анализа признаков объективной стороны преступления [2]. Кроме того, указанный ученый говорит о существенном значении субъективной стороны для решения вопросов уголовной ответственности. Во-первых, с ее помощью отграничивают преступное поведение от не преступного. Во-вторых, с помощью субъективной стороны разграничиваются составы преступлений, которые имеют одинаковые по характеру признаки объективной стороны преступления. В-третьих, содержание субъективной стороны преступления указывает на степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Это учитывается при индивидуализации ответственности, избрании судом вида и размера наказания. Судебная практика исходит из необходимости тщательного исследования содержания и направленности умысла, выяснения действительных мотивов и целей преступления, четкого отграничения умышленных преступлений от совершенных по неосторожности.

Важной проблемой при рассмотрении вопросов криминализации посягательств на персональные данные в целом, а также определение субъективной стороны таких преступлений, является отсутствие в Республике Беларусь единого специализированного нормативного правового акта, регулирующего отношения, связанные с оборотом персональных данных. Регулирование оборота персональных данных осуществляется рядом нормативных правовых актов, которые не охватывают все значимые вопросы и имеют некоторые противоречия. В настоящее время ведется работа над проектом Закона «О персональных данных» (далее – проект закона) [3]. Как следствие, в УК Республики Беларусь отсутствуют специальные составы, имеющие в качестве непосредственного объекта защиту персональных данных. Сегодня количество правонарушений, совершаемых с использованием персональных данных, возрастает. При этом эти правонарушения могут быть направлены на конкретную личность, группу лиц, конкурента при осуществлении предпринимательской деятельности, национальной безопасности.

Действующие редакции статей УК Республики Беларусь, связанные с посягательством на персональные данные, не претерпели существенных изменений с 1999 г., т. е. с момента принятия уголовного закона. Закономерно, что ранее вопрос об информационной безопасности личности, общества и государства не стоял так остро, а посягательства на персональные данные не рассматривались как серьезные общественно опасные деяния, поскольку отсутствовали в таком количестве информационные источники накопления персональных данных, а также технологии, позволяющие их похищать и использовать в преступных целях. В то же время законодатель регламентировал уголовно-правовую охрану некоторых видов информации, находящейся в ограниченном доступе, и обеспечил им надлежащую уголовно-правовую охрану. Например, разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177), разглашение врачебной тайны (ст. 178), разглашение коммерческой тайны (ст. 255), нарушение тайны голосования (ст. 192), умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375 УК Республики Беларусь) и т. д.

По нашему мнению, наиболее ущемленными в правовой среде стали именно персональные данные, которые могут составлять любой из перечисленных выше видов охраняемой информации, однако не являются непосредственным объектом уголовно-правовой охраны.

Для рассмотрения вопросов о субъективной стороне под потенциальными посягательствами на персональные данные предлагаем понимать деяния, которые, исходя из положений проекта закона, зарубежного опыта, а также международно-правового регулирования, рассматриваются как правонарушения (далее – незаконный оборот персональных данных).

Так, в соответствии с проектом закона ответственность может наступать за принятие лицом, в том числе должностным, необходимых мер по защите персональных данных, хищение персональных данных с помощью специальных автоматизированных систем, незаконное изменение персональных данных, передачу персональных данных субъектам на территории иностранных государств, где не установлен надлежащий уровень их защиты [4]. Зарубежный

опыт показывает, что объективная сторона преступных посягательств на персональные данные может заключаться в обработке и использовании персональных данных для целей рекламного или маркетингового исследования в случае, когда субъект, которому принадлежат персональные данные, заранее возразил против этого; в нарушении, в том числе при ведении бизнеса, порядка обезличивания персональных данных и их передачи в анонимной форме, что повлекло возможность идентификации конкретных физических лиц; в сборе и передаче персональных данных, раскрывающих идеологию, религию, убеждения, здоровье, расовое происхождение или сексуальную ориентацию субъекта, или если жертва является несовершеннолетним или инвалидом; в нарушении срока хранения персональных данных и непринятии надлежащих мер предосторожности для защиты данных [5].

Незаконный оборот персональных данных, совершенный умышленно. В соответствии со ст. 22 УК Республики Беларусь преступлением, совершенным умышленно, признается общественно опасное деяние, совершаемое с прямым или косвенным умыслом.

Как правило, посягательства на персональные данные совершаются умышленно, как с прямым, так и косвенным умыслом. Проблемным вопросом может являться сознание общественного опасного поступка, поскольку в настоящее время конкретного исчерпывающего перечня персональных данных не существует. Кроме того, персональные данные всегда должны иметь признаки прямой либо косвенной идентификации личности, что является оценочным явлением и требует специального интеллектуального анализа и сопоставления информации. В связи с этим лицо не всегда может понимать, относится та либо иная информация к персональным данным. Усложняется этот процесс отсутствием единого нормативного правового акта в этой области, о чем было указано выше.

Степень сложности данного вопроса, очевидно, значительно ниже при совершении незаконного оборота персональных данных специальными субъектами, как правило, должностными лицами, которые ответственны за сбор персональных данных либо за ведение баз таких данных, включая государственные, и осведомлены о правилах

сбора персональных данных, подписывают соответствующие документы об ознакомлении с ответственностью за их нарушение. В качестве аналогии можно привести коммерческую тайну, когда в ст. 15 Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне» прямо указано об обязанности ознакомить всех работников с перечнем сведений, составляющих коммерческую тайну.

Незаконный оборот персональных данных имеет свои особенности, поскольку сами персональные данные, по нашему мнению, имеют разнообъектный характер, включающий посягательства на конституционные права, на информационную безопасность, личную свободу, честь и достоинство, порядок управления и осуществления власти. Данная характеристика влияет и на умысел при незаконном обороте персональных данных, например, в случае осуществления контроля со стороны родителей в отношении детей, просмотра их социальных сетей, когда родитель не воспринимал свои действия как общественно опасные [6]. Так, органы прокуратуры Беларуси заявили, что военкомат нарушил законодательство при публикации в газете личных данных «уклонистов» [7]. В связи с этим, считаем, крайне важно отношение правонарушителя к общественно опасным последствиям своего деяния, т. е. предполагаемый состав преступления о незаконном обороте персональных данных должен иметь материальный состав.

Согласно ст. 179 УК Республики Беларусь, наказываются незаконное собирание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вред правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Исходя из указанной диспозиции, полагаем, что незаконное собирание может быть совершено как с умыслом, так и по неосторожности. Важным является наличие вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего.

Для сравнения: в Российской Федерации, как указывают некоторые авторы, собирание и распространение информации о частной жизни может быть совершено только умышленно, что исключает проявление неосторожности [8, с. 403].

В статьях 177, 178, 203, 255, 373, 375 УК Республики Беларусь прямо предусмот-

рено, что уголовным признаются указанные там деяния, совершенные только умышленно. Многие из перечисленных выше статей имеют квалифицирующие признаки, а также указания на необходимость наличия определенных тяжких последствий либо причинения ущерба в крупном и особо крупном размерах. Как правило, умысел является определенным (конкретизированным) и заранее обдуманым.

Незаконный оборот персональных данных, совершенный по неосторожности

Согласно ст. 23 УК Республики Беларусь, преступлением, совершенным по неосторожности, признается общественно опасное деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. Как было указано ранее, полагаем, что содержание ст. 179 УК Республики Беларусь может подразумевать совершение противоправных деяний по неосторожности, но только если эти деяния повлекли причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Также ст. 374 УК Республики Беларусь преступлением признает разглашение государственной тайны по неосторожности. Такой подход законодателя в данной статье, по нашему мнению, вполне целесообразен, поскольку государственная тайна имеет крайне повышенную ценность и меры ее охраны должны быть максимально жесткими.

Таким образом, полагаем, что незаконный оборот персональных данных, по общему правилу, должен подлежать криминализации только в случае наличия умышленной вины у соответствующего субъекта, на что должно быть отдельное указание в самой диспозиции состава преступления.

При этом возможно рассмотреть подход о признании незаконного оборота персональных данных преступным, когда речь идет о совершении посягательства по неосторожности лицом, имеющим доступ к определенным видам наиболее чувствительных персональных данных, нарушения установленных правил обращения с ними.

Под наиболее чувствительными данными можно понимать биометрические либо генетические данные. Например, ответственное лицо передало по ошибке базу данных с отпечатками пальцев вместо другого, незначительного документа. На практике часто встречаются случаи неумышлен-

ной передачи ненадлежащих источников информации (например, перепутаны флеш-карты, диски и т. п.). Конструкция предполагаемой диспозиции связана с повышенной ответственностью определенных лиц в отношении наиболее важной информации персонального характера, поскольку даже легкомысленные или небрежные поступки приведут или могут привести к тяжким последствиям.

В состав субъективной стороны также входит мотив, т. е. то, что побудило лицо совершить преступление, а также цель – преступный результат, достичь которого стремилось такое лицо. Эти элементы крайне важны, поскольку они не только могут содержаться в самих диспозициях и являться линией разграничения преступного деяния от иных, но и в соответствии со ст. 62 УК Республики Беларусь влияют на степень индивидуализации уголовного наказания.

Профессор Т. И. Довнар отмечает, что «матыў злачынства амаль не ўплываў на ступень небяспекі і каральнасці, аднак у шэрагу артыкулаў заканадаўца звяртае ўвагу на яго як абцяжарваючыя або змягчаючыя адказнасць акалічнасці» [9, с. 143].

В качестве основного мотива незаконный оборот персональных данных осуществляется исходя из корыстных побуждений. Персональные данные являются основным ключом для осуществления хищения, как правило, денежных средств.

Нередко встречаются ситуации, когда незаконный оборот персональных данных вызван чувством ревности, желанием установить контроль над личностью, возможно, унижить человека (контроль за передвижениями, социальными сетями, владение данными об интимной жизни и т. п.). Зачастую незаконный оборот персональных данных совершается таким специальным видом субъектов, как компьютерные преступники, которые совершают посягательства на персональные данные с желанием показать свое превосходство, профессионализм и т. д. Такой мотив можно рассматривать хулиганским в случае, например, массовых атак на информационные системы, извлечения из них персональных данных и их всеобщей публичной огласке. Считаем, что в данной ситуации можно говорить о стремлении компьютерного преступника проявить явное неуважение к обществу и продемонстриро-

вать пренебрежение к общепринятым правилам общения.

Е. П. Ищенко выделяет следующие группы «компьютерных преступников»:

1) хакеры – лица, рассматривающие меры защиты информационных систем как личный вызов и взламывающие их с целью получения контроля за информацией независимо от ее ценности;

2) шпионы – лица, взламывающие защиту информационных систем для получения информации, которую можно использовать в целях политического влияния;

3) террористы – лица, взламывающие информационные системы для создания эффекта опасности, который можно использовать и в целях политического влияния;

4) корпоративные налетчики – служащие компании, взламывающие компьютеры конкурентов для экономического влияния;

5) воры – лица, вторгающиеся в информационные системы для получения личной выгоды;

6) вандалы – лица, взламывающие системы с целью их разрушения;

7) нарушители правил пользования ЭВМ, совершающие противоправные действия из-за недостаточного знания техники и порядка пользования информационными ресурсами;

8) лица с психическими аномалиями, страдающие новым видом заболеваний – информационными болезнями, или компьютерными фобиями [10, с. 726–727].

Еще одним мотивом может являться стремление подорвать доверие и авторитет власти. Например, номера телефонов, адреса и банковские данные более 400 немецких политиков, в том числе и личные данные канцлера Германии Ангелы Меркель, были опубликованы хакерами в сети [11]. В данном случае можно отметить, что специальным субъектом совершения подобного незаконного деяния являются журналисты.

Особое место в классификации занимают чувствительные персональные данные, незаконный оборот которыми может совершаться по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды и розни, политической или идеологической вражды. Например, эксперт по вопросам кибербезопасности и нормативно-правовой базы в сфере IT Виктор Дубров сообщил о трех убийствах граждан, персональные данные которых

были похищены и представлены как негодные потенциальным преступникам на известном украинском портале «Миротворец» [12].

Цель совершения преступления позволяет отграничить преступное деяние от непроступного, а также правильно квалифицировать те либо иные действия правонарушителя. Отсутствие доказательств целей совершения преступлений признает отсутствие общественной опасности совершенных деяний.

В результате анализа статей УК Республики Беларусь, содержащих цель как квалифицирующий признак, можно сделать вывод, что к основным видам целей совершения преступлений можно отнести следующие:

1) сокрытие другого преступления или облегчение его совершения (например, внесены изменения в персональные данные либо они удалены, не сохранены, обезличены и т. д.);

2) вызов агрессии одной страны против другой, провокация международных осложнений или войны (например, международный эксперт по вопросам информатики Д. Паркер считает, что на смену опасности возникновения ядерной катастрофы может прийти угроза развязывания войны, которая примет новые формы. Это будет борьба, направленная против стран, обладающих передовой технологией, в целях создания хаоса в информационных структурах и порождения экономической катастрофы [13, с. 3].);

3) получение трансплантата или использования его частей, либо изъятие органов или тканей для трансплантации;

4) утаивание или искажение информации о человеке, его местонахождении, передвижениях и т. д.

5) получение каких-либо выгод, не связанных с получением денежных средств;

6) возбуждение у индивидуально неопределенного круга лиц решимости совершить самоубийство;

7) трансграничная передача персональных данных иностранному субъекту;

8) воспрепятствование деятельности должностных лиц либо принуждение к изменению характера этой деятельности;

9) терроризирование;

10) шантаж (например, из судебной практики Российской Федерации можно

привести случай, когда пользователи социальной сети похищают персональные данные, а затем вымогают денежные средства или шантажируют потерпевших под угрозой распространения сведений личного характера [14, с. 145]);

11) искажение данных отчетности;

12) уклонение от воинской службы.

Как видно, целями совершения незаконного оборота персональных является широкий круг видов преступного результата, имеющих отношение ко многим составам преступлений, имеющих различные объекты уголовно-правовой охраны. Стоит отметить, что одним из видов квалифицирующих признаков является совершение определенных деяний в целях совершения иных преступлений.

Например, по ст. 294 УК Республики Беларусь преступным признается хищение огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (далее – хищение оружия). Часть 4 этой статьи квалифицирует совершение хищения оружия в целях совершения таких преступлений, как акт международного терроризма (ст. 126), геноцид (ст. 127), создание незаконного вооруженного формирования (ст. 287), захват заложника (ст. 291), диверсия (ст. 360).

Незаконный оборот персональных данных, как правило, совершается в определенных целях, поэтому считаем целесообразным его квалифицировать в зависимости от желания субъекта посягательства совершить то либо иное преступление (например, незаконный оборот персональных данных в целях вмешательства в деятельность сотрудника органов внутренних дел (ст. 365)).

Как справедливо отмечает А. В. Шидловский, социальная опасность существенно повышается там, где деяние имеет направленность на совершение другого социально опасного деяния. Следовательно, мотив и цель не только неразрывно связаны с деянием, но и могут влиять на уровень его общественной опасности [15, с. 34].

Также в практике встречаются такие целевые установки при совершении незаконного оборота персональных данных, как личные неприязненные отношения, желание умалить репутацию человека, нанести ему нравственные страдания, сформировать негативное отношение к потерпевшему со сто-

роны его близких. Одним из мотивов получения информации с ограниченным доступом С. В. Баринов называет необдуманное желание оказать помощь посторонним лицам [14, с. 147].

Кроме этого, необходимо отдельно рассматривать незаконный оборот персональных данных, если он не охватывается самостоятельным состав преступления, в качестве стадии приготовления к совершению любого преступления. Так, в соответствии со ст. 13 УК Республики Беларусь приготовлением к преступлению признается присвоение или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления.

Заключение

В результате анализа посягательств на персональные данные, а также субъективной стороны преступлений, предусмотренных УК Республики Беларусь и имею-

щих схожий уголовно-правовой объект, считаем необходимым по общему правилу криминализовать умышленные посягательства на персональные данные, т. е. совершенные с прямым либо косвенным умыслом, при наличии тяжких последствий либо причинения ущерба в крупном и особо крупном размерах. При этом неосторожная вина может быть установлена только в случае посягательств на наиболее чувствительные персональные данные и при условии, что субъект нарушил определенные правила обращения с ними.

Цели и мотивы посягательств на персональные данные должны являться квалифицирующими признаками и основой для разграничения преступных деяний от правонарушений. Криминализации может подлежать незаконный оборот персональных данных без последствий, однако в случае доказанной цели в совершении иного преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грунтов, И. О. К вопросу о содержании принципа личной виновной ответственности в уголовном законе / И. О. Грунтов // Совершенствования правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2013 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2013. – С. 32–35.
2. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Минск, 2007–2013. – Т. 3: П–С. – 2010. – С. 587–588.
3. Правовой форум Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum-pravo.by/forums/npa.aspx?forum=15&topic=10297/>. – Дата доступа: 01.02.2020.
4. Вабищевич, В. В. Общественно опасные посягательства на персональные данные как основание криминализации / В. В. Вабищевич // Право.by. – 2019. – № 1 (57). – С. 58–62.
5. Вабищевич, В. В. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны персональных данных / В. В. Вабищевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2019. – № 1. – С. 72–80.
6. В Чечерске мужчина влез в аккаунт дочери в соцсети – и теперь ему грозит пять лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/638687.html>. – Дата доступа: 04.04.2020.
7. Прокуратура: Военкомат нарушил закон при публикации в газете личных данных «уклонистов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/590846.html>. – Дата доступа: 04.04.2020.
8. Сапранкова, Т. Ю. Особенности субъективной стороны нарушения неприкосновенности частной жизни / Т. Ю. Сапранкова // Балт. гуманитар. журн. – 2016. – Т. 5, № 4 (17). – С. 403–406.
9. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. – Мінск, 2011. – 549 с.
10. Ищенко, Е. П. Криминалистика : учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков / под ред. Е. П. Ищенко. – М. : КОНТРАКТ : Инфра-М, 2006. – 784 с.
11. Хакеры выложили в сеть данные сотен немецких политиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/01/2019/5c2f174-69a794736a28c6-47f. – Дата доступа: 04.04.2020.

12. «Закон работает, и это – факт»: Роскомнадзор защитил 90 млн человек от кражи персональных данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inforeac-tor.ru/98875-zakon-rabotaet-i-eto-fakt-roskomnadzor-zashchitil-90-mln-chelovek-ot-krazhi-personalnyh-dannyh>. – Дата доступа: 03.04.2020.

13. Березюк, Л. П. Организационное обеспечение информационной безопасности : учеб. пособие / Л. П. Березюк. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. – 188 с.

14. Баринов, С. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступные нарушения неприкосновенности частной жизни / С. В. Баринов // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 1 (86). – С. 142–150.

15. Шидловский, А. В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси / А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2015. – 295 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.05.2020

УДК 343.9(476)

Андрей Здиславович Игнатюк¹, Станислав Станиславович Колёско²¹канд. юрид. наук, доц., доц. каф. конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь²магистр управления и права, зам. нач. учебно-методической части
факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь**Andrey Ignatyuk¹, Stanislav Kolioko²**¹Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Constitutional Law

of Academy of Management under the President of the Republic of Belarus

²Master of Management and Law, Deputy Head of the Educational and Methodological Unit
of Faculty of Internal Troops of the Military Academy of the Republic of Belaruse-mail: ¹a.ignaciuk1964@gmail.com; ²kolioko@yandex.by

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА МИГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Рассматриваются проблемы обеспечения административно-правового режима миграции иностранцев в Республике Беларусь. Характеризуются полномочия органов внутренних дел, раскрываются процедуры и производства, осуществляемые органами внутренних дел для обеспечения административно-правового режима миграции иностранцев. Показана роль органов внутренних дел в обеспечении административно-правового режима миграции иностранцев.

Powers of the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus to Ensure the Administrative and Legal Regime of Migration of Foreigners

The article discusses the problems of ensuring the administrative-legal regime for the migration of foreigners in the Republic of Belarus. The powers of the internal affairs bodies in this direction are characterized. The procedures and proceedings carried out by the internal affairs bodies to ensure the administrative-legal regime for the migration of foreigners are disclosed. The role of the internal affairs bodies in ensuring the administrative-legal regime for the migration of foreigners is shown.

Введение

Органы внутренних дел (далее – ОВД) наряду с органами пограничной службы и органами государственной безопасности обеспечивают административно-правовой режим миграции иностранцев в Республике Беларусь, выполняя при этом ведущую роль как орган государственного управления, реализующий государственную политику в сфере гражданства и миграции.

Эта деятельность осуществляется в рамках четко установленных законодательством полномочий.

Полномочия ОВД определяются прежде всего стоящими перед ними задачами. Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел», основными задачами ОВД являются:

1) защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностран-

ранцев, обеспечение их личной и имущественной безопасности;

2) защита прав и законных интересов организаций;

3) защита интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств;

3) охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

4) защита собственности от преступных и иных противоправных посягательств;

5) профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с их компетенцией;

6) участие в реализации государственной политики в области гражданства, миграции и регистра населения и др. [0, с. 2].

Полномочия ОВД по обеспечению административно-правового режима миграции иностранцев можно разделить на несколько групп в зависимости от их содержания:

- 1) полномочия по установлению и совершенствованию административно-правового режима миграции иностранцев;
- 2) надзорные и контрольные;
- 3) полномочия по применению мер принуждения;
- 4) полномочия на ведение административных производств, осуществление административных процедур.

Полномочия по установлению и совершенствованию административно-правового режима миграции иностранцев выражаются в нормотворчестве, обобщении практики применения законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам миграции, внесении предложений по совершенствованию правового регулирования миграции населения, а также по вопросам формирования государственной миграционной политики. Данные полномочия осуществляются в основном на уровне Министерства внутренних дел (далее – МВД) и его структурного подразделения – Департамента по гражданству и миграции. Возглавляя систему подразделений по гражданству и миграции, Департамент по гражданству и миграции аккумулирует весь опыт правоприменительной деятельности подчиненных подразделений, что позволяет ему вносить необходимые предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере. Кроме того, важное значение имеет нормотворчество в системе МВД: постановления, приказы, распоряжения организуют деятельность сотрудников ОВД, определяют порядок и процедуры реализации их полномочий [2].

Реализуя надзорные и контрольные полномочия, ОВД осуществляют наблюдение за миграционными процессами и миграционной ситуацией на территории Республики Беларусь, проверки законности въезда, пребывания, выезда, транзитного проезда иностранцев, осуществления ими трудовой деятельности, реализации товаров на рынках и т. п.; выявляют иностранцев, нарушивших требования миграционного законодательства; участвуют в пределах своей компетенции совместно с другими заинте-

ресованными структурами в мероприятиях по борьбе с незаконной миграцией; ведут соответствующий учет; осуществляют методическое и организационное руководство подчиненными подразделениями, контролируют их деятельность [2].

Наличие у сотрудников ОВД полномочий по применению мер принуждения позволяет своевременно и эффективно реагировать на выявленные в процессе надзора нарушения миграционного законодательства, предотвращать наступление негативных последствий, связанных с пребыванием иностранцев. ОВД имеют право отказать иностранцам во въезде в Республику Беларусь, в регистрации, в выдаче разрешения на временное проживание, в выдаче разрешения на постоянное проживание, сократить срок временного пребывания иностранцев, аннулировать разрешение на временное проживание, аннулировать разрешение на постоянное проживание, ограничить право на выезд из Республики Беларусь, пресекать правонарушения в миграционной сфере, задерживать, вести административный процесс, привлекать к административной ответственности, депортировать, высылать иностранцев за пределы Республики Беларусь и др. [2].

В области обеспечения административно-правового режима миграции иностранцев ОВД имеют полномочия на ведение административных производств:

- 1) по реализации законодательства о правовом положении иностранцев;
- 2) о вынужденной миграции;
- 3) о внешней трудовой миграции;
- 4) о гражданстве;
- 5) по применению мер принуждения.

При реализации законодательства о правовом положении иностранцев ОВД имеют полномочия на ведение административных производств по легализации иностранцев: осуществляют прием и рассмотрение заявлений о регистрации временно пребывающих иностранцев, продлении им срока временного пребывания, выдаче разрешений на временное проживание, выдаче разрешений на постоянное проживание.

При реализации законодательства о внешней трудовой миграции ОВД принимают и рассматривают заявления о выдаче специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь иностранцу, разрешения на привле-

чение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы, лицензии на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь.

Административными производствами в области гражданства, осуществляемыми ОВД, являются прием и рассмотрение заявлений о приеме в гражданство Республики Беларусь, о приобретении гражданства в порядке регистрации, о приобретении гражданства в соответствии с международными соглашениями, о приобретении гражданства по иным основаниям.

Полномочия ОВД в сфере вынужденной миграции заключаются в ведении административных производств по предоставлению статуса беженца, дополнительной защиты, убежища, временной защиты.

Если в предоставлении убежища и временной защиты роль ОВД заключается в приеме заявлений, выдаче соответствующих справок и документов, а решения принимаются соответственно Президентом Республики Беларусь и Советом Министров Республики Беларусь, то предоставление иностранцам статуса беженца и дополнительной защиты находится полностью в компетенции ОВД: от приема ходатайства о предоставлении статуса беженца и дополнительной защиты до принятия окончательного решения и определения правового статуса (принятие решения о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты, выдача разрешений на временное либо постоянное проживание, выдача соответствующих документов: удостоверения беженца, свидетельства о предоставлении дополнительной защиты, вида на жительство, разрешения на временное проживание, регистрации по месту жительства).

Сотрудники ОВД принимают ходатайства о защите как от законно находящихся в Республике Беларусь, так и незаконно пребывающих на территории Республики Беларусь иностранцев.

Рассмотрение ходатайства о защите происходит в рамках единой процедуры и включает ряд этапов: идентификация личности иностранца, ходатайствующего о защите; учет иностранцев, ходатайствующих о защите; распределение иностранцев, ходатайствующих о защите, по территории Республики Беларусь; проведение собеседования, регистрация ходатайства о защите

и выдача свидетельства о регистрации ходатайства; прохождение иностранцем, ходатайствующим о защите, обязательной государственной дактилоскопической регистрации и обязательного медицинского освидетельствования; рассмотрение ходатайства о защите в управлении по гражданству и миграции ГУВД Мингорисполкома или управлениях по гражданству и миграции УВД облисполкомов и подготовка заключения; рассмотрение ходатайства о защите в Департаменте по гражданству и миграции и принятие решения [3].

В ходе рассмотрения ходатайства о защите в первую очередь устанавливается наличие оснований для предоставления статуса беженца. При невозможности предоставления статуса беженца устанавливается наличие оснований для предоставления иностранцу дополнительной защиты.

Решение о предоставлении либо об отказе в предоставлении статуса беженца и (или) дополнительной защиты принимается начальником Департамента по гражданству и миграции на основании материалов дела с учетом заключения управления по гражданству и миграции и информации органов государственной безопасности об отсутствии оснований, исключающих предоставление защиты.

После предоставления статуса беженца иностранцу выдается удостоверение беженца, разрешение на временное или постоянное проживание, вид на жительство (для постоянно проживающих). Иностранцу, которому предоставлена дополнительная защита, выдается соответствующее свидетельство и разрешение на временное проживание сроком до одного года.

Административными производствами в сфере внешней трудовой миграции являются: выдача лицензий на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь; легализация трудовой деятельности иностранцев, включающая выдачу специального разрешения на право занятия иностранцами трудовой деятельностью в Республике Беларусь и разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы.

Лицензирование деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, направлено прежде всего на защиту прав граждан и иностран-

цев, постоянно проживающих в Республике Беларусь, выезжающих за ее пределы для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности. Данная деятельность осуществляется юридическими лицами Республики Беларусь и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в Республике Беларусь, соответствующими предъявляемым лицензионным требованиям и условиям. Для получения лицензии юридические лица и индивидуальные предприниматели подают в МВД заявление и соответствующие документы [4, гл. 27]. По итогам рассмотрения заявления МВД принимается решение о выдаче либо отказе в выдаче лицензии на осуществления данной деятельности.

Специальное разрешение на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь выдается иностранцу, не имеющему разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, по ходатайству нанимателя Республики Беларусь. При осуществлении трудовой деятельности у нескольких нанимателей Республики Беларусь иностранцы, не имеющие разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь, обязаны получить специальное разрешение для работы у каждого из них. Специальное разрешение выдается иностранцу управлением по гражданству и миграции по заявлению нанимателя Республики Беларусь либо его представителя. Заявление о выдаче специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь подается в управление по гражданству и миграции с приложением необходимых документов [5, п. 16.7].

Для использования труда иностранцев, не имеющих разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь, в количестве, превышающем десять человек, наниматель Республики Беларусь обязан получить разрешение на привлечение иностранной рабочей силы. Такое разрешение выдается Департаментом по гражданству и миграции при наличии заключения о возможности привлечения в Республику Беларусь иностранцев для осуществления трудовой деятельности на ее территории комитета по труду, занятости и социальной защите областных, Минского городского исполнительных комитетов.

Для получения заключения о возможности привлечения в Республику Беларусь иностранцев для осуществления трудовой деятельности на ее территории Департамент по гражданству и миграции направляет запрос в орган по труду, занятости и социальной защите по месту государственной регистрации нанимателя Республики Беларусь с указанием места осуществления трудовой деятельности иностранцев. Для получения разрешения наниматель Республики Беларусь либо его представитель подает в Департамент по гражданству и миграции заявление о выдаче разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы, а также другие документы в соответствии с законодательством об административных процедурах [6; 5, п. 16.9].

ОВД обладают полномочиями на ведение административных производств по приему и рассмотрению заявлений о приобретении и прекращении гражданства Республики Беларусь. Вопросы гражданства тесно сопрягаются с вопросами государственного суверенитета, национальной безопасности и даже с вопросами понятия государства. Ни одно государство не может быть признано самостоятельным, суверенным, если оно не имеет своих граждан.

В сфере гражданства ОВД имеют следующие полномочия: принимать заявления по всем основаниям приобретения гражданства у иностранцев, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь (прием в гражданство, приобретение гражданства в порядке регистрации, приобретение гражданства в соответствии с международными договорами и др.); рассматривать и принимать решения по заявлениям о приобретении гражданства Республики Беларусь в порядке регистрации, приобретении гражданства Республики Беларусь детьми при усыновлении, об изменении гражданства Республики Беларусь по основаниям, предусмотренным международными договорами Республики Беларусь; определять принадлежность к гражданству Республики Беларусь лиц, постоянно проживающих в Республике Беларусь [7, с. 31].

Вышеназванные административные производства имеют и схожие этапы: прием заявления и соответствующих документов, рассмотрение, принятие решения и выдача соответствующего документа.

Административные производства административно-регулятивного процесса, в свою очередь, включают соответствующие административные процедуры. Только административные производства в области гражданства не содержат административных процедур, так как вопросы гражданства Республики Беларусь не включены в перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [8]. Порядок рассмотрения таких заявлений определяется Положением о порядке рассмотрения вопросов, связанных с гражданством Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 1994 г. № 209. Это связано с невозможностью применения типизированных подходов к заявлениям о гражданстве, поскольку основания для приобретения гражданства, процедуры рассмотрения, органы, принимающие участие в их рассмотрении, разные.

ОВД в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 200 осуществляют следующие административные процедуры: регистрация иностранцев, временно пребывающих в Республике Беларусь; продление срока временного пребывания (регистрации) иностранцев в Республике Беларусь; выдача и обмен иностранцу вида на жительство, удостоверения беженца, проездного документа, свидетельства о регистрации ходатайства о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, справки о регистрации заявления о предоставлении убежища в Республике Беларусь, свидетельства о предоставлении дополнительной защиты в Республике Беларусь; выдача иностранцу разрешения на временное проживание в Республике Беларусь, разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, специального разрешения на право осуществления разовой реализации товаров на рынках и в иных местах иностранцу, временно пребывающему либо временно проживающему в Республике Беларусь; выдача визы для выезда из Республики Беларусь, визы для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь, многократной визы для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь иностранцу, временно или постоянно проживающему

в Республике Беларусь; выдача документа о приглашении иностранца в Республику Беларусь; выдача справки о приеме документов для получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь; выдача специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь; продление срока действия специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь иностранцу; выдача дубликата специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь иностранцу; выдача гражданину Республики Беларусь документа о приглашении иностранца в Республику Беларусь; выдача разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы; выдача дубликата разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы; продление срока действия разрешения на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы; регистрация по месту жительства иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь; регистрация по месту пребывания иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь; снятие иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь, с регистрационного учета по месту пребывания и др. [8].

Вышеуказанные административные процедуры в зависимости от характера предпринимаемых действий и их результатов можно классифицировать следующим образом: административные процедуры по легализации иностранцев в Республике Беларусь (регистрация временно пребывающих иностранцев, выдача разрешений на временное или на постоянное проживание и т. п.); административные процедуры по документированию иностранцев (выдача вида на жительство, удостоверения беженца, свидетельства о регистрации ходатайства о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь и т. п.); административные процедуры, направленные на реализацию отдельных прав и обязанностей иностранцев (выдача специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь иностранцу, проездного документа, специального разрешения на право осуществления разовой реализации товаров на рынках

и в иных местах иностранцу, временно пребывающему либо временно проживающему в Республике Беларусь, выдача визы на выезд из Республики Беларусь и т. п.).

Административные процедуры представляют собой действия ОВД, направленные на реализацию прав и выполнение обязанностей иностранцами. В то же время они могут являться частью определенного административного производства.

Например, административное производство, связанное с получением иностранцем статуса постоянно проживающего в связи с заключением брака с гражданином Республики Беларусь включает систему взаимосвязанных административных процедур: регистрация временно пребывающего иностранца; выдача разрешения на постоянное проживание (включает, в свою очередь, этапы: подачи заявления и соответствующих документов, рассмотрения заявления и представленных документов, проверки по имеющимся учетам, получения ОВД документов и (или) сведений, подтверждающих, что брак с гражданином Республики Беларусь заключен иностранцем исключительно в целях получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, вынесения решения (как о выдаче разрешения, так и об отказе в выдаче разрешения при наличии оснований)), выдача вида на жительство, регистрация по месту жительства.

Заключение

Для обеспечения административно-правового режима миграции иностранцев ОВД наделены полномочиями по установлению режима (нормотворчество); на веде-

ние административных производств и осуществление административных процедур; надзорными и контрольными; по применению мер принуждения.

ОВД осуществляют административные производства по реализации законодательства о правовом положении иностранцев; по реализации законодательства о вынужденной миграции; по реализации законодательства о внешней трудовой миграции; по реализации законодательства о гражданстве; по применению мер принуждения.

Административные процедуры, осуществляемые ОВД по обеспечению административно-правового режима миграции иностранцев, можно разделить на следующие группы.

1. Легализация иностранцев в Республике Беларусь (регистрация временно пребывающих иностранцев, выдача разрешения на временное или на постоянное проживание и т. п.).

2. Выдача и обмен документов, удостоверяющих личность (вида на жительство, удостоверения беженца, свидетельства о регистрации ходатайства о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь и т. п.).

3. Реализация отдельных прав и обязанностей иностранцев (выдача специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь иностранцу, проездного документа, специального разрешения на право осуществления розовой реализации товаров на рынках и в иных местах иностранцу, временно пребывающему либо временно проживающему в Республике Беларусь, выдача визы на выезд из Республики Беларусь и т. п.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г., № 231-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Козелецкий, И. В. Полномочия органов внутренних дел в области обеспечения административно-правового режима миграции иностранцев в Республике Беларусь / И. В. Козелецкий, А. И. Федорако // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – 2015. – Вып. 10. – С. 260–268.

3. Федорако, А. И. Правовое регулирование вынужденной миграции в Республике Беларусь / А. И. Федорако // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 2. – С. 3–10.

4. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 : в ред. от 31.12.2019 г., № 499 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Об утверждении Единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 г., № 193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2012 г., № 156 : в ред. постановления от 24 апр. 2020 г., № 254 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-3 : в ред. от 24.12.2015 г. : с изм. от 20 июля 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : в ред. от 30 декабря 2019 г., № 492 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.07.2020

УДК 343.6

Ирина Анатольевна Заранка
ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
Irina Zaranka
Senior Lecturer of Criminal Law Disciplines Department
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: irina_zaranka@mail.ru

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: К УТОЧНЕНИЮ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ

Данное преступление обладает высокой степенью общественной опасности, а также тяжестью, несмотря на то, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь оно относится к привилегированному составу преступления. Изучение результатов доктринальных исследований в рассматриваемой области, а также анализ нормативного и эмпирического материала позволили определить объект и субъект исследуемого преступления, охарактеризовать правила их квалификации с учетом тех сложностей, которые возникают в правоприменительной деятельности. В целях обеспечения единообразного толкования и применения статьи 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство для уточнения самого субъекта преступления и его возраста.

Killing of a Newborn Child by its Mother: Clarification of the Subject of Crime and Qualification Issues

The article discusses current issues related to the killing of a newborn baby by its mother. This crime has a high degree of public danger, as well as severity, despite the fact that in the Criminal Code of the Republic of Belarus it refers to the privileged corpus delicti. The study of the results of doctrinal investigations in the field under consideration, as well as the analysis of normative and empirical material made it possible to determine the object and subject of the crime under investigation, to characterize the rules for their qualification, including taking into account the difficulties that arise in law enforcement. In order to ensure a unified interpretation and application of Art. 140 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, the article substantiates the need for amendments and additions to the criminal law to clarify the subject of the crime and its age.

Введение

Каждый человек имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Эти положения зафиксированы в ст. 24 Конституции Республики Беларусь. Однако статистические данные о состоянии преступности за последние несколько лет свидетельствуют о том, что удельный вес преступлений против личности неуклонно растет. Среди всех преступлений против личности наибольшей опасностью обладает, естественно, убийство. Оно посягает на жизнь человека – благо, которое принадлежит человеку от рождения и дается ему только один раз. Право каждого человека на жизнь гарантируется в равном объеме независимо от возраста, пола, расы и других обстоятельств. Эффективное обеспечение безопасности личности невозможно без охраны жизни человека. Жизнь человека – важнейшая абсолютная ценность, особая роль в охране ко-

торой принадлежит уголовному законодательству. Многочисленные вопросы, возникающие при квалификации убийств, а также его отдельных видов являются следствием многообразия ситуаций совершения этих посягательств на жизнь человека и сложности признаков, которые приходится учитывать. Так, одним из видов убийства, закрепленном в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь, является убийство матерью новорожденного ребенка.

В соответствии со ст. 140 УК Республики Беларусь наказуемо убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами [1].

Состояние данного вида преступления демонстрируют следующие данные официальной статистики информационного центра УВД Брестского облисполкома. Так, за период 2009 г. – 9 месяцев 2019 г. число

зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 140 УК Республики Беларусь, составляет: в Брестской, Гомельской, Минской областях – по 1, в Могилевской области – 2, в других областях Беларуси фактов совершения данного преступления не зарегистрировано.

Говоря о привилегированном составе убийства, можно сказать, что ранее такое убийство расценивалось как «простое», т. е. убийство без смягчающих обстоятельств, и квалифицировалось по ст. 101 УК БССР 1960 г. В действующем УК Республики Беларусь такое убийство отнесено к убийству при смягчающих обстоятельствах. Причина заключается в том, что беременность (особенно нежелательная) и физиологические роды оказывают неблагоприятное воздействие на психику женщины, она переживает сильнейшее физическое и психическое потрясение. Это такое патологическое состояние роженицы при совершении убийства своего новорожденного ребенка, которое не исключает вменяемости, но дает основание рассматривать его как убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах. Такое состояние женщины не исключает ее ответственности, но свидетельствует о меньшей опасности ее личности.

Исследование проблемы потерпевшего имеет большее значение для квалификации преступления. Так, потерпевшим является новорожденный ребенок. Как справедливо отмечают некоторые авторы, начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом родов при беременности свыше 22 недель. При таком сроке беременности плод уже способен к внеутробной жизни. Уничтожение плода при сроке беременности до 22 недель или умерщвление ребенка в утробе матери при беременности свыше 22 недель до начала родов можно рассматривать при определенных условиях как незаконное производство аборта (ст. 156 УК Республики Беларусь) [4, с. 54].

В научной литературе момент начала родов понимается по-разному. Так, И. Грунтов и И. Кот возникновение этого процесса связывают со временем прорезывания головки ребенка [6, с. 28]. По мнению Н. И. Загородникова, это явление совпадает «с началом родовых схваток, хотя бы ни одна часть тела рождающегося не находилась вне утробы матери» [4, с. 55].

Второй подход, на наш взгляд, более убедителен и логичен. Данную проблему рассматривали многие авторы (И. И. Горелик, И. О. Грунтов). Как отмечает, например, И. И. Горелик, такое видение проблемы соответствует цели – всемерной охране жизни человека. Начало родовых схваток, считает Н. И. Загородников, «свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов). Хотя в такой момент ребенок может быть еще и невидимым, однако состояние матери, выделение околоплодных веществ и другие признаки с несомненностью говорят о том, что человек уже начинает свою самостоятельную жизнь» [4, с. 55]. Такое убийство совершается как активными действиями (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку, удушение его после отделения от тела матери), так и бездействием (отказ матери кормить ребенка).

В рамках данного вопроса необходимо рассмотреть объективную сторону преступления. Для правильной квалификации преступления необходимо четко определить, что понимается под временем совершения преступления, каков этот период. Так, обязательным признаком объективной стороны является время совершения преступления: во время родов или непосредственно после них. В первой ситуации происходит убийство ребенка в период времени с начала родовых схваток (при беременности свыше 22 недель) и до момента его рождения; во второй – после полного отделения ребенка от тела матери, начала самостоятельной жизни новорожденного. При этом общественно опасное последствие должно находиться в причинной связи с деянием матери. Умерщвление ребенка квалифицируется по ст. 140 УК Республики Беларусь, если такое деяние произошло непосредственно после родов, т. е. прямо следовало после его рождения. Если убийство прямо не следовало после окончания родов и имеет место разрыв во времени, все содеянное при соответствующих условиях квалифицируется по ст. 139 УК Республики Беларусь.

Есть разные точки зрения на понятие «непосредственно после родов». Так, Н. И. Загородников под этим отрезком времени понимает сутки с момента рождения ребенка.

Другие авторы, такие как И. Грунтов, И. Кот, считают что установление какого-то заранее определенного срока является неприемлемым и предполагают определять этот срок в каждом конкретном случае. По мнению А. Н. Попова, промежуток времени «непосредственно после родов» – это отрезок времени после рождения ребенка и до отделения плаценты (детского места) [9, с. 7]. На наш взгляд, более приемлемое решение этого вопроса предложено А. Н. Поповым. Он считает, что период «непосредственно после родов» не может быть значительно отдален от времени родов; он должен быть конкретным для всех ситуаций, иначе это может породить различия в квалификации и ответственности виновных лиц; он не должен относиться к предшествующему родовому периоду. По его мнению, термин «сразу после родов» следует понимать как промежуток времени, совпадающий с ранним послеродовым периодом, – от 2 до 4 часов после изгнания последа [10, с. 131]. Такое понимание этого явления, во-первых, учитывает сложившееся положение в медицинской практике (2–4 часа после родов в медицине называют ранним послеродовым периодом), во-вторых, не противоречит ст. 140 УК Республики Беларусь, поскольку такой отрезок времени не является длительным и непосредственно без какого-либо разрыва следует за родами. Этот промежуток не ограничен определенными временными рамками, они должны определяться реально к каждому конкретному делу [7, с. 307].

Согласно ст. 140 УК Республики Беларусь убийство матерью своего ребенка происходит не просто во время родов или непосредственно после них, а в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. В подобном случае закон говорит о необычной обстановке совершения преступления.

Отдельно следует указать, что обязательным для квалификации по данной статье является установление наличия психотравмирующей ситуации, т. е. фактов негативного воздействия на психику роженицы. Говоря о психотравмирующей ситуации, можно сказать, что это продолжительная ситуация, характеризующаяся комплексным воздействием психотравмирующих факторов. К примеру, психотравмирующей ситуацией могут быть признаны: отказ отца ребенка

признать его своим, его же отказ от оказания помощи, отказ зарегистрировать брачные отношения, травля женщины родственниками перед появлением ребенка вне брака, получение известия о гибели отца ребенка, длительное беспокойное поведение новорожденного и т. п. Воздействие указанных обстоятельств на психику женщины должно быть травмирующим, т. е. вызывать у потерпевшей психические мучения, глубокие эмоциональные переживания отрицательного характера, чувство обиды, стыда, страха, ненависти и т. п. При отсутствии таких переживаний независимо от наличия объективных обстоятельств применение ст. 140 УК Республики Беларусь недопустимо.

В Общей части ст. 31 УК Республики Беларусь понятие «психотравмирующая ситуация» используется при характеристике повода возникновения особого психического состояния виновного: сильного душевного волнения (аффекта), когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими. Представляется, что и применительно к ст. 140 УК Республики Беларусь необходимо рассматривать «психотравмирующую ситуацию, вызванную родами» как причину возникновения особого психического состояния роженицы, когда она не могла в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими. Следует сказать, что для определения ситуации как психотравмирующей необходимо выделить два основных момента:

- 1) наличие неблагоприятных для женщины обстоятельств, вызванных родами (объективный фактор);
- 2) восприятие самой женщиной этих обстоятельств как психотравмирующих (субъективный фактор) [3].

Хотелось бы подчеркнуть, что вызванная родами психотравмирующая ситуация должна пониматься двояко с точки зрения как внутренних, так и внешних изменений. Во-первых, речь должна идти о психофизиологических изменениях, которые происходят в организме женщины в силу самого по себе состояния беременности и самого себе процесса родов. В этот период женщина испытывает трудно переносимые сильные болезненные психические и физические страдания, особенно в процессе родов. Во-вторых, речь должна идти о внешних условиях жизни самой женщины, о тех условиях,

которые непосредственно связаны с самим фактом рождения ребенка, т. е. об описанных выше объективно неблагоприятных факторах.

Можно утверждать, что только при одновременном наличии этих всех обязательных признаков состава содеянное может быть квалифицировано как убийство при смягчающих обстоятельствах. Поэтому убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них, но при отсутствии психотравмирующей ситуации не может быть квалифицировано по ст. 140 УК Республики Беларусь. В этом случае содеянное квалифицируется по ст. 139 УК Республики Беларусь как убийство без этого смягчающего обстоятельства.

Можно привести пример из судебной практики. Так, 18 октября 2012 г. примерно в 10 часов несовершеннолетняя Л. по месту жительства, скрыв свою беременность, родила доношенную жизнеспособную дочь весом 3 450 г. Затем, чтобы скрыть факт ее рождения, после родов с целью умышленного противоправного лишения жизни новорожденного ребенка сдавила ее органы шеи петлей из куска простыни, вследствие чего ребенок скончался на месте от механической асфиксии. После этого Л. завернула труп ребенка в кусок простыни, положила в полиэтиленовый пакет и на следующий день 19 октября 2012 г. около 16 часов выбросила его в мусоросборник [5, л. д. 262]. По заключению судебно-медицинского эксперта роды у Л. произошли за 5–7 суток до проведения экспертизы (она находилась в послеродовом периоде). Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза установила, что Л. не страдала ранее и не страдает в настоящее время каким-либо психическим заболеванием, является психически здоровым лицом, поэтому могла сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В период совершения инкриминируемого ей деяния признаков временного расстройства психики не обнаружено. Могла в достаточно полной мере сознавать значение своих действий и руководить ими, в отношении содеянного ее следует считать вменяемой, в том числе она не подпадает под действие ст. 29 УК Республики Беларусь об уменьшенной вменяемости. Во время родов и непосредственно после них Л.

в условиях психотравмирующей ситуации не находилась [5, л. д. 264]. Л. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь, т. е. убийство заведомо малолетнего, т. к. отсутствовала психотравмирующая ситуация. С точки зрения национального уголовного законодательства убийство матерью двух и более новорожденных близнецов при всех обязательных признаках рассматриваемого состава убийства также квалифицируется по ст. 140 УК, а не по п. 1 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь как убийство двух и более лиц.

Еще одним обязательным признаком данного состава преступления является субъективная сторона преступления, которая характеризуется умышленной виной, при этом умысел может быть как прямой, так и косвенный. Нужно подчеркнуть, что момент возникновения умысла не влияет на квалификацию содеянного. Здесь важно, чтобы его реализация произошла во время родов или непосредственно после них, а не раньше или позже этого. Мотивы и цели умерщвления ребенка значения для квалификации по ст. 140 УК Республики Беларусь не имеют. В ст. 140 УК предусматривается ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах. В этой связи не исключается ответственность по этой статье, если детоубийство совершено при квалифицирующих признаках, предусмотренных пунктами 1, 5 и 6 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. В том случае когда в преступном поведении роженицы можно заподозрить болезненность, ограничивающую самоконтроль и самооценку, следует назначать судебно-психиатрическую экспертизу, порядок назначения и проведения которой предусмотрен гл. 26 УПК Республики Беларусь [8, с. 5]. Прежде всего, основная задача этой экспертизы – дать обоснованный и четкий ответ на вопрос, находилась ли роженица во время совершения преступления в болезненном состоянии психики? Если состояние будет определено как болезненное, то необходимо определить его характер и его особенности: является оно хроническим, временным, каким-либо иным или же слабоумием. Кроме того, необходимо установить, в какой степени болезнь определяла поведение роженицы. Акцентируя внимание на состоянии женщины применительно

к ст. 140 УК Республики Беларусь, можно сказать, что речь идет о болезненном нарушении психики, которое не полностью ограничивает способность роженицы сознавать свои действия и руководить ими. Иными словами, нарушение психической деятельности проявляется в искажении работы головного мозга, позволяющем частично понимать свои поступки и руководить ими. Нет нарушения мышления, сознания, восприятия, хотя последнее может быть ограничено, например, у людей с недостатками зрения или слуха. Мышление не искажено, но обеднено, примитивно, с мерцающей активностью, поэтому не исключены проявления особо актуальных пунктов в виде навязчивых страхов, идей, желаний. Помимо этого, могут наблюдаться искажения волевого контроля за своими поступками (усиление или ослабление). Подобные болезненные нарушения психической деятельности возможно определить как хронические, например психопатии (дисгармония личности, конверсивные расстройства), последствия различных поражений головного мозга и т. д.

Как справедливо отмечается в научной литературе, временные расстройства эмоционально-волевой деятельности головного мозга в результате психологических травм и воздействия истощающих факторов определяются как нарушения адаптации, реактивные состояния, психические расстройства, страхи и навязчивость (фобии, обсессии). Слабоумие, такие его варианты, как имбецильность (форма врожденного недоразвития), выраженная дебильность, фактически исключают способность рожениц сознавать свои поступки и руководить ими. Действия, совершенные при ограничении способности сознавать и контролировать свои поступки в результате болезненного состояния головного мозга, должны оцениваться как совершенные в состоянии уменьшенной вменяемости. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для определения такого состояния необходимо использовать экспертов – психиатров и психологов. При этом следует назначать комплексную судебно-психолого-психиатрическую экспертизу с целью получить от экспертов ответы на вопросы: были ли у роженицы болезненные расстройства в момент преступления, какого они характера и длительности; явля-

лось ли деяние роженицы результатом болезни; в какой мере при совершении этого деяния могла она сознавать и руководить своими поступками; знала ли до беременности о проблемах своего здоровья и поведения; предполагала ли о том, что ее личность может представлять угрозу для будущего ребенка или окружающих; почему не принимала меры для добровольного лечения и коррекции своего поведения [10, с. 132].

Мать, убивающая своего ребенка во время родов или непосредственно после них, может находиться в психическом состоянии, вызванном родами, которое исключает способность сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния или руководить им. Полностью сознавать свои поступки и руководить ими чаще всего невозможно, если обнаруживается нарушение: восприятия в виде иллюзий, галлюцинаций; мышления в виде бреда, автоматизмов, псевдогаллюцинаций; сознания (когда роженица неправильно оценивает окружающее и нарушено мышление). Помимо этого, возможны различные комбинации перечисленных нарушений психической деятельности. Некоторые авторы считают, что хронические заболевания психики сглаживаются и компенсируются при беременности, родах и в начале послеродового периода. К таким хроническим болезненным состояниям психики относятся: шизофренический процесс (хроническое бредовое расстройство); эпилептические расстройства (компульсивные, пароксизмальные); необратимые воздействия на головной мозг в прошлом (травмы, кровоизлияния, инфекции, инородные тела, поражение простейшими организмами) и т. п. Если обнаруживается хроническое психическое расстройство, надо решать вопрос о принудительных мерах безопасности и лечения, необходимость и целесообразность которых также должны обосновать эксперты. Кратковременное нарушение психики, исключаящее способность роженицы сознавать свои поступки и руководить ими, встречается редко. Болезненные нарушения психики, определяемые как «иные болезненные состояния», не встречаются у рожениц вовсе, однако довольно часто имеют место в послеродовом периоде. Называются они послеродовым психозом.

Отдельно следует упомянуть и о субъекте данного преступления. Субъект преступления – специальный: только мать новорожденного ребенка, достигшая 16-летнего возраста. Это означает, что совершение такого деяния – убийства лицом в возрасте от 14 до 16 не влечет уголовной ответственности. Не может быть применена в этом случае и ст. 139 УК Республики Беларусь. Также субъектом может выступать и суррогатная мать, но не генетическая мать – женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой.

В соответствии со ст. 51 КоБС Республики Беларусь происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения, удостоверенного медицинской справкой о рождении, т. е. матерью является женщина, которая родила ребенка. При отсутствии медицинской справки о рождении происхождение ребенка от матери может быть установлено на основании решения суда об установлении факта рождения или решения суда об установлении материнства. Женщина, родившая ребенка, признается матерью и в том случае, если ребенок зачат из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины, за исключением рождения ребенка суррогатной матерью. Матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 140 УК Республики Беларусь суррогатной матери является дискуссионным в уголовно-правовой доктрине. Согласно ст. 53 КоБС Республики Беларусь, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается его генетическая мать, поэтому, по мнению некоторых ученых, квалификация действий суррогатной матери по ст. 140 УК Республики Беларусь вряд ли возможна. С этим нельзя согласиться, т. к. ответственность по ст. 140 УК связана именно с фактом физиологических родов (убийство должно быть совершено во время родов или непосредственно после них в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами). По той же причине не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 140 УК Республики Беларусь, женщина, усыновившая ребенка, хотя с точки зрения закона она по своему правовому положению при-

равнивается к биологической матери ребенка [2]. Отсюда, в случае суррогатного материнства субъектом убийства, запрещенного ст. 140 УК Республики Беларусь, будет суррогатная мать, родившая ребенка генетическая же мать в случае убийства новорожденного ребенка должна отвечать по ст. 139 УК Республики Беларусь. В части решения данного вопроса интересен опыт Российской Федерации. Так, например, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК Российской Федерации, может быть только женщина, выносившая и родившая ребенка вне зависимости от своего правового статуса, т. е. как суррогатная, так и биологическая мать. В диспозиции ст. 106 УК Российской Федерации такую женщину предлагается называть роженицей.

Специфической особенностью анализируемого преступления является невозможность квалификации соучастия в его осуществлении по ст. 140 УК Республики Беларусь. Действия лиц, принявших совместное умышленное участие в совершении убийства матерью новорожденного ребенка (подстрекательство, организация, пособничество), квалифицируются как соучастие в убийстве малолетнего лица по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь и соответствующей части ст. 16 УК Республики Беларусь. Если лицо выступило в роли исполнителя преступления, то оно подлежит ответственности только по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь. Соисполнительство совместно с матерью, родившей убиваемого ребенка, квалифицируется как убийство малолетнего лица, совершенное группой лиц, однако действия самой матери и в этом случае должно квалифицироваться только по ст. 140 УК Республики Беларусь. Мать, которая выступила в качестве подстрекателя, будет подлежать ответственности по ст. 140 УК Республики Беларусь, если она во время родов либо непосредственно после них при соответствующих обстоятельствах склонила кого-либо умертвить ребенка, а в остальных случаях ее ответственность будет наступать за соучастие в убийстве малолетнего.

Для того чтобы избежать сомнений при квалификации, законодатель должен четко определить в диспозиции ст. 140 УК Республики Беларусь Республики Беларусь круг субъектов преступления, в частности

указав в нем суррогатную мать, как это сделано, например, в УК Украины.

Заключение

В целях единообразного толкования и применения нормы ст. 140 УК Республики Беларусь возникает необходимость внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство для уточнения самого субъекта преступления и его возраста, а именно:

1. Предлагается изложить ст. 140 УК Республики Беларусь в следующей редакции:

Статья 140. Убийство матерью-роженицей новорожденного ребенка

«Убийство матерью-роженицей своего ребенка во время родов или непосредственно после них, а равно убийство матерью-роженицей новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства,

не исключającego вменяемости, вызванного родами».

2. Дополнить часть 2 ст. 27 УК Республики Беларусь пунктом 1-1 в следующей редакции: «1-1) убийство матерью-роженицей новорожденного ребенка (ст. 140)».

3. В целях уточнения возраста субъекта преступления, предусмотренного по ст. 140 УК Республики Беларусь, дополнить постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» пунктом 4.1, изложив его в следующей редакции:

4.1 «Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное ст. 140 УК Республики Беларусь, наступает по достижении 14 лет, с учетом возможности несовершеннолетнего лица (матери-роженицы) правильно оценить сущность такого преступления, как убийство новорожденного ребенка».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.02.2019 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК Республики Беларусь) : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 : в ред. постановления от 31 марта 2016 г., № 2 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Ананиан, А. А. Убийство матерью новорожденного ребенка / А. А. Ананин // Рос. журн. соц. и гуманитар. наук. Сер. «Государство и право». – 2001. – № 1. – С. 54–56.

5. Архив Брестского областного суда за 2012 г. – Дело № 2 – 16(02).

6. Грунтов, И. Убийство матерью новорожденного ребенка / И. Грунтов, И. Кот // Судовы весн. – № 1. – 2002. – С. 28.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

8. Качина, Н. Н. Судебно-медицинская экспертиза (исследование) трупов плодов и новорожденных : учеб. пособие / Н. Н. Качина – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Светлица, 2009. – С. 5–9.

9. Попов, А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка / А. Н. Попов // Закон. – 2001. – № 7. – С. 7–9.

10. Федорук, Т. В. Особенности квалификации детоубийства по уголовному законодательству Республики Беларусь / Т. В. Федорук // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 2, История. Экономика. Право – 2011. – № 2. – С. 130–135.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.03.2020

УДК 349.6(476)(075.8)

Геннадий Иванович Зайчук*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Gennady Zaychuk***Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University*g.zaichuk@mail.ru**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА**

Рассматриваются теоретические проблемы определения и закрепления в законодательстве об охране окружающей среды объектов экологического права, их юридически значимых признаков и определений. Показывается, что в результате заимствований из естественных наук в последнее время значительно расширился круг объектов правовой охраны экологического права, что внесло путаницу в терминологию науки экологического права и экологическое законодательство. Обосновывается, что экологическое право является самостоятельной комплексной отраслью права, выполняющей регулятивно-охранительную функцию, предметом правового регулирования которой являются общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны и защиты окружающей среды. Определяется, что объектами правовой охраны экологического права могут быть окружающая среда и ее компоненты: природные объекты, природно-антропогенные объекты, природные ресурсы, природные состояния (природные комплексы) и природно-территориальные комплексы.

Theoretical Issues of Environmental Law Objects

The paper deals with the theoretical problems of defining and fixing in the legislation on environmental protection of objects of environmental law, their legally significant features and definitions. It is shown that as a result of borrowings from natural Sciences, the range of objects of legal protection of environmental law has recently significantly expanded, which has confused the terminology of environmental law science and environmental legislation. It is proved that environmental law is an independent complex branch of law that performs a regulatory and protective function, the subject of legal regulation of which is public relations that are formed about the protection and protection of the environment. It is determined that the objects of legal protection of environmental law can be: the environment and its components: natural objects, natural-anthropogenic objects, natural resources, natural States (natural complexes) and natural-territorial complexes.

Введение

Непременным условием любых экологических правоотношений, помимо субъектов, является наличие объектов, т. к. они способны удовлетворить разнообразные интересы и потребности лиц, общества и государства. По поводу объектов возникают, изменяются и прекращаются экологические правоотношения, вследствие чего объекты оказывают решающее влияние на формирование предмета правового регулирования экологического права и на содержание экологических правоотношений.

Экологическое право представляет собой проходящую период становления комплексную отрасль права. Как и любая другая самостоятельная правовая отрасль, оно имеет собственный состав объектов экологических правоотношений, обусловленных предметом правового регулирования. Таким предметом, в частности, явля-

ются подлежащие правовому воздействию и нуждающиеся в упорядочении общественные отношения, возникающие по поводу охраны окружающей среды от вредного воздействия на нее в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности и обеспечение экологической безопасности в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера [1, с. 7], по другой классификации – общественные отношения по охране окружающей среды от различных форм деградации и по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц [2, с. 48]. Анализ действующего Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» показывает, что предметом регулирования экологического права являются общественные отношения в области охраны и защиты окружающей среды, а также охраны экологических прав и за-

конных интересов граждан, включая индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, в том числе иностранных, государства – Республики Беларусь, иностранных государств и международных организаций (далее – граждан и юридических лиц). Состав его объектов постоянно расширяется, поэтому он требует уяснения и дополнительного исследования.

Прообразом экологического права послужило природоохранное право, появившееся с принятием Закона БССР от 21 декабря 1961 г. «Об охране природы в Белорусской ССР», ст. 1 которого к объектам природы, подлежащим правовой охране, были отнесены: земля; воды (поверхностные, подземные и почвенная влага); недра; леса и иной полезный естественный растительный покров земли; типичные ландшафты, редкие и достопримечательные природные объекты; пригородные зеленые зоны, парки, зеленые насаждения в населенных пунктах и при дорогах, курортные местности; животный мир (полезная дикая фауна); атмосферный воздух.

Принятие Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») ознаменовало появление экологического права. Объектами его охраны согласно ст. 3 стали как вовлеченные в хозяйственный оборот, так и не используемые напрямую либо в данный период виды природных ресурсов, к которым относились: климатические ресурсы, атмосфера, включая озоновый слой, земля, ее недра и почвы, воды (поверхностные, подземные и почвенная влага), растительный и животный мир в их видовом разнообразии во всех сферах обитания и произрастания, типичные и редкие ландшафты, а также иные природные объекты как компоненты экологических систем и биосферы. Интерпретация рассматриваемой новеллы показывает, что перечисленные выше объекты охраны экологического права законодатель одновременно рассматривал как природные ресурсы, природные объекты и компоненты экологических систем и биосферы.

В юридической литературе справедливо отмечалось: «Разделение природопользования и охраны природы получило

свое отражение в формировании двух различных понятий – *природный объект* и *природный ресурс*. Первое понятие выражает предмет правовой охраны природы, а второе – предмет так называемых природоресурсовых отраслей права. Между тем понятие природного ресурса выражает не что иное, как полезность для общества (ресурс) того или иного природного объекта. Иначе говоря, природный ресурс – это одна из сторон понятия природного объекта, каждый природный ресурс не перестает быть вместе с тем и природным объектом» [3, с. 10]. В юридической литературе объекты охраны экологического права обоснованно подразделялись на дифференцированные и интегрированные объекты. В окружающей природной среде, представляющей с эколого-биологической точки зрения одновременно и экологическую систему, и биосферу, при дифференцированном подходе к ее сохранению выделялись такие охраняемые компоненты природные объекты, как природные ресурсы и природные комплексы.

Природным объектом считался завершенный экологический комплекс, взаимодействующий с окружающей естественной и социальной средой на основе выполняемых им экологических, экономических и культурно-оздоровительных функций. Природным ресурсом являлась часть природного объекта, которая выступала в качестве источника удовлетворения материальных, экономических потребностей человека. Природный комплекс представлял собой совокупность взаимосвязанных между собой частей природных объектов, обособленных с целью заповедной охраны по решению компетентных органов государства [4, с. 20–22].

Природные объекты

Сейчас открытый перечень объектов экологических правоотношений сформулирован в ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды» в новой редакции, принятой законом Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 126-З. Ими, в частности, являются: земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, околоземное космическое пространство, леса, растительный и животный мир в его видовом разнообразии, особо охраняемые природные территории и природные территории, под-

лежащие специальной охране, национальная экологическая сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, климат, естественные экологические системы, **иные природные объекты**, а также право природопользования. Другими словами, все вышеперечисленные объекты эколого-правовой охраны отнесены законодателем к природным объектам.

Следует отметить, что околоземное космическое пространство, представляющее собой Космос – т. е. освоенную человеком часть Вселенной, является объектом международного космического права, а право природопользования, осуществляемое на титулах права собственности, пожизненного наследуемого владения, постоянного и временного пользования, сервитута, аренды (субаренды) и концессии, относится к объекту охраны природоресурсного права, и поэтому в настоящей работе рассматриваться не будет.

Кроме того, в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» проведена классификация объектов его охраны (объектов экологических правоотношений) и даны их определения.

В частности, *окружающая среда* – это совокупность компонентов природной среды, природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов. К *компонентам природной среды* отнесены: земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство. *Природный объект* охарактеризован как естественная экологическая система, природный ландшафт, биотоп и составляющие их компоненты природной среды, сохранившие свои природные свойства. *Природно-антропогенным объектом* является природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение. *Антропогенный объект* – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов. *Природная среда* – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов. *Природные ресурсы* – компоненты природной

среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Буквальное толкование указанных терминов и их определений приводит к следующему заключению. Законодатель, руководствуясь понятийно-категориальным аппаратом естественных наук (биологии и географии) без учета особенностей юридической науки, принял противоречивую, непоследовательную попытку разграничить понятия: окружающая среда, природная среда, антропогенный объект, компонент природной среды, природный объект, природно-антропогенный объект, природный комплекс и природный ресурс.

По этому поводу И. И. Краснов оправданно писал, что биологические, экологические и другие естественно-научные характеристики природных объектов и соответствующие им понятия не могут быть автоматически восприняты юриспруденцией для применения в законодательстве. Каждая наука вырабатывает понятия и термины соответственно своему предмету, задачам и подходу к изучаемым явлениям. Право не является простым слепком с экологии (как, впрочем, и с экономики), и поэтому правовые отношения не представляют собой юридической копии экологических связей. Предмет экологии – взаимоотношения живых организмов с окружающей средой, а предмет юриспруденции (применительно к природопользованию) – общественные отношения между людьми по поводу окружающей природной среды [5, с. 40].

Кроме того, законодателем земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир и озоновый слой отнесены только к **компонентам** природной среды, что противоречит ст. 5 рассматриваемого закона, из общего смысла которой следует, что они одновременно являются и природными объектами, а в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» они названы еще и природными ресурсами. Это подтверждается и ст. 5 Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. № 193-ХІІ, где закреплено, что земля, ее

недра, другие природные ресурсы на территории Республики Беларусь, воздушное пространство являются собственностью белорусского народа, которому принадлежат исключительные права по их владению, пользованию и распоряжению. Помимо изложенного, в законе не сформулировано общее определение компонента природной среды, с указанием его основных признаков, функций и не указан его правовой режим.

Е. Н. Кологинская справедливо писала: «Образуя с взаимодействующими компонентами природы экологические комплексы, системы экологических связей, земля, ее недра, воды, леса, животный мир вместе с тем составляют отдельные объекты природы, обособленные от других в силу присущих им свойств и той роли, которую они играют в жизни общества» [6, с. 7].

Следует отметить, что термины «компонент» и «элемент» являются техническими и означают не что иное, как связь части с целым. В этом смысле они довольно часто употреблялись и используются сейчас в эколого-правовой литературе. Причем для общего наименования однородных компонентов природной среды, таких как земли, недра, воды, атмосфера, леса, растительный и животный мир и климат общепризнанным стал термин «природный объект»; сложных (разнородных) компонентов, таких как особо охраняемые природные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, естественные экологические системы, – «природный комплекс».

Впервые определение природного объекта, ставшее впоследствии общепризнанным, в науке экологического и природоресурсного права дал В. В. Петров. В частности, он отмечал, что в отличие от социальных объектов материального мира, производимых человеком для удовлетворения своих экономических и культурно-оздоровительных потребностей, *природный объект* характеризуется: естественным источником происхождения, неизменным состоянием в экологической системе природы, социально-экологической ценностью для общества [7, с. 24]. При этом в юридической литературе оправданно указывалось, что отдельные элементы природы состоят в сфере

ее правовой охраны до тех пор, пока они функционируют как части единого природного механизма, находятся в системе экологических связей. Выход природного вещества из естественной взаимосвязи с природой означает исключение его из числа объектов правовой охраны природы [8, с. 42].

Таким образом, можно дать следующее определение: к природным объектам относятся однородные, самостоятельные компоненты природной среды – земля (в том числе почвы), недра, воды, атмосфера (включая атмосферное пространство, атмосферный воздух и озоновый слой), растительный и животный мир, выполняющие экологическую, экономическую и социальную функции, в отношении которых экологическим законодательством установлен режим охраны, защиты и использования.

К признакам природных объектов, позволяющих отграничивать их от имущества (вещей) – объектов гражданского права, оправданно отнести: естественное происхождение; нахождение в экологических взаимосвязях с другими природными объектами путем обмена веществами и энергией; выполнение функций жизнеобеспечения, экологической, экономической, социальной и иных функций.

Общепризнанным в экологическом праве является то, что для индивидуализации природных объектов с целью их разграничения законодатель наделяет их дополнительными признаками, сформулированными в определениях этих объектов в природоресурсных кодексах и законах.

Природно-антропогенные объекты

О наличии природно-антропогенных объектов ученые-экологи писали еще во времена СССР, закрепление их определения в экологическом законодательстве является шагом вперед. Тем не менее толкование этого объекта вызывает ряд вопросов. В частности, природно-антропогенный объект определен в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» как природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение.

При этом к природным объектам отнесены естественная экологическая система,

природный ландшафт, биотоп и составляющие их компоненты природной среды, сохранившие свои природные свойства. Согласно ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» *естественная экологическая система* – это объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (объекты растительного и животного мира) и неживые ее компоненты взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией; *природный ландшафт* – природный объект, состоящий из взаимодействующих компонентов природной среды, сформированных в единых природно-климатических условиях; *биотоп* – природный объект (участок территории или акватории) с однородными экологическими условиями, являющийся местом обитания сообщества тех или иных видов диких животных и произрастания дикорастущих растений.

Возникает вопрос: может ли человек изменить или создать естественную экологическую систему, природный ландшафт и биотоп, да еще и таким образом, чтобы они выполняли функции природного объекта в понимании законодателя? Анализ природоресурсного и природоохранного законодательства показывает, что это невозможно. Из общего смысла ст. 1 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З следует, что водные объекты по происхождению подразделены на естественные и искусственные. Искусственные водоемы и водотоки, несмотря на рукотворное происхождение, по правовому режиму приравниваются к естественным. К ним принадлежат водохранилища, пруды, обводненные карьеры, каналы. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире» растительный мир подразделен на дикорастущие растения и искусственные насаждения. К последним относятся озеленительные насаждения населенных пунктов (парки, скверы, бульвары и т. п.), а также противоэрозийные, полезащитные и придорожные насаждения.

Не вызывает сомнения, что природно-антропогенный объект должен обладать свойствами (признаками) природного объекта. Утверждение же о том, что рассматриваемый объект может иметь только рекреа-

ционное и защитное значение, весьма спорное из-за того, что природные объекты, к которым оправданно приравнивается правовой режим природно-антропогенных объектов, могут выполнять гораздо более широкий спектр функций. Например, в соответствии со ст. 1 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З леса, в том числе искусственно выращенные, помимо экономического значения (заготовка древесины и других лесных ресурсов), обладают средообразующими, водоохранными, защитными, санитарно-гигиеническими, рекреационными и иными полезными свойствами. Следовательно, природно-антропогенными объектами могут быть не естественные экологические системы, природные ландшафты и биотопы, которые оправданно отнести с естественно-научной и юридической точек зрения к природным состояниям, а преобразованные или искусственно созданные природные объекты. Тогда становится понятным, как они созданы и какие функции выполняют.

Таким образом, природно-антропогенный объект – это природный объект, измененный в результате хозяйственной или иной деятельности и (или) созданный человеком, обладающий признаками (свойствами) природного объекта и выполняющий его функции.

Природные ресурсы

В ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» установлено, что *природные ресурсы* – компоненты природной среды, природные и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. Другими словами, к природным ресурсам законодатель отнес как компоненты природной среды, так и природные и природно-антропогенные объекты.

Насчет природных и природно-антропогенных объектов, если понимать их как предлагается выше, все понятно: их определения в качестве природных ресурсов и виды пользования ими сформулированы в природоресурсных кодексах и законах. Каким образом можно использовать природные объекты в понимании законодателя, к кото-

рым он отнес естественные экологические системы, природные ландшафты и биотопы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления, да еще чтобы они имели потребительскую ценность, неясно из-за того, что легальные определения их ресурсов и виды пользования ими в законодательстве не сформулированы. В Законе Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» упоминается только ландшафтная архитектура. Согласно ч. 1 ст. 11 этого закона в Республике Беларусь при осуществлении архитектурной, градостроительной и строительной деятельности должно обеспечиваться формирование полноценной и эстетически выразительной среды обитания за счет органического сочетания архитектурных решений новых зданий и сооружений с существующей застройкой, памятниками архитектуры, градостроительства и природного ландшафта, использования национальных традиций и приемов застройки, ландшафтной архитектуры и иных архитектурных и художественных средств. Из этого следует, что при осуществлении указанной деятельности ландшафты учитываются, но не используются.

Согласно природоресурсному законодательству виды природных ресурсов выделяются по видам природных объектов, в частности, они подразделяются на земельные ресурсы, ресурсы недр и атмосферы, лесные ресурсы, ресурсы растительного и животного мира, климатические ресурсы, рекреационные ресурсы и т. п.

Однако обеспечение энергетической безопасности в связи с ограниченностью и исчерпаемостью традиционных источников энергии (дров, торфа, горючих сланцев, угля, нефти, газа), образующих при их сжигании углекислый газ, который оказывает влияние на изменение климата, поставило на повестку дня декарбонизацию энергопотребления, что привело к поиску альтернативных, экологически безопасных энергоресурсов. И они были найдены. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 201-З «О возобновляемых источниках энергии» к *возобновляемым и, что немаловажно, неисчерпаемым источ-*

никам энергии отнесены энергия Солнца, ветра, тепла земли, естественного движения водных потоков, которые являются непотребляемыми природными ресурсами таких природных объектов, как Космос, атмосфера, недра и воды.

«Природные ресурсы – это компоненты природной среды, которые при данном уровне развития производительных сил используются или могут быть использованы как средства производства и предметы потребления. По своей материальной форме это вещества и силы природы... по экономическому содержанию – это потребительные стоимости, ценность которых определяется уровнем изученности, технической возможностью, экономической и социальной целесообразностью использования» [9, с. 29].

Обращает на себя внимание формулировка определения земель, данная в российском законодательстве, где в п. 1 ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [10] указано, что регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю.

Другими словами, в рассматриваемом кодифицированном нормативном правовом акте земли одновременно названы охраняемым природным объектом, составной частью природы (т. е. компонентом природной среды), используемым природным ресурсом в качестве средства производства либо пространственного базиса для осуществления различных видов деятельности и недвижимым имуществом – объектом принадлежности и хозяйственного оборота, которые регулируются гражданским законодательством.

Представляется, что в определении природных ресурсов более точным будет термин не «продукты производства», а «средства производства». Понятие «природный ресурс» отражает не юридическую суц-

ность, а потребительскую, экономическую ценность природного объекта, и поэтому он не может быть индивидуализирован. Его юридическое и фактическое обособление в качестве объекта недвижимости и гражданского оборота производится путем указания местоположения, размера и границ участков (частей) компонентов природной среды – природных объектов: земельных участков; участков недр; водных объектов либо их частей; участков атмосферы; участков леса – либо путем индивидуализации представителей растительного и животного мира в конкретных местах их произрастания или обитания.

Энергетические ресурсы представляют собой физические качества и полезные свойства излучения солнца, перемещения атмосферного воздуха, тепла толщи недр, движения вод. Поэтому для использования ресурсы солнца и ветра обособляются в земельных участках, предоставляемых для размещения солнечных батарей и ветроэнергетических установок, запасы глубинного тепла земли – в участках недр и земельных участках, отводимых для добычи геотермальных вод, гидроэнергетические ресурсы – в водных объектах (их частях) и земельных участках водного фонда, предназначенных для размещения гидроэлектростанций.

Климатические ресурсы с целью ведения сельского хозяйства обособляются в земельных участках, а для отдыха, оздоровления, лечения и т. п. – совместно с рекреационными ресурсами – в пределах особо охраняемых природных территорий либо природных территорий, подлежащих специальной охране.

Принадлежность природных ресурсов и их оборот регулируются гражданским законодательством, если природоресурсным законодательством не установлено иное.

Таким образом, оправданно дать следующее определение природных ресурсов: природные ресурсы – компоненты природной среды: природные объекты, природно-антропогенные объекты и природно-территориальные комплексы, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, средств производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Комплексные объекты экологического права

Согласно ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» природный комплекс представляет собой функционально и естественно связанные между собой природные объекты, объединенные географическими и иными соответствующими признаками. К ним законодатель отнес естественные экологические системы, природные ландшафты и биотопы. Особо охраняемым природным территориям, природным территориям, подлежащим специальной охране, национальной экологической сети и биосферным резерватам в этой классификации места не нашлось.

Тем не менее в юридической литературе отмечается: «К числу объектов использования и охраны законодательство относит и *природные комплексы*. Это – участки природной среды (земельного, водного, лесного, а иногда и недренного пространства), включающие совокупность природных объектов и природных систем, обособленных государством с целью их охраны от вредного воздействия хозяйственного потенциала общества. Последнее обстоятельство имеет решающее значение. Любой участок природы – естественный комплекс, но в категорию специально охраняемых входят лишь те, относительно которых состоялось решение компетентных органов государства» [11, с. 59]. Следовательно, типичные и редкие природные ландшафты, естественные экологические системы и биотопы являются природными объектами и комплексами не в юридическом, а в естественно-научном понимании. Объясняется это тем, что все они не обладают индивидуально определенными признаками, поэтому их нельзя обособить, а следовательно, и урегулировать нормами права их режимы, например, установить на них право собственности либо определить порядок использования таких объектов и комплексов. Они могут быть объектами оценки, исследования, изучения естественных наук. Их правовая охрана достигается путем включения их в состав особо охраняемых природных территорий или природных территорий, подлежащих специальной охране.

В соответствии с п. 4 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» особо охраняемой природной

территорией является часть территории Республики Беларусь с ценными природными комплексами и (или) объектами, в отношении которой установлен особый режим охраны и использования.

Определения природных территорий, подлежащих специальной охране, в законодательстве не содержится. В ст. 63 Закона только указывается, что они выделяются в целях сохранения полезных качеств окружающей среды, и приводится примерный перечень таких территорий, подлежащих специальной охране: курортные зоны; зоны отдыха; парки, скверы и бульвары; водохозяйственные зоны и прибрежные полосы рек и водоемов; зоны санитарной охраны месторождений минеральных вод и лечебных сапропелей; зоны санитарной охраны водных объектов, используемых для хозяйственно-питьевого водоснабжения, зоны санитарной охраны в местах водозабора; рекреационно-оздоровительные и защитные леса; типичные и редкие природные ландшафты и биотопы; верховые болота, болота, являющиеся истоками водотоков; места обитания диких животных и места произрастания дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь; природные территории, имеющие значение для размножения, нагула, зимовки и (или) миграции диких животных; охранные зоны особо охраняемых природных территорий.

Национальная экологическая сеть – система функционально взаимосвязанных особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране, предназначенных для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, а также обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира.

Биосферный резерват – часть территории Республики Беларусь, включающая отдельные особо охраняемые природные территории (их части) и (или) природные территории, подлежащие специальной охране (их части), а также иные территории, на которых целенаправленно стимулируется рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов путем применения элементов экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования при осуществлении природоохранных

мероприятий, отдельных видов хозяйственной и иной деятельности.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» территориальной единицей является территория специального режима использования (заповедник, национальный парк, заказник, территория памятника природы, биосферный резерват), другая территория специального режима использования, созданная по решению Президента Республики Беларусь.

Следовательно, особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть и биосферные резерваты относятся к территориальным единицам, которые образуются с целью сохранения природных и природно-антропогенных объектов и природных состояний и использования их ресурсов. Причем в пределах особо и специально охраняемых природных территорий устанавливается, соответственно, особый и специальный режимы охраны природных и природно-антропогенных объектов, природных состояний и использования их ресурсов, а в пределах национальной экологической сети и биосферных резерватов смешанный режим охраны и использования таких объектов и ресурсов.

Основной целью образования таких территорий является сохранение природы, поэтому их оправданно назвать **природно-территориальными комплексами**.

Природно-территориальный комплекс представляет собой функционально и естественно связанные между собой части природных и природно-антропогенных объектов, природных состояний, объединенных географическими, биологическими и иными признаками, в отношении которых экологическим законодательством с целью их сохранения установлен особый, специальный либо смешанный режим охраны и использования. К ним относятся: особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть и биосферные резерваты.

Заключение

С целью преодоления правовой неопределенности, вызванной наличием пробелов

лов и коллизий в нормативных правовых актах, для однозначного понимания и единообразного применения природоохранного законодательства оправданно в Закон «Об охране окружающей среды внести следующие изменения и дополнения:

1 Ст. 5. Объекты отношений в области охраны окружающей среды изложить в следующей редакции:

«Объектами отношений в области охраны окружающей среды являются: окружающая среда и ее компоненты: природные и природно-антропогенные объекты, природные ресурсы, природные состояния и природно-территориальные комплексы».

2. В ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» сформулировать следующие определения:

«Природный объект – однородный, юридически самостоятельный компонент природной среды – земля (в том числе почвы), недра, воды, атмосфера (включая атмосферное пространство, атмосферный воздух и озоновый слой), растительный и животный мир, выполняющий экологическую, экономическую и социальную функции, в отношении которого экологическим законодательством установлен режим охраны, защиты и использования.

К признакам природных объектов, позволяющих отграничивать их от имущества (вещей) – объектов гражданского права, оправданно отнести: естественное происхождение; нахождение в экологических взаимосвязях с другими природными объектами путем обмена веществами и энергией; выполнение функций жизнеобеспечения, экологической, экономической, социальной и иных функций.

Природные ресурсы – компоненты природной среды: природные объекты, природно-антропогенные объекты и территориально-природные комплексы, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, средств производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Природные состояния – климат, а также природные комплексы, включая естественные экологические системы, типичные и редкие природные ландшафты, и биотопы.

Природно-территориальные комплексы – особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть и биосферные резерваты».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарова, Т. И. Экологическое право : курс интенсивной подготовки / Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – Минск : Тетралит, 2015. – 304 с.
2. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник / М. М. Бринчук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 670 с.
3. Право природопользования в СССР / Н. И. Краснов [и др.] ; отв. ред. И. А. Иконицкая ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1990. – 195 с.
4. Бобылев, А. И. Вопросы общей теории экологического права / А. И. Бобылев, С. А. Балашенко. – Минск : БГУ, 1991. – 124 с.
5. Краснов, И. И. Новое советское лесное законодательство / И. И. Краснов // Совет. государство и право. – 1978. – № 7. – С. 37–46.
6. Колотинская, Е. Н. Правовые основы природно-ресурсовых кадастров в СССР / Е. Н. Колотинская. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 136 с.
7. Петров, В. В. Экология и право / В. В. Петров. – М. : Юрид. лит., 1981. – 224 с.
8. Правовая охрана природы в СССР : учеб. пособие / под ред. В. В. Петрова. – М. : Юрайт, 1976. – 351 с.
9. Кабушко, А. М. Экология и экономика природопользования : ответы на экзаменац. вопр. / А. М. Кабушко. – 3-е изд., перераб. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 144 с.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
11. Природноресурсовое право и правовая охрана окружающей среды : учебник / под ред. В. В. Петрова. – М. : Юрид. лит., 1988. – 512 с.

УДК 342.9 (476)

Александр Николаевич Шкляревский
канд. юрид. наук, декан факультета права
Белорусского государственного экономического университета
Alexander Shklyarevsky
PhD in Law, Dean of the Faculty of Law
of Belarusian State Economic University
e-mail: shkliareuski_a@bseu.by

МЕДИАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Обосновывается возможность и необходимость внедрения института медиации в административный процесс с целью его либерализации. Отражаются преимущества медиации по сравнению с юрисдикционными процедурами. Обосновывается, по каким категориям дел и на каких стадиях административного процесса возможно приглашение в процесс медиатора и заключение медиативного соглашения. Предлагаются конкретные изменения в действующее административно-деликтное законодательство.

Mediation as a Tool for Liberalization of the Administrative Process

The article substantiates the possibility and necessity of introducing the institution of mediation into the administrative process in order to liberalize it. The advantages of mediation over jurisdictional procedures are reflected. It is substantiated on what categories of cases and at what stages of the administrative process it is possible to invite a mediator into the process and conclude a mediation agreement. Specific changes to the current administrative-tort legislation are proposed.

Введение

В 2006 г. впервые в отечественной истории был принят Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИАП). Его принятие стало новым этапом в развитии отечественного административно-процессуального законодательства. В нем были определены основные тенденции в развитии процессуального законодательства об административной ответственности, проведена систематизация правовых норм, расширено право на защиту, усовершенствована вся административно-процессуальная деятельность.

Вместе с тем кодекс оказался весьма нестабильным. Так, с момента его принятия и до сегодняшнего дня было принято 48 законов о внесении в него изменений и дополнений. Причем эти законы зачастую были весьма объемны по своему содержанию. Поскольку прослеживалась динамика увеличения количества составов административных правонарушений, это повлекло за собой рост числа совершенных противоправных деяний, что, в свою очередь, существенно увеличило нагрузку на органы, ведущие административный процесс. Напри-

мер, если в 2008 г. было зарегистрировано 2,34 млн административных правонарушений, то в 2018 – уже 4,36 млн [1, с. 29]. Кроме того, вследствие отсутствия продуманной государственной административно-деликтной политики наблюдалось необоснованное ужесточение административных взысканий, их карательная направленность, невозможность их «дифференцированного, индивидуализированного и справедливого применения в отношении различных категорий правонарушителей» [2, с. 124–126], неопределенность в понимании и применении на практике правовой конструкции вины юридического лица, совмещение административной ответственности юридических лиц и должностных лиц за одни и те же противоправные деяния, отсутствие четкой нормативной регламентации ряда основополагающих понятий и др.

Сложившаяся ситуация не могла не волновать как общественность, так и руководство страны. В декабре 2019 г. Главой государства было дано поручение разработать принципиально новое законодательство об административной ответственности, в котором ставилась задача снизить карательный

уклон в сторону профилактики административных правонарушений, поскольку именно «профилактика правонарушений является важным средством обеспечения жизнедеятельности государства, способным во многом предопределять его эффективное функционирование» [3, с. 36]. В соответствии с данным поручением усилия законодателей сосредоточились на корректировке действующего ПИКоАП, не затрагивая его концептуальной сущности.

В то же время, по нашему мнению, в либерализации административного процесса и усилении его профилактической направленности немалую роль могут сыграть примирительные процедуры. Это объясняется тем, что разрешение споров с помощью государственно-властного механизма, будучи направленным на обеспечение справедливости и верховенства закона, нередко приводит к обострению отношений участников административного процесса, их неудовлетворенности результатом и оказывается связанным со значительными потерями сил, времени и средств. Альтернативой существующему административному процессу могут быть примирительные, по сути переговорные, процедуры, преследующие цель предупреждения административных правонарушений. Их использование при разрешении различного рода конфликтов «становится тенденцией общеправового развития, и наблюдается практически повсеместная активизация практики использования примирительных процедур как инновационного подхода в прекращении юридических разногласий» [4, с. 100–119].

Существует множество различного рода примирительных процедур.

1. Переговоры (англ. negotiation). Урегулирование юридического спора сторонами без привлечения нейтрального третьего лица для оказания помощи в примирении и достижении соглашения; переговоры ориентированы на самостоятельное прекращение имеющихся разногласий сторонами по собственному усмотрению.

2. Медиация (англ. mediation). Урегулирование сторонами юридического спора при содействии нейтрального посредника (медиатора), призванного способствовать примирению сторон и достижению ими соглашения; медиация ориентирована на прекращение имеющихся разногласий самими

сторонами при общем руководстве проведением процедуры со стороны медиатора.

3. Независимая экспертиза по установлению спорных обстоятельств (англ. neutral expert factfinding). Урегулирование юридического спора сторонами путем привлечения по договоренности между ними независимых экспертной организации, эксперта или группы экспертов в целях подготовки имеющего для сторон обязательный характер заключения о фактических и/или юридических обстоятельствах, в отношении которых существуют разногласия и установление которых требует специальных знаний.

4. Рассмотрение споров с помощью омбудсмана (англ. ombudsman; ombudsperson). Урегулирование внутриорганизационных споров с участием работодателя, управленческого персонала и работников, а также внешних споров между организацией и ее клиентами при содействии формально нейтрального должностного лица (омбудсмана), являющегося служащим соответствующей организации и специально уполномоченного способствовать примирению сторон путем согласования их интересов и/или дачи рекомендаций по результатам рассмотрения поступивших обращений [5, с. 53–56].

Каждый из названных видов примирительных процедур имеет как свои преимущества, так и определенные недостатки, препятствующие их использованию в белорусской правовой системе. Взять хотя бы отсутствие в Республике Беларусь омбудсменов как таковых. Соответственно, с точки зрения отечественного законодательства и правоприменительной практики оптимальным на сегодняшний день средством урегулирования административно-правовых конфликтов является медиация. Во многом это объясняется тем, что «процедура медиации эффективнее простых переговоров сторон без участия посредника (медиатора), возможность проведения медиации прямо предусматривается законодательством, проведение медиации имеет определенное практическое воплощение» [6, с. 8]. В этой связи стоит специально отметить принятие Закона Республики Беларусь «О медиации» [7], который заложил основу развития медиации в Республике Беларусь.

Относительно иных примирительных процедур можно отметить, что, хотя в настоящее время в Республике Беларусь от-

сутствуют условия для их реализации либо их реализация уступает медиации по критерию эффективности, изучение примирительных процедур, безусловно, является весьма перспективным с точки зрения развития административно-деликтного законодательства и правоприменительной практики.

На сегодняшний день процедура медиации в Республике Беларусь занимает все новые и новые ниши. Полагаем, что она должна найти свое место и в вопросах разрешения дел об административных правонарушениях. Ее привлекательность заключается в том, что в отличие от традиционного административного процесса, который связан с необходимостью соблюдения обязательных процессуальных требований, она дает большую свободу для поиска взаимоприемлемого решения, в том числе относительно организационных вопросов проведения процедуры, выбора места, времени, порядка, кандидатуры медиатора. Применение данного способа защиты экономит время и, как правило, деньги.

Медиация существенно отличается от традиционного административного процесса тем, что в ней отсутствует властное, императивное начало, строгая процессуальная регламентация, директивная роль суда либо органа, ведущего административный процесс. В медиации участники процесса совершенно самостоятельно принимают решение о необходимости ее проведения, они же подбирают и согласовывают кандидатуру медиатора, в случае необходимости могут устанавливать определенные правила, договариваться о продолжении либо прекращении процедуры, обсуждать условия и заключать медиативное соглашение.

Когда мы говорим о процедуре медиации в административном процессе, следует иметь в виду, что в отличие от традиционного (юрисдикционного) порядка здесь речь идет не о разрешении, а об урегулировании спора между сторонами. И, соответственно, всю ответственность за содержание выработанного медиативного соглашения, а также за его исполнение, принимают на себя сами стороны. Роль посредника-медиатора заключается в том, чтобы вести переговоры, следить за их ходом, задавать вопросы сторонам, следить за настроением сторон и обеспечивать эффективность взаимодействия между ними. При необходимости медиатор

может использовать и рекомендовать различные медиативные техники, позволяющие влиять на характер и содержание общения участников, вносить предложения по дальнейшему проведению медиации. Но в любом случае окончательное решение по всем вопросам остается за сторонами. В отличие от сторон и их представителей медиатор не имеет права совершать властные распорядительные действия, формулировать проблемы и вопросы для обсуждения, определять потребности и интересы участников, устанавливать критерии оценки возможных решений, устанавливать условия разрешения спора. Т. е. полномочия медиатора не выходят за решение процедурных вопросов.

Медиация в значительной степени ориентирована на достижение сторонами взаимной выгоды и совершении взаимных уступок. Например, правонарушитель обязуется впредь не совершать противоправных деяний при условии применения к нему профилактической меры воздействия вместо меры административного взыскания. Т. е. суть медиации в административном процессе направлена в первую очередь на прекращение конфликта, лежащего в основе правового спора. Именно преобладанием данной цели и обусловлено большинство принципиальных отличий медиации от судопроизводства [8, с. 16].

Бесспорным является то, что достоинств у медиации множество и она является эффективным средством профилактики противоправной ситуации, а также снижения или нивелирования той конфликтной напряженности, которая практически неизбежно возникает вследствие участия в административном процессе. Рассматривая ее как альтернативный вариант разрешения административно-деликтного спора, стоит исходить из того, что она ни в коем случае не претендует на замену административной юрисдикции, а призвана лишь дополнять ее, обеспечивать соблюдение принципов равенства, справедливости, беспристрастности и уважения прав при использовании альтернативного разрешения споров.

В административном процессе медиация может быть задействована на следующих стадиях:

1) на стадии начала административного процесса, подготовки всех материалов

дела об административном правонарушении к рассмотрению;

2) вместо рассмотрения дела об административном правонарушении в суде либо в ином органе, уполномоченном рассматривать данную категорию дел;

3) после начала рассмотрения дела об административном правонарушении, но до вынесения итогового решения.

Все три варианта, включая использование посредничества в суде или в ином органе, уполномоченном рассматривать дело об административном правонарушении, по нашему мнению, соответствуют целям профилактики административных правонарушений.

Безусловно, использовать процедуры медиации можно далеко не по всем категориям дел об административных правонарушениях. По нашему мнению, медиация возможна, а порой и необходима, в следующих случаях.

Во-первых, по всем делам о правонарушениях, влекущих ответственность по требованию потерпевшего или его законного представителя. Это, например, умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания; оскорбление; отказ в предоставлении гражданину информации; нарушение права на свободу объединений граждан; нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности; обман потребителей и др. В соответствии с законодательством, административный процесс по делам данной категории начинается только по требованию потерпевшего либо его законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности, выраженному в форме заявления, и подлежит прекращению в случае примирения с лицом, в отношении которого ведется административный процесс.

Законодательство не раскрывает причины и обстоятельства возможного примирения. Но, очевидно, что в качестве таковых могут быть раскаяние, возмещение вреда, признание возможности исправить ситуацию возникшего правового конфликта.

Как мы видим, административно-деликтное законодательство уже оперирует термином «примирение», но пока в нем нет

понятий «посредничество» или «медиация». Однако для сторон конфликта, разделенных враждой и противоположными процессуальными интересами, без посторонней квалифицированной помощи примирение нередко становится затруднительным, а порой вообще невозможным. Потому внедрение института медиации в административно-деликтный процесс придаст праву на примирение конкретные механизмы реализации.

Во-вторых, медиация возможна практически по всем делам об административных правонарушениях, в которых есть потерпевшие. Здесь мы можем вести речь о т. н. «восстановительном правосудии», под которым вначале понималось лишь уголовное правосудие и только по делам в отношении несовершеннолетних, а затем расширилось (и эта тенденция продолжается) до иного рода дел и в отношении иных лиц, не только несовершеннолетних. Суть восстановительного правосудия состоит в том, что любое правонарушение должно повлечь обязательства виновного по возмещению и заглаживанию вреда, нанесенного потерпевшему. Государство в лице его органов и должностных лиц, окружение потерпевшего и правонарушителя должны создавать для этого необходимые условия. В этот период во взаимоотношения между потерпевшим и правонарушителем вовлекается посредник, т. е. третья (абсолютно беспристрастная) сторона в лице медиатора. Конечно, такая форма разрешения правового конфликта возможна только при условии добровольного согласия сторон. В отличие от существующей ныне «возмездной» системы административной юрисдикции «восстановительное» правосудие фокусируется на трех сторонах процесса: потерпевших, правонарушителях и членах общества.

Таким образом, восстановительное правосудие обеспечит совершенно иной подход к борьбе с правонарушениями. Государство, которое в настоящее время является основным потерпевшим от противоправных, деяний отойдет на второй план. А потерпевшие и лица, в отношении которых ведется административный процесс, играющие сейчас относительно пассивную роль, станут основными участниками административно-деликтного процесса. Подчеркнем, что речь идет о тех правонарушениях, в которых есть потерпевшие. Данная пара-

дигма предполагает, что пострадавшие от противоправных деяний должны иметь возможность принимать активное участие в разрешении административно-правового конфликта. При этом, осуждая совершенное правонарушение, восстановительное правосудие исходит из необходимости уважительного обращения с правонарушителями и их реинтеграции в общество, что в конечном итоге должно привести их к правомерному поведению.

В-третьих, процедуры медиации могут оказаться незаменимы в процессе устранения и предотвращения семейных конфликтов, перерастающих во многих случаях в откровенное насилие. В настоящее время большинство потерпевших от семейного насилия отказываются писать заявления о привлечении к ответственности агрессора либо забирают их в ходе проведения разбирательства. Это объясняется верой в то, что акт насилия был единичным, боязнью мести, наложением на виновного штрафа, который будет уплачиваться из семейного бюджета и тем самым еще ухудшит материальное положение семьи [9, с. 287]. При этом потерпевший просит забрать агрессора из квартиры, так как боится остаться с ним. Но в связи с отсутствием заявления потерпевшего сотрудники правоохранительных органов не вправе произвести задержание нарушителя. Тем не менее оставление его по месту жительства может повлечь более серьезные последствия.

Представляется, что для решения подобных конфликтов возможно привлечь службы медиации (естественно, если речь не идет об уже совершенном преступлении), которые не только помогут сторонам разрешить имеющиеся проблемы (например, сохранить семью), но и составят медиативное соглашение, в котором будут предусмотрены все правовые последствия недостойного поведения, если оно будет иметь место в будущем.

Как можно заметить, несомненным достоинством медиации является возможность сторон самостоятельно прекратить существующие между ними разногласия путем достижения соглашения об урегулировании спора на взаимовыгодных или по крайней мере взаимоприемлемых условиях. В рамках данной процедуры каждое из условий урегулирования спора устанав-

ливается только по обоюдному согласию сторон. Здесь нет победителей и проигравших. К тому же, выявление истинных причин конфликта и согласование интересов являются ключевыми факторами, в большинстве случаев позволяющими сторонам не просто урегулировать спор, но и завершить противоречия, образующие конфликт, т. е. фактически прекратить конфликтное противоборство.

В процессе медиации зачастую обсуждаются вопросы, которые могут непосредственно не относиться к заявленным требованиям и возражениям, но учитываются при разработке итогового соглашения. При этом стороны могут установить любые не противоречащие законодательству условия урегулирования спора исходя из своих субъективных представлений о разумности, приемлемости и справедливости.

Тот факт, что в процессе медиации стороны правового конфликта самостоятельно находят точки соприкосновения и самостоятельно устраняют имеющиеся разногласия, выступает своего рода гарантией того, что стороны в большинстве случаев надлежащим образом исполняют достигнутое соглашение. Итоговое медиативное соглашение оценивается ими как результат их собственных усилий, условия которого соответствуют их интересам. Следовательно, у сторон появляется повышенная мотивация в его реализации.

Как положительный фактор следует выделить и то, что медиация всегда направлена в будущее, на создание такого соглашения, которое при сложившихся обстоятельствах будет работать достаточно продолжительное время.

Положительный эффект медиации при разрешении административно-правовых споров достигается и в том случае, если сторонам не удалось достичь консенсуса и процесс урегулирования разногласий был завершен при отсутствии согласованного решения по всем или части спорных вопросов. «Несмотря на неудачу предпринятых попыток, у сторон появляется возможность не только оценить позиции, но и осознать фактические интересы друг друга, что помогает лучшему пониманию ими сути конфликта и расширяет потенциал их совместной деятельности в рамках дальнейшего рассмотрения спора» [6, с. 9].

Принимая во внимание указанные обстоятельства, распространение и активное использование в административном процессе примирительных процедур представляется весьма актуальным. Их основные преимущества должны быть направлены на исправление существующего положения путем возложения ответственности за итоговый результат на субъектов юридического конфликта и разгрузки судов, иных органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, за счет тех категорий споров, которые могут быть самостоятельно урегулированы сторонами.

Заключение

Таким образом, можно констатировать необходимость введения института медиации в административный процесс и необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в ПИКоАП. При этом следует предусмотреть различные варианты медиации:

1) осуществление переговоров сторон вне административного процесса и без уча-

стия правоприменителя (в ПИКоАП в данном случае следует лишь обозначить возможность лица, в отношении которого ведется процесс, и потерпевшего обратиться к медиации по делам, допускающим компромисс сторон);

2) осуществление переговорной процедуры как составной части административно-процессуальной деятельности (для этого необходимо ввести в ПИКоАП медиатора в качестве полноправного участника административного процесса, а сами переговоры сторон с привлечением посредника должны проходить в соответствии с нормами ПИКоАП и в рамках соответствующего процесса).

Подводя итог, следует отметить, что внесение в законодательство изменений, создающих условия для проведения медиации в административном процессе, должно стать важным этапом и значительным стимулом дальнейшей либерализации административно-деликтного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Совершенствование законодательства об административной ответственности / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 2. – С. 29–32.
2. Селезнев, В. А. Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц / В. А. Селезнев // Журн. рос. права. – 2014. – № 11. – С. 121–130.
3. Административно-правовое принуждение в государственном управлении Республики Беларусь : монография / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. О. И. Чуприс. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 384 с.
4. Кузьмина, М. Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов : монография / М. Н. Кузьмина, И. В. Петрова. – Невинномысск : НИЭУП, 2000. – С. 100–119.
5. Alternative dispute resolutions practitioners guide / ed.: S. Brown, Ch. Cervenak, D. Fairman. – Cambridge, 1998. – P. 53–56.
6. Понасюк, А. М. Медиация как альтернатива и дополнение судопроизводству / А. М. Понасюк // Мировой судья. – 2012. – № 9. – С. 8–9.
7. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г., № 277-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Худойкина, Т. В. Теоретико-правовой анализ, история, современное состояние и перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в России / Т. В. Худойкина, В. Ф. Левин, А. А. Брыждинский. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 190 с.
9. Телятицкая, Т. В. Борьба с семейным насилием на страже интересов семьи и общества / Т. В. Телятицкая // Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. в 3 т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2017. – Т. 3. – С. 285–288.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.09.2020

УДК 342.92

Алексей Александрович Бильдейко
нач. отдела прокуратуры Брестской области
по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов,
соискатель каф. конституционного права
Белорусского государственного университета
Aleksey Bildeiko
Head of Department of Office of the Prosecutor for Brest Region
of Supervision over Enforcement of the Law and Legality of Legal Acts
Applicant at the Department of the Constitutional Law of Belarusian State University
e-mail: procuraturabrest@tut.by

ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОЗДАЮЩИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Исследуется проблема отнесения случаев несоблюдения требований законодательства о закупках товаров (работ, услуг), совершенных по неосторожности, к правонарушениям, создающим условия для коррупции. Приводятся доводы о том, что для квалификации правонарушений как коррупционных либо создающих условия для коррупции необходимо доказывать умысел лиц, допустивших такие нарушения. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики и Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией».

Offences that Create the Conditions for Corruption in the Sphere of Procurement of Goods (Works, Services)

The article researches the problem of attributing cases of non-compliance with the requirements of the law on procurement of goods (works, services) committed by negligence to offences that create the conditions for corruption. It is argued that in order to qualify offences as corruption or creating the conditions for corruption it is necessary to prove the intent of the persons who committed such violations. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve law enforcement practice and the Law of the Republic of Belarus «On Fight Against Corruption».

Введение

Наполеону Бонапарту якобы принадлежат слова, которые в современном мире называют «Бритвой Хэнлона»: не приписывайте злонамеренности то, что вполне объясняется некомпетентностью. В окружающем мире мы можем видеть огромное количество фактов, первым объяснением которых приходит на ум чей-то злой умысел. Однако при их проверке оказывается, что никакого умысла нет, произошедшее явилось чередой ошибок либо обычного стечения обстоятельств. Более того, с точки зрения права мало заподозрить умысел, необходимо его в установленном порядке доказать.

Зачастую правоохранители, контролеры, установив нарушение законодательства о закупках, спешат квалифицировать его как коррупционное проявление. Вместе с тем далеко не каждый факт нарушения в данной сфере свидетельствует о коррупции, однако общественное мнение формируется таким образом, что практически все нарушители

порядка проведения процедур закупок видятся коррупционерами, «распиливающими» бюджетные деньги.

Вопросам борьбы с коррупцией в сфере закупок посвящено огромное количество исследований на постсоветском пространстве, в Республике Беларусь данная проблематика отражена в публикациях как ученых (Ю. А. Амельчя, Г. А. Василевич, В. М. Хомич), так и практических работников (А. Л. Белицкий, М. В. Бенсман, А. В. Богатко, Г. В. Гончарова, О. Г. Карпиеня, А. В. Конюк). Вместе с тем в нашей стране исследования, посвященные разграничению нарушений в сфере закупок, относящихся к создающим условия для коррупции и не являющихся таковыми, не проводились.

На международном уровне в понимании и определении коррупции отсутствует единство, но во всех основных международных правовых актах отражен ключевой признак коррупции – использование лицом

своего служебного положения и связанных с ним возможностей (статуса, авторитета занимаемой должности) для неправомерного получения выгоды материального или нематериального характера (в личных целях, в целях третьих лиц или групп), а также подкуп этого лица [1, с. 11; 2, с. 520; 3, с. 68]. Данный подход к определению понятия «коррупция» нашел закрепление в аб. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [4] (далее – Закон «О борьбе с коррупцией»).

Таким образом, коррупция – незаконное использование субъектом своего статусного положения и должностного авторитета вопреки законным интересам общества, государства и граждан в целях получения частной выгоды. Главное, чтобы были установлены: а) субъект активного коррупционного действия или бездействия, б) связь совершенного деяния со служебным положением субъекта, в) цели и корыстная мотивация коррупционного поведения, г) наличие прямого умысла [5, с. 61–62]. Именно личная выгода (личный интерес) должностного лица при осуществлении служебных полномочий предопределяет коррупционную деятельность [6, с. 46]. Таким образом, признаками субъективной стороны коррупции являются прямой умысел и цель получения выгоды [1, с. 17; 7, с. 43].

Неисследованным, но крайне важным для правоприменителей является вопрос отнесения всех нарушений порядка проведения процедур закупок к правонарушениям, создающим условия для коррупции, независимо от формы вины лиц, их допустивших.

Согласно аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией», к правонарушениям, создающим условия для коррупции, отнесены нарушения государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок.

В законодательстве не дано четкого определения понятию «правонарушение, создающее условия для коррупции», не названы его субъективные признаки, что вызывает определенные проблемы при правоприменении. В частности, достаточно распространенной среди прокурорских работников является точка зрения, что любое нарушение законодательства, регламентирую-

щего порядок проведения закупок, можно квалифицировать как вышеуказанное правонарушение.

Например, прокуратурой Любанского района Минской области по результатам проверки ГУО «Л.» установлено, что при наличии разработанных и утвержденных годовых планов государственных закупок такие планы на официальном сайте размещены не были, что квалифицировано как правонарушение, создающее условия для коррупции [8, с. 12]. Другой пример: в отделе образования, спорта и туризма Смолевичского райисполкома при закупке предметов мебели проведена процедура государственной закупки в форме электронного аукциона вместо открытого конкурса, который предусматривает более продолжительные сроки для подготовки и подачи предложений участниками, что квалифицировано как правонарушение, создающее условия для коррупции [8, с. 13]. Или такая ситуация: в ОАО «М.» путем проведения процедуры закупки в виде оформления запроса ценовых предложений заключен договор на поставку проводов на сумму 4 000 базовых величин, несмотря на то, что порядком о закупках ОАО «М.» определено, что закупки товаров (работ, услуг) за счет собственных средств на сумму свыше 3 000 базовых величин необходимо осуществлять путем проведения открытого конкурса. Прокуратурой г. Минска действия членов конкурсной комиссии при проведении вышеуказанных процедур закупок квалифицированы как правонарушения, создающие условия для коррупции, предусмотренные абзацем 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией» [9].

Квалификация подобных деяний как правонарушений, создающих условия для коррупции, возможна только после доказывания умысла на их совершение. Авторами комментария к Закону «О борьбе с коррупцией», подготовленного сотрудниками Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, высказано мнение, что правонарушения, создающие условия для коррупции, – это в основном правонарушения деликты, основанные на использовании служебного положения и связанных с ним возможностей, которые совершаются хотя и вопреки интересам службы, но не на основе корыст-

ного или иного личного мотива злоупотребления служебным положением. Следовательно, отличием от собственно коррупционных правонарушений является отсутствие определенного криминогенного результата, обозначающего наличие подкупа или корыстного злоупотребления [10, с. 16], являющегося признаком коррупционных правонарушений, предусмотренных ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией». Таким образом, хотя это прямо не указано авторами вышеуказанного комментария, можно сделать вывод об их позиции о том, что правонарушения, создающие условия для коррупции, как и коррупционные правонарушения, могут быть совершены только умышленно.

Безусловно, необходимость доказывания умысла для квалификации правонарушения в сфере закупок как создающего условия для коррупции вызывает серьезные затруднения у сотрудников правоохранительных органов, так как подобные деяния обладают высокой латентностью, возможности доказывания сговора, личной заинтересованности крайне ограничены. Однако проведение тщательных проверок обязательно для понимания причин допущенных нарушений, так как без их установления сложно определить «арсенал» мер, направленных на их устранение.

Например, встречаются случаи заключения должностными лицами организаций договоров на условиях, невыгодных для заказчика, либо непринятия мер по взысканию с недобросовестных контрагентов штрафных санкций за неисполнение ими заключенных договоров. Однако при рассмотрении каждого такого случая неизменно встает вопрос: как отличить, действительно ли имеет место коррупционное правонарушение, или заключение договора на таких условиях на момент принятия соответствующего решения являлось выгодным и необходимым для заказчика? Был ли отказ от взыскания штрафных санкций коррупционным правонарушением или он являлся следствием необходимости сохранения отношений с крупным и надежным, а нередко и единственным имеющимся поставщиком? И формальный подход к отношениям с контрагентами, выразившийся во взыскании штрафных санкций, вместо пользы повлек бы разрыв отношений с партнером и в перспективе – серьезные убытки для предприятия. По ука-

занной причине справедливо отмечается, что без оценки в совокупности всех условий, в которых находилась организация на момент принятия таких решений, невозможно в действительности установить подлинное наличие правонарушений в действиях должностных лиц [11, с. 103].

Действительно, даже самое незначительное нарушение в сфере закупок, например, связанное с неразмещением или несвоевременным размещением информации в сети Интернет, может быть расценено как коррупционное, так как такое неразмещение информации ограничивает возможности потенциальных участников своевременно подать заявку на участие в процедуре закупки или направить в уполномоченный орган жалобу о нарушении законодательства. Однако справедливо отмечается сотрудником управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что любое нарушение закона в сфере закупок можно считать коррупционным, если оно направлено на ограничение конкуренции с целью провести к победе в процедуре закупки аффилированную к заказчику организацию [12, с. 175], при этом следует уточнить, что в данном случае важен не сам факт «приведения к победе» в конкурентной процедуре закупки «нужного» поставщика, а факт ограничения конкуренции, что может быть осуществлено и путем незаконного проведения процедуры закупки из одного источника либо заключения договора без какой-либо процедуры.

С одной стороны, выделение вышеуказанным исследователем конкретной цели, безусловно, свидетельствует только об умышленном характере деяний нарушителя, соответственно, отнесение их к правонарушениям, создающим условия для коррупции, возможно при наличии достаточных доказательств умысла.

С другой стороны, обозначенная ситуация, при которой заказчик с участниками закупок находится в «особых» отношениях (конфликт интересов), свидетельствует о его личной заинтересованности, однако возможность получения доказательств такой аффилированности без применения средств и методов оперативно-розыскной деятельности ограничена [13, с. 20]. Вместе с тем сложности в доказывании не могут являться

аргументами в пользу того, что умысел (сговор) подтверждать не нужно, а для квалификации правонарушения как создающего условия для коррупции достаточно констатации факта нарушения законодательства. Следует исходить из базового принципа права «недоказанная виновность равна доказанной невинности», который применим и к рассматриваемой категории правонарушений.

Именно по форме вины в научной литературе предлагается классифицировать нарушения в сфере закупок. Первая группа из наиболее распространенных способов представляет собой умышленное предоставление в том или ином виде преимуществ «избранным» хозяйствующим субъектам. Реализуется это, как правило, путем искусственного создания препятствий для «нежелательного» круга участников торгов. Вторая по числу выявленных фактов группа нарушений является следствием скорее неумения и нежелания должным образом организовать работу по обеспечению государственных нужд, несмотря на предоставленные возможности [14, с. 34–35]. Украинские исследователи предлагают выделить еще одну группу – нарушения, которых нельзя избежать [15, с. 37]. Выявление и отмена именно таких норм, ставящих заказчика в безвыходное положение, вынуждающее допустить нарушение порядка проведения процедур закупок, иначе он не сможет соблюсти сроки освоения бюджетных средств либо ему придется останавливать производство, является важнейшей задачей в процессе совершенствования законодательства о закупках.

Следовательно, нарушения, допускаемые заказчиком, могут свидетельствовать не только о коррупционных и иных злоупотреблениях при осуществлении закупок, но и о том, что лицо, вовлеченное в закупочный процесс:

- 1) не знало установленного порядка осуществления закупок;
- 2) было осведомлено об установленном порядке осуществления закупок, но нарушило его в силу небрежного отношения к исполнению своих обязанностей;
- 3) было осведомлено об установленном порядке осуществления закупок и умышленно нарушило этот порядок, считая его

чрезмерно сложным, запутанным и нецелесообразным [16].

Таким образом, помимо нарушений, обусловленных коррупционными проявлениями со стороны должностных лиц, имеется еще большая группа деяний, хотя и являющихся противоправными, но не умышленными (злонамеренными). Несмотря на то, что для квалификации таких деяний как административные правонарушения по частям 4 и 5 ст. 11.16, ст. 11.77, ст. 21.17 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [17] (далее – КоАП) не имеет значения форма вины (они могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности), для признания их правонарушениями, создающими условия для коррупции, данный вопрос видится крайне важным. На умышленные коррупционные проявления нужна жесткая реакция государства, зачастую выражающаяся в применении мер уголовно-правовой репрессии, отстранении от должностей виновных лиц. Вместе с тем реагирование в отношении лиц, допустивших нарушения ввиду слабого знания сложного законодательства о закупках, должно быть осуществлено иным способом, стимулирующим скорейшее их обучение.

При этом следует иметь в виду, что коррупционные деяния эволюционируют, коррупционеры постоянно «совершенствуют» свои навыки в умении «обойти» закон, а это требует постоянного законодательного обновления мер по противодействию коррупции [18, с. 30]. По этой причине законодательство, в первую очередь, должно быть нацелено на борьбу с коррупционными проявлениями в сфере закупок, причиняющими существенный вред государственным и общественным интересам, а не с процедурными упущениями при оформлении документации. Ставить знак равенства между такими деяниями и относить их всех к правонарушениям, создающим условия для коррупции, представляется явно несправедливым. К тому же сотрудники правоохранительных органов не будут заинтересованы в выявлении существенных фактов коррупции, являющихся крайне сложными для документирования, а отчетные показатели будут выполнять за счет незначительных нарушений порядка проведения процедур закупок. Такой подход наряду с чрезмерной регламентацией и установлением жестких пра-

вил для системы закупок чреватой снижением эффективности ее функционирования по сравнению с системой, основанной на гибкой совокупности методических указаний, так как субъекты системы закупок в большинстве своем стали экспертами по процедурным вопросам, а не по закупкам со знанием рынка и закупаемого товара [19, с. 45]. Действительно, если работники будут понимать, что любое их нарушение в закупочном процессе квалифицируется как правонарушение, создающее условие для коррупции, они будут принимать максимальные усилия по изучению формальной стороны проведения и оформления результатов процедур закупок, при этом конечный результат (приобретение качественного товара (работ, услуг) по оптимальной цене) уйдет на дальний план.

Белорусскими и зарубежными исследователями приводятся многочисленные примеры, когда представители заказчиков придумывают такие тонкие препятствия для победы в процедурах государственных закупок иных, помимо «своих», участников. Например, заказчик «спрятал» в составе полиэтилена для упаковки многомиллиардного (в российских рублях) оборудования, т. е. к упаковке были предъявлены такие хитрые требования, которые мог удовлетворить только один поставщик. В закупках в сфере дорожного строительства установлено хитро спрятанное требование к форме песчинок [20, с. 44]. Тендерная документация на получение контракта на издание учебника предусматривала использование специальной бумаги, однако по итогам расследования выяснилось, что реальной необходимости в этом не было и что только один привилегированный участник тендера имел доступ к такой бумаге [21, с. 384–385]. Таких примеров можно приводить значительное количество. Важно понимать, что выявление одной подобной коррупционной схемы, связанной с причинением значительного ущерба, гораздо важнее для экономической безопасности государства, чем десятки выявленных процедурных нарушений при осуществлении закупок, не повлекших ограничение конкуренции либо излишнее расходование бюджетных средств.

Следует иметь в виду, что в п. 1 ст. 12 Модельного закона о борьбе с коррупцией, принятого 03.04.1999 на заседании Меж-

парламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, перечислены правонарушения, создающие условия для коррупции [6, с. 442–454], однако нарушение установленного законодательством порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок как отдельный вид вышеуказанных правонарушений не выделен. Не обособлен такой вид правонарушений в отдельную группу и в российском законодательстве. Может быть, в связи с этим некоторые российские исследователи высказывают мнение, что коррупционная составляющая в механизме закупочных процедур подразумевает противоправное отчуждение части бюджетных средств в пользу представителей государственного аппарата, ответственных за организацию и проведение закупки, либо в пользу недобросовестных предпринимателей, не осваивающих эти средства согласно их целевому назначению [22, с. 37]. Очевидно, что возможные коррупционные проявления в сфере закупок гораздо шире, чем взяточничество и хищения, которые, конечно, являются наиболее опасными, но далеко не единственными формами противоправной деятельности в закупочном процессе.

Таким образом, можно предположить, что белорусский законодатель вводил аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией» в качестве определенного эксперимента. В учебном пособии под редакцией Генерального прокурора Республики Беларусь А. В. Конюка указывается, что само по себе нарушение установленных законодательством процедур закупок не содержит базовых компонентов (признаков) коррупции (наличие подкупа, корыстного или иного личностно-группового мотива злоупотребления), однако нарушение установленных законодательством процедур закупок является правонарушающим деянием, которое может выступать либо в качестве предпосылки для учинения акта коррупции, либо в качестве предмета коррупционного сговора [23, с. 166].

Исходя из анализа практики прокурорского надзора по выявлению правонарушений, создающих условия для коррупции в сфере закупок, можно сделать вывод, что данные проявления квалифицируются путем применения иных абзацев ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией», помимо абзаца 12.

1. Оказание при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот и привилегий или оказание содействия в их предоставлении (аб. 3).

2. Использование во внеслужебных интересах информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, полученной при исполнении им служебных (трудовых) обязанностей (аб. 6).

3. Отказ в предоставлении информации физическим или юридическим лицам, предоставление которой этим лицам предусмотрено актами законодательства, умышленное несвоевременное ее предоставление или предоставление неполной либо недостоверной информации (аб. 7).

4. Требование от физических или юридических лиц информации, в том числе документов, предоставление которой не предусмотрено актами законодательства (аб. 8).

5. Создание препятствий физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов (аб. 10).

Вышеперечисленные составы правонарушений, создающих условия для коррупции, применимы для квалификации противоправных деяний во всех отраслях жизнедеятельности общества. Если следовать логике законодателя, нужно отдельными абзацами ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией» предусмотреть в качестве самостоятельных правонарушений, создающих условия для коррупции, например, нарушения порядка распоряжения бюджетными средствами; при заключении и исполнении инвестиционных договоров. Маловероятно, что кто-нибудь сможет аргументированно возразить, почему вышеперечисленные сферы экономики не так значимы и менее подвержены коррупционным проявлениям, чем сфера закупок. Представляется важным для квалификации деяния как правонарушения, создающего условия для коррупции, доказать, что должностное лицо умышленно, например, незаконно создало препятствие физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов, а в какой сфере оно совершено (закупки, распределения бюджетных средств, выдаче лицензий, выделении земельных участков и т. д.) – для квалификации значения не имеет.

В результате одни и те же правонарушения прокурорами квалифицируются по-разному. Приведем пример с дачей оценки неразмещению (несвоевременному размещению) плана государственных закупок. Существуют три подхода к квалификации таких правонарушений:

1) умышленное несвоевременное предоставление или предоставление неполной либо недостоверной информации, предоставление которой этим лицам предусмотрено актами законодательства (аб. 7 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией»);

2) создание препятствий физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов (аб. 10 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией»);

3) нарушение установленного актами законодательства порядка проведения процедур закупок (аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией»).

Очевидно, что если прокурорами получены доказательства умышленных действий должностных лиц заказчика, то они квалифицируются по аб. 7 и 10 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией», а если доказательства отсутствуют, то, как правило, – по аб. 12 вышеуказанной нормы.

Таким образом, представляется возможным предложить рассмотреть вопрос об исключении аб. 12 ч. 1 ст. 25 из Закона «О борьбе с коррупцией». Такое решение не создаст никаких проблем правоприменителям при квалификации коррупционных проявлений в сфере закупок, так как такие действия можно (и нужно) квалифицировать по другим абзацам ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией». Более того, правоприменители вынуждены будут проводить качественные проверочные мероприятия и указывать, каким именно образом коррупционное проявление в сфере закупок создало условия для коррупции, не ограничиваясь, как в настоящее время, простой констатацией факта нарушения.

Следует остановиться еще на одном аспекте отнесения всех нарушений в сфере закупок к правонарушениям, создающим условия для коррупции. В соответствии со ст. 12 Закона «О борьбе с коррупцией» Генеральной прокуратурой Республики Беларусь ведутся единые банки данных о состоянии борьбы с коррупцией. В частности, в них содержится раздел «Факты наруше-

ний антикоррупционного законодательства», в котором помещаются сведения о лицах, совершивших дисциплинарные проступки, и примененных к ним мерах ответственности за коррупционные правонарушения или правонарушения, создающие условия для коррупции. Все прокуратуры в обязательном порядке обязаны вносить сведения о коррупционных правонарушениях и нарушениях антикоррупционного законодательства в соответствующую информационную систему в целях создания единого республиканского банка данных [10, с. 139].

Согласно п. 2 Инструкции о порядке заполнения регистрационной карточки о фактах нарушений антикоррупционного законодательства, не повлекших уголовной и административной ответственности, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 22.01.2018 № 1, основанием для заполнения соответствующей карточки, помещаемой в банк данных, является наличие надлежаще подтвержденной информации о факте нарушения антикоррупционного законодательства (в том числе о правонарушении, создающем условия для коррупции), за совершение которого лицо не подлежит привлечению к уголовной и административной ответственности [24].

В настоящее время в банк данных о состоянии борьбы с коррупцией помещаются сведения в том числе о нарушениях порядка проведения процедур закупок, совершенных по неосторожности (точнее — где умысел не доказан), квалифицированных по аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией». Если должностное лицо ввиду загруженности иной работой на несколько дней позже разместило информацию о процедуре закупки на официальном сайте в глобальной компьютерной сети Интернет либо допустило незначительную ошибку при подготовке приглашения к участию в процедуре закупки ввиду недостаточного опыта работы, то такие деяния, будучи помещенными в банк данных о состоянии борьбы с коррупцией, не способствуют формированию объективной картины коррупционных проявлений в нашей стране, т. к. она размывается за счет иных деяний, доказательств отнесения которых к коррупционным не имеется.

Еще один момент, на который следует обратить внимание: в банк данных о состоя-

нии борьбы с коррупцией помещается информация о правонарушении, создающем условия для коррупции, за совершение которого лицо не подлежит привлечению к уголовной и административной ответственности. В Республике Беларусь за несоблюдение порядка проведения закупок товаров (работ, услуг) тремя статьями КоАП предусмотрена административная ответственность: части 4 и 5 ст. 11.16 (нарушения законодательства о государственных закупках), ст. 11.77 (нарушения законодательства о закупках за счет собственных средств), ст. 21.17 (нарушения законодательства о закупках при строительстве). В результате складывается достаточно противоречивая ситуация. Безусловно, целью непомещения в банк данных о борьбе с коррупцией сведений о правонарушениях, за которые виновные лица уже понесли административную и уголовную ответственность, является недопущение фактов дублирования информации об одних и тех же нарушениях в двух информационных системах: банке данных о состоянии борьбы с коррупцией и Едином государственном банке данных о правонарушениях (далее — ЕГБДП).

Такой подход не лишен недостатков. Например, должностное лицо очевидным образом «пролоббировало» интересы аффилированной структуры, допустив многочисленные нарушения требования законодательства о государственных закупках, повлекшие дополнительное расходование бюджетных средств. За такие действия данное лицо привлечено к административной ответственности по ч. 5 ст. 11.16 КоАП. Вместе с тем информация о совершении указанного правонарушения, очевидно, обладающая всеми признаками правонарушения, создающего условия для коррупции, в банк данных о состоянии борьбы с коррупцией помещена не будет, так как за его совершение лицо привлечено к административной ответственности. При этом в ЕГБДП будут помещены сведения о наложении на данное лицо административного взыскания, однако информация об обстоятельствах лоббирования интересов определенного участника и мотивации нарушителя в ЕГБДП не помещается.

С другой стороны, должностное лицо разместило на электронной торговой площадке протокол выбора участника-победи-

теля по результатам электронного аукциона не на первый, а на второй рабочий день после принятия решения. Прокурором ввиду малозначительности деяния принято решения не начинать административный процесс по ч. 4 ст. 11.16 КоАП, а в отношении виновного лица ограничиться объявлением ему официального предупреждения. В таком случае подобный факт должен быть квалифицирован как правонарушение, создающее условие для коррупции (аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией»), а т. к. он не повлек уголовной или административной ответственности, сведения о нем подлежат включению в банк данных о состоянии борьбы с коррупцией.

Приведенные примеры отражают определенные сложности, возникающие при квалификации нарушений законодательства о закупках, и избирательный подход к помещению сведений о них в банк данных о состоянии борьбы с коррупцией, что не позволяет сформировать четкую картину коррупционных проявлений.

Из изложенного может сложиться впечатление, что нарушения порядка проведения процедур закупок, совершенных по неосторожности, не считаются достаточно серьезными и требующими реагирования. Однако такие нарушения ввиду своей многочисленности создают серьезные проблемы в данной сфере. Так, в докладе по внутреннему рынку и состоянию конкуренции в государствах – членах Европейского союза от 2015 г. особо остро поставлены вопросы о коррупции при проведении государственных закупок, а также о невысоком уровне профессионализма со стороны заказчиков. Вторая из этих проблем наносит больший ущерб внутреннему рынку, чем первая. Согласно подсчету независимых экспертов, ущерб от коррупции составляет около 3,7 % от затрат на государственные нужды. Т. е.

при общей стоимости контрактов, опубликованных на уровне ЕС в 420 млрд евро, выходит, что потери от коррупции приближаются к 16 млрд евро. Если объединить ущерб от коррупции и от невысокого уровня профессионализма заказчиков, то доля коррупции составит всего 17 %, тогда как остальные 83 %, т. е. более 80 млрд евро, составят ущерб от невысокого уровня профессионализма заказчиков [25, с. 76–77]. По указанной причине вопрос повышения квалификации членов комиссий по закупкам, иных работников, задействованных в закупочном процессе, крайне актуален.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы.

Для квалификации нарушения установленного законодательством порядка проведения процедур закупок как правонарушения, создающего условия для коррупции, необходимо наличие достаточных доказательств, подтверждающих умышленный характер действий нарушителя.

Аб. 12 ч. 1 ст. 25 Закона «О борьбе с коррупцией» необходимо исключить. Правонарушения, создающие условия для коррупции в сфере закупок, в зависимости от характера действий квалифицировать по другим абзацам ч. 1 ст. 25 вышеуказанного Закона.

Основной акцент в борьбе с нарушениями законодательства о закупках следует сместить с карательной направленности на упрощение законодательного регулирования порядка проведения процедур закупок, повышение квалификации не только специалистов, но и руководителей, и их стимулирование за эффективное использование выделяемых на осуществление закупок денежных средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сабитов, Р. А. Противодействие коррупции и коррупционным правонарушениям в России / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 520 с.
2. Лунеев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – Изд. 2-е. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
3. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Проспект, 2020. – 384 с.

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Противодействие коррупции / И. В. Левакин [и др.] ; под ред. Е. В. Охотского. – 3-е изд. – М. : Юрайт, 2018. – 427 с.
6. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 503 с.
7. Спектор, Е. И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации / Е. И. Спектор // Журн. рос. права. – 2015. – № 8. – С. 40–46.
8. Белицкий, А. Л. Деятельность прокурора по обеспечению законности в сфере закупок товаров (работ, услуг) / А. Л. Белицкий // Законность и правопорядок. – 2015. – № 4. – С. 11–15.
9. Борискин, С. Г. Типичные нарушения при проведении процедур закупок и их квалификация с позиции требований антикоррупционного законодательства [Электронный ресурс] : по состоянию на 29 авг. 2017 г. / С. Г. Борискин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / А. В. Барков [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 603 с.
11. Бенсман, М. В. Коррупционные проявления в сфере закупок / М. В. Бенсман // Планово-экон. отд. – 2015. – № 1. – С. 102–105.
12. Тухватуллин, Т. А. Нарушения закона о государственных и муниципальных закупках – основной коррупционный фактор в экономической сфере / Т. А. Тухватуллин // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы : сб. ст. ; под ред. А. И. Долговой. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2015. – С. 173–178.
13. Васенин, В. А. Противодействие коррупции в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / В. А. Васенин // Законность. – 2017. – № 9. – С. 17–21.
14. Скосырская, Ю. В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Скосырская. – М., 2011. – 211 л.
15. Черней, А. В. Адміністративна відповідальність під час здійснення державних закупівель : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / А. В. Черней. – Запоріжжя, 2015. – 189 арк.
16. Киеня, Р. В. Противодействие коррупции при осуществлении закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств [Электронный ресурс] : по сост. на 29.08.2013 г. / Р. В. Киеня // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
17. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
18. Василевич, Г. А. Зарубежный опыт противодействия коррупции в публичной сфере / Г. А. Василевич // Проблемы управления. – 2018. – № 2. – С. 29–36.
19. Кандыбко, Н. В. Правовое обеспечение и институциональные основы государственных закупок в Республике Беларусь / Н. В. Кандыбко, В. В. Семкин // Рос. следователь. – 2017. – № 6. – С. 42–46.
20. Изутова, О. В. Конкуренция и экономия стремятся к нулю / О. В. Изутова // Бюджет. – 2018. – № 12. – С. 43–45.
21. Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана. – М. : Альпина Паблишерз, 2010. – 551 с.
22. Шурпаев, Ш. М. О взаимосвязи коррупционных проявлений в сфере осуществления государственных закупок с причинением вреда интересам личности, общества и государства при ненадлежащем исполнении государственных контрактов / Ш. М. Шурпаев // Юрист. – 2017. – № 2. – С. 37–40.

23. Противодействие коррупции / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

24. О порядке функционирования информационного блока «Факты нарушений антикоррупционного законодательства, не повлекших уголовной и административной ответственности» ЕАИС [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Респ. Беларусь, 22 янв. 2018 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

25. Камалян, А. М. Правовое регулирование государственных закупок в Европейском союзе и в других организациях / А. М. Камалян. – М. : Проспект, 2020. – 160 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.07.2020

УДК 328.185/343.9/35/378

Вадим Иванович Резюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Vadim Rezyuk

*Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: rezyuk@tut.by

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

В контексте нормативно-правового аспекта формирования компетенций антикоррупционного характера раскрыты содержание сферы государственного управления, связь с системой образования, особенности и проблемы при подготовке кадров для сферы государственного управления, в том числе связанные с формированием компетенций антикоррупционного характера, обозначены пути их решения.

Preparation of Personnel for the State of Governance: Regulatory and Legal Aspect of Formation of Competencies of Anti-Corruption Character

The article discusses the Preparation of Personnel for the State of Governance. The author of the article reveals the contents of the sphere of public administration, the relationship with the education system, the features and problems of the normative legal regulation of the formation of anti-corruption competencies in the training of personnel for the State of Governance, and indicates ways to solve them.

Введение

На работников и служащих сферы государственного управления возложена повышенная социальная ответственность по борьбе с коррупцией, ее предупреждением и профилактикой.

Результативность этой деятельности непосредственно зависит от качества подготовки кадров для различных направлений государственного управления, уровня знаний, умений руководителя, его готовности применять их на практике при реагировании на коррупционные вызовы.

В последнее время меры по борьбе с коррупцией являются одной из самых обсуждаемых в юриспруденции тем. Анализ научных публикаций, посвященных проблеме коррупции, показывает, что в них в большей степени рассматриваются вопросы борьбы с отдельными внешними проявлениями [1, с. 20]. Очевидно, что необходим гораздо более широкий взгляд на антикоррупционную работу. В этом плане следует согласиться с мнением белорусского ученого В. П. Шиенка, который исследуя методологические основы предупреждения коррупции, отмечает, что приоритетное значение имеет ранняя диагностика коррупции. К числу признаков, позволяющих это осу-

ществить, относятся, в частности, нездоровый карьеризм, при котором продвижение по службе рассматривается в качестве главной цели карьеры, а не как закономерный результат честной работы, приоритет личных корыстных интересов над служебными интересами в процессе выполнения своих должностных обязанностей, существование неформальных групп сотрудников, сформировавшихся по мотивам взаимной поддержки карьерного роста, иной личной заинтересованности (коррупционно-бюрократических групп) [1, с. 23].

Такие ранние проявления предрасположенности к коррупции (или факторы, отражающие ее повышенную вероятность) становятся заметными при наличии у руководителя необходимых компетенций антикоррупционного характера, а с учетом его руководящих полномочий реагирование на них возможно до реализации подчиненными, иными лицами коррупционных замыслов, т. е. внешнего обострения проблемы и ее перехода в том числе в криминальную плоскость.

Есть все основания отметить меры по противодействию коррупции, осуществляемые в рамках отдельного направления управленческой работы современного руко-

водителя: качественное управление и эффективная общая профилактика коррупции в конкретных организациях являются взаимосвязанными системами [2, с. 103, 105]. Так, в частности, в Беларуси руководитель государственной организации является председателем комиссии по противодействию коррупции, также он принимает кадровые решения о назначениях и о мерах в отношении подчиненных, совершивших деяния коррупционного характера. Наличие компетенций антикоррупционного характера у руководителя является условием эффективного управления по указанным направлениям.

Нормативно-правовая база является фундаментом последующего эффективного антикоррупционного регулирования при выполнении функций государственного управления, при этом как отношений внутри коллектива, так и отношений с подчиненными и иными связанными с органом и организацией по государственному управлению субъектами, в т. ч. гражданами. Все это в комплексе обуславливает научно-практический интерес к подготовке кадров для сферы государственного управления и непосредственно к нормативно-правовому аспекту формирования компетенций антикоррупционного характера.

Подготовка кадров для сферы государственного управления урегулирована на нормативно-правовом уровне. Отдельные положения законодательных актов устанавливают, помимо прочего, формирование компетенций антикоррупционного характера по результатам соответствующего обучения будущего руководителя.

Сфера государственного управления – это регламентированная нормативными правовыми актами деятельность уполномоченных субъектов, связанная с выполнением отдельных функций государства. Данная сфера характеризуется повышенным социальным и государственным значением, а также спецификой осуществления соответствующих ей видов деятельности.

Государственное управление охватывает виды деятельности, выполняемые, как правило, органами государственного управления (хотя не исключается выполнение некоторых видов деятельности и негосу-

дарственными организациями) и включает следующие группы видов деятельности.

1. Государственное управление общего характера, управление в социально-экономической сфере (общее государственное управление, т. е. деятельность органов исполнительной, законодательной власти, а также регулирование в социально-экономической сфере), охватывающее:

1) государственное управление общего характера:

а) деятельность центральных органов исполнительной и законодательной власти;

б) деятельность исполнительных и распорядительных органов, органов самоуправления областного территориального уровня;

в) деятельность исполнительных и распорядительных органов, органов самоуправления базового территориального уровня;

г) деятельность исполнительных и распорядительных органов, органов самоуправления первичного территориального уровня;

д) управление бюджетно-налоговой сферой;

е) таможенная деятельность;

ж) деятельность в области общегосударственного социально-экономического планирования, прогнозирования и статистики;

з) прочие услуги государственного управления общего характера (руководство политикой в области общих фундаментальных исследований, обеспечение функционирования и руководства социологическими службами, деятельность в области централизованных государственных закупок и снабжения и др.);

2) управление социальными программами (государственное управление программами, которые направлены на повышение личного благосостояния в области здравоохранения, физической культуры и спорта, отдыха, охраны окружающей среды, жилищного строительства, предоставления социальных услуг, а также руководство, обеспечение функционирования, контроль за деятельностью организаций образования, здравоохранения, финансовую поддержку культуры и отдыха, руководство программами по защите окружающей среды и др.);

3) регулирование и содействие эффективному ведению экономической деятельности (государственное управление и регулирование, включая выделение субсидий в таких секторах экономики, как сельское,

лесное и рыбное хозяйство; землепользование; использование топливно-энергетических и минеральных ресурсов; транспорт; связь; гостиничный бизнес; туризм; торговля, а также руководство вопросами развития транспортной инфраструктуры (строительства автомобильных и железных дорог, развития водного и воздушного сообщений), деятельность организаций по стандартизации, патентных органов и других организаций в сфере защиты прав интеллектуальной собственности и др.).

2. Предоставление услуг обществу в целом (деятельность, связанная с реализацией внешней политики, государственной обороной, обеспечением общественного порядка и безопасности), охватывающее:

1) международную деятельность (функционирование Министерства иностранных дел Республики Беларусь, руководство деятельностью дипломатических представительств, консульских учреждений, управление внешней торговлей и др.);

2) оборонную деятельность (руководство, контроль и регулирование вопросов, связанных с национальной обороной, а также с деятельностью вооруженных сил (боевых частей сухопутных и военно-воздушных сил, инженерных, транспортных войск, связи, разведки, медицинское обслуживание личного состава вооруженных сил и др.), руководство, контроль и обеспечение деятельности гражданской обороны, проведение учений с привлечением населения, гражданских организаций и др.);

3) деятельность в области юстиции и правосудия:

а) связанная с судами (обеспечение функционирования судебной системы, вынесение судебных решений и др.);

б) деятельность органов прокуратуры (надзор за законностью правосудия);

в) управление тюрьмами;

4) деятельность по обеспечению общественного порядка и безопасности (управление и обеспечение функционирования органов внутренних дел, внутренних войск, органов государственной безопасности, органов пограничной службы, регулирование дорожного движения, регистрация иностранных граждан и др., а также обеспечение населения товарами первой необходимости в случаях чрезвычайных ситуаций в мирное время);

5) деятельность по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях (управление и обеспечение функционирования регулярных и вспомогательных пожарных и аварийно-спасательных служб, финансируемых государственными властями, в области предупреждения и тушения пожаров, спасения людей и животных, оказания помощи при стихийных бедствиях и др.).

3. Деятельность в области обязательного социального страхования (финансирование и управление предоставляемых государством программ обязательного социального страхования (страхование от несчастных случаев на производстве, профессиональных заболеваний, выплаты пенсий по возрасту, инвалидности, за выслугу лет, в соответствии с социальными программами в случае сокращения или утраты дохода из-за временной нетрудоспособности и др.)) [3].

Логично, что большое внимание уделяется подготовке кадров для сферы государственного управления.

Соответствующие субъекты (органы, организации) могут выступить заказчиками кадров, в установленном законом порядке заявив о соответствующей кадровой потребности путем подачи заявки на подготовку специалиста, служащего или путем заключения договора [4].

В последующем соответствующей образовательной организацией, ставшей стороной такого договора, с учетом условий этого договора осуществляется подготовка специалиста – кадровой единицы для сферы государственного управления.

Возможна подготовка и по инициативе самого лица, прошедшего конкурсный отбор для поступления в образовательное учреждение. При этом подготовка такого специалиста может быть как за счет бюджета, так и за счет его личных средств.

Однако если в первом случае специалист поступает в распоряжение органа, организации его направивших, то во втором – дипломированному специалисту необходимо пройти определенные процедуры, связанные с обращением в качестве кандидата на должность, последующим отбором кадров.

Подготовка кадров для сферы государственного управления осуществляется в разных образовательных учреждениях по различным специальностям разных ступеней высшего образования. К специально-

стям первой ступени относятся «Правоведение», «Государственное строительство» и др.

К специальностям второй ступени относятся «Ликвидация чрезвычайных ситуаций и гражданская оборона» и др. Объединяет эти специальности то, что среди возможных сфер профессиональной деятельности лиц, получивших образование, выделяется сфера государственного управления, а также то, что подобное свойство характерно лишь некоторым специальностям высшего образования.

Право подготовки кадров для сферы государственного управления по некоторым специальностям осуществляется исключительно в конкретном образовательном учреждении (например, в Военной академии Республики Беларусь) [5].

Таким образом, следует констатировать, что на нормативном правовом уровне реализована связь сферы государственного управления и системы образования, при этом существует определенная вариативность специальностей, по которым осуществляется подготовка кадров для сферы государственного управления, некоторая ограниченность которых обусловлена спецификой государственной управленческой деятельности как таковой.

Чертой современного специалиста является его компетентность – выраженная способность применять свои знания и умения, которая достигается путем приобретения компетенций (знаний, умений, опыта и личностных качеств, необходимых для решения как теоретических, так и практических задач). Подготовленный специалист должен обладать рядом академических, социально-личностных и профессиональных компетенций. Компетенция охватывает те знания, умения, опыт и личностные качества, которые необходимы для решения теоретических и практических задач [6].

В системе образования Республики Беларусь реализован компетентностный подход, в т. ч. при подготовке кадров для сферы государственного управления, являющийся передовым решением мировой практики на современном этапе развития.

По мнению А. В. Макарова и В. Т. Фебина, компетентностный подход не просто приобрел характер массового феномена – он отвечает современным вызовам в развитии общества, а при проектировании обра-

зовательных стандартов нового поколения в компетентностном формате была обеспечена преемственность в функционировании и развитии национальной системы образования [7, с. 30, 42].

Система мер по борьбе с коррупцией охватывает широкий круг направлений деятельности, среди которых выделяется антикоррупционное обучение лиц, обучающихся в учреждениях образования [8].

Действующая нормативная правовая база позволяет учитывать специальность обучающихся, специфику их (будущей) профессиональной деятельности: например, вопросы классификации признаков и причин коррупции, понятия коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, актуальны для всех обучающихся, отдельные специфичные вопросы антикоррупционного регулирования касаются, соответственно, будущих педагогов, менеджеров-экономистов, офицеров вооруженных сил и других воинских формирований [5; 9, с. 4; 10, с. 4].

Системообразующее место в системе подготовки руководящих кадров занимает первая ступень высшего образования. В настоящее время в изучаемые обучающимися по различным специальностям первой ступени высшего образования дисциплины включены «Коррупция и ее общественная опасность», «Противодействие коррупции», при освоении которыми осуществляется формирование компетенций антикоррупционного характера.

Дисциплина «Коррупция и ее общественная опасность» изучается студентами большей части неюридических специальностей. При этом, если требования к знаниям и умениям и к тому, чем, должны овладеть студенты, могут содержать отдельные положения антикоррупционного характера, то непосредственно закрепленные в образовательных стандартах компетенции, которые должны быть сформированы у лиц, получивших образование по этим специальностям, имеют общий по отношению к вопросам антикоррупционного регулирования характер. Например, должны быть сформированы академические компетенции, имеющие определенный антикоррупционный потенциал (уметь применять на практике базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач),

социально-личностные компетенции (обладать качествами гражданственности), профессиональные компетенции (организовывать работу малых коллективов исполнителей для достижения поставленных задач), но все они к вопросам антикоррупционного регулирования имеют исключительно общий характер [9, с. 5].

Во исполнение поручения Совета Министров Республики Беларусь от 07.11.2014 № 33/401-60 и в соответствии с п. 5 решения Республиканского координационного совещания по борьбе с коррупцией (протокол от 22.11.2014 № 14) Министерством образования была направлена типовая программа по учебной дисциплине «Противодействие коррупции» для студентов и слушателей направлений образования «Право», «Экономика», «Управление». В последующем за счет компонента учреждений высшего образования была введена дисциплина «Противодействие коррупции». С учетом динамики ряда факторов и показателей ее содержание уточнялось [10, с. 5–6]. Т. е. дисциплина «Противодействие коррупции» в обязательном порядке изучается по отдельным направлениям и специальностям при получении образования.

Как и требования к знаниям и умениям и к тому, чем должны овладеть студенты, могут содержать отдельные положения антикоррупционного характера, так и непосредственно закрепленные в образовательных стандартах компетенции, которые должны быть сформированы у лиц, получивших образование по этим специальностям, могут иметь, наряду с некоторыми компетенциями общего характера (в частности, обладать качествами гражданственности), также специальный антикоррупционный характер.

Например, среди профессиональных компетенций лиц, получивших образование по специальности «Правоведение» первой ступени высшего образования выделяется следующая: специалист в сфере прокурорской деятельности должен быть способен координировать правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений.

С позиции оценки норм действующего законодательства по борьбе с коррупцией, следует констатировать, что формированием компетенций антикоррупционного характера для первой ступени высшего образования на нормативном правовом уровне занимается лишь один государственный орган, осуществляющий борьбу с коррупцией, и это отражает только одно из направлений борьбы с коррупцией и не охватывает ряд других.

Немало лиц, получивших образование по специальности первой ступени высшего образования, а также действующих руководителей и иных специалистов в сфере государственного управления, продолжают получение образования и по другим специальностям, а также на следующей ступени высшего образования.

В первом случае (фактически при получении второго высшего образования или при переподготовке) формирование компетенций антикоррупционного характера происходит в процессе изучения дисциплин «Коррупция и ее общественная опасность» или «Противодействие коррупции» (в зависимости от специальности).

Во втором случае (при получении образования по специальности второй ступени высшего образования) осуществляется переход на новый уровень формирования компетенций антикоррупционного характера, также опирающийся на компетенции, приобретенные на первой ступени высшего образования.

Особое значение при подготовке кадров для сферы государственного управления имеют следующие специальности второй ступени высшего образования направления «Управление», предполагающие такую сферу профессиональной деятельности лица, получившего образование, как государственное управление: а) «Управление в социальных и экономических системах»; б) «Бизнес-администрирование»; в) «Менеджмент»; г) «Государственное управление и экономика»; д) «Государственное управление и право»; е) «Государственное управление» [11].

Согласно Образовательному стандарту высшего образования второй ступени (магистратура) по специальности «Государственное управление и право», применяемому всеми учреждениями высшего образования, осуществляющими подготовку обучающихся

по соответствующей указанной специальности программе, магистр должен обладать углубленными профессиональными и специализированными компетенциями.

Среди компетенций, которыми должен обладать магистр, получивший образование по специальности второй ступени высшего образования «Государственное управление и право», закреплена углубленная профессиональная компетенция: уметь осуществлять профилактику, выявлять факты, давать оценку и предпринимать меры по пресечению коррупционного поведения. Непосредственно формирование указанной компетенции обеспечивается модулем «Правовое регулирование государственного управления» и дисциплиной «Правовое обеспечение государственного управления и самоуправления». При этом среди требований к компетенциям лиц, получившим образование по другим специальностям второй ступени высшего образования по направлению «Управление», подобной специальной антикоррупционной компетенции нет [9]. В таких случаях предусмотрено формирование иных компетенций, но не более чем общего по отношению к вопросам антикоррупционного регулирования характера (владеть теоретическими и практическими навыками в области правового регулирования государственного управления и самоуправления для обеспечения соблюдения законности в деятельности государственных органов, организаций и субъектов хозяйствования, владеть методиками планирования и прогнозирования деятельности организации и др.).

С позиции оценки норм действующего законодательства о борьбе с коррупцией, а также с учетом мнения, что антикоррупционное регулирование (работа по предупреждению и профилактике коррупции и др.) является частью управленческой деятельности современного руководителя, следует констатировать, что формирование компетенций антикоррупционного характера на нормативном правовом уровне касается только одного направления управленческой работы (управление и право), и не охватывает другие, при сохранении большинства аналогичных актуальным проблем коррупционного характера, с которыми сталкивается современный руководитель.

Таким образом, рассмотрение подготовки кадров для сферы государственного управления, нормативно-правового аспекта формирования компетенций антикоррупционного характера позволяет раскрыть сущность сферы государственного управления, значение системы образования в подготовке кадров для этой сферы, а также обозначить пути формирования указанных компетенций, которые зависят от специальности, а также ступени получения образования.

Заключение

Рассмотрение подготовки кадров для сферы государственного управления и выделение нормативно-правового аспекта формирования компетенций антикоррупционного характера позволяет сделать следующие выводы:

1) создана нормативно-правовая база для подготовки кадров для сферы государственного управления, охватывающая ряд законодательных актов;

2) на нормативно-правовом уровне реализована связь сферы государственного управления и системы образования;

3) на нормативно-правовом уровне определен ограниченный круг специальностей, по которым осуществляется подготовка кадров для сферы государственного управления;

4) на нормативно-правовом уровне отражена определенная вариативность специальностей с учетом специфики направления государственного управления;

5) на нормативно-правовом уровне антикоррупционное обучение лиц, обучающихся в учреждениях образования, закреплено как часть системы мер по борьбе с коррупцией;

6) наличие общих (в основном), а также специальных (в некоторых случаях) компетенций антикоррупционного характера, которые должны быть сформированы у подготовленных кадровых единиц для сферы государственного управления.

Выделяются следующие проблемы непосредственно формирования компетенций антикоррупционного характера при подготовке кадров для сферы государственного управления.

1. Узкий характер нормативно закрепленных специальных компетенции антикоррупционного характера для первой ступени

высшего образования (на нормативном правовом уровне этим занимается только один государственный орган, осуществляющий борьбу с коррупцией, – прокуратура), при этом компетенция отражает лишь одно из направлений борьбы с коррупцией и не охватывает другие субъекты антикоррупционной деятельности (другие государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, и государственные органы и иные организации, участвующие в борьбе с коррупцией) и многообразии направлений их деятельности;

2. Узкий характер специальных компетенций антикоррупционного характера для второй ступени высшего образования (на нормативном правовом уровне это касается только одной специальности направления управленческой работы (управление и право) и не охватывает ряд других, при сохранении большинства аналогичных актуальных проблем коррупционного характера, с которыми сталкивается современный руководитель в сфере государственного управления).

С целью решения указанных проблем с учетом выделенных особенностей подготовки кадров для сферы государственного управления и в контексте нормативно-правового аспекта формирования компетенций антикоррупционного характера пред-

ставляется перспективным и необходимым следующее:

1) рассмотрение антикоррупционной деятельности как отдельного специфического направления и важной части управленческой работы;

2) дискуссия с участием теоретиков и практиков в области юриспруденции непосредственно по вопросам антикоррупционного регулирования, а также учебно-методического обеспечения образовательного процесса о совершенствовании процесса подготовки кадров для сферы государственного управления и формировании компетенций антикоррупционного характера, их значении, актуальных вопросах, путях решения проблем;

3) внесение изменений и дополнений в образовательные стандарты и закрепление антикоррупционных компетенций (антикоррупционной компетенции) для всех лиц, получающих образование, дающее право осуществлять профессиональную деятельность в сфере государственного управления.

В целом, указанное способно повысить результативность и эффективность борьбы, противодействия и профилактики коррупции, качество подготовки кадров для сферы государственного управления, а также устойчивость и глубину сформированных непосредственно компетенций антикоррупционного характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предвар. расследование. – 2017. – № 1. – С. 19–24.
2. Резюк, В. И. Противодействие коррупции в сфере физической культуры и спорта как отдельное направление управленческой работы / В. И. Резюк // Стратегічне управління розвитком фізичної культури і спорту : зб. наук. пр. – Харків : ХДАФК, 2020. – С. 103–106.
3. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 Виды экономической деятельности // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-3 : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Резюк, В. И. Содержание компетенций антикоррупционного характера: особенности при подготовке офицерских кадров вооруженных сил и других воинских формирований / В. И. Резюк // Актуальные проблемы психолого-педагогических и правовых компонентов образовательного процесса в военных вузах Республики Беларусь: материалы науч.-практ. конф., Минск, 20 марта 2020 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: А. Г. Тицкий [и др.]. – Минск, Воен. акад. Респ. Беларусь, 2020. – С. 70–73.

6. Об утверждении образовательных стандартов высшего образования I ступени [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 30 авг. 2013, № 88 : в ред. пост. М-ва образования Респ. Беларусь от 31.07.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Макаров, А. В. Проектирование и реализация стандартов высшего образования / А. В. Макаров, В. Т. Федин ; под ред. проф. А. В. Макарова. – Минск : РИВШ, 2013. – 316 с.

8. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Резюк, В. И. Коррупция и ее общественная опасность : учеб.-метод. комплекс для обучающихся по пед. специальностям / В. И. Резюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2019. – 158 с.

10. Резюк, В. И. Противодействие коррупции : учеб.-метод. комплекс / В. И. Резюк, В. П. Шиенок ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2020. – 248 с.

11. Об утверждении образовательных стандартов высшего образования II ступени [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 23 сент. 2019, № 155 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.05.2020

УДК 34.096

Андрей Сергеевич Игнатенко
магистрант юрид. факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
Andrey Ignatenko
Master of Law Faculty
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: ignat.asus@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Объект исследования – общественные отношения, связанные с воинской службой, в структуру которых входит военнослужащий как субъект этих отношений, а также содержание отношений как совокупность прав, обязанностей и ответственности военнослужащего. Научная новизна исследования выражается в попытке выделить и проанализировать основные теоретико-правовые подходы к формированию правового института воинской службы в Республике Беларусь. В результате исследования внесены предложения по совершенствованию теории военного права в Республике Беларусь и определены подходы к формированию правового института воинской службы. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Theoretical and Legal Approaches to the Formation of the Legal Institute of Military Service

Object of the study: public relations in the military service, the elements of which are the serviceman himself as the subject of these relations and the content of relations as a set of rights, duties, freedoms and responsibilities of a serviceman. Scientific novelty of the research: in the research article an attempt has been made to identify and analyze the main theoretical and legal approaches to the formation of the legal institute of military service in Republic of Belarus. As a result of the study, proposals have been made to improve legislation in the field of legal regulation of military service in the Republic of Belarus. The findings of the study can be used in law-making and in further scientific research.

Введение

Современное национальное военное законодательство определяет основные направления военной политики государства: устанавливает систему деятельности Президента Республики Беларусь, республиканских органов государственного управления, органов местного управления и самоуправления, органов военного управления, организаций и граждан Республики Беларусь в области обороны и вооруженной защиты Республики Беларусь; устанавливает предназначение, задачи, состав, численность, принципы построения и деятельности Вооруженных Сил Республики Беларусь; комплектование и дислокацию; руководство Вооруженными Силами Республики Беларусь, взаимодействие их с другими войсками и воинскими формированиями Республики Бела-

ларусь; устанавливает правовые и организационные основы исполнения гражданами Республики Беларусь воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) путем прохождения воинской службы; основания и условия освобождения от воинской службы; определяет права, обязанности и ответственность военнослужащих, а также их социальные и правовые гарантии и др.

Систематизацией, отдельными проблемами военного законодательства занимались такие белорусские и российские ученые, как Н. А. Горбатова, В. Ю. Калугин, В. А. Озеров, Г. А. Решетов, С. А. Саута, В. А. Селюков, В. А. Шаршун (некоторые склоняются к разработке Военного кодекса). Правовед Н. Г. Колибаба высказывал мнение о необходимости систематизации военного законодательства в форме Свода военного законодательства. Белорусский ученый В. А. Шаршун придерживается точки зрения о необходимости издания Собрания военного законодательства как основы для подготовки Военного кодекса [1].

Научный руководитель – А. И. Забейворота, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

По нашему мнению, для систематизации военного законодательства в той либо иной форме, соответствующей духу времени, следует сформировать теоретико-правовые направления, принципы построения отрасли военного законодательства на основе теории военного права как отрасли права в национальной системе права Республики Беларусь [2].

Военное право как отрасль права Республики Беларусь в настоящее время не нашло своего должного внимания и научной разработки. По данной проблеме существуют достаточно противоположные точки зрения ученых и специалистов. Формирование отрасли права в военной сфере не находит поддержки среди части ученых-правоведов. Военное право как полноценная отрасль права в настоящий период интересует специалистов, тем не менее его разработке уделяется незначительное внимание военных правоведов. Кроме того, мнения юристов расходятся и по наименованию новой отрасли права: военно-административное право, военная администрация или военное право?

Теорию военного права до революции и в советское время исследовали известные ученые в сфере юриспруденции. Плеяду дореволюционных правоведов составляли П. О. Бобровский, А. Греков, А. М. Добровольский, С. А. Друцкой, П. Заусцинский, А. С. Лыкошин, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. Л. Лобко, П. Лузанов, А. Ф. Редигер и др. Теоретическими и прикладными аспектами воинской службы, юридической ответственности военнослужащих в 1940–60-е гг. в СССР интересовались такие советские специалисты права, как Д. Н. Артамонов, Н. А. Виноградов, Г. Н. Колибаба, А. Е. Лунев, С. С. Студеникин, И. Ф. Побежимов, В. Г. Романов, В. М. Чхиквадзе, М. Я. Савицкий и др.

В Российской Федерации уже с середины 1990-х гг. стали выпускаться учебники по военному праву, к примеру, «Военное право» под общей редакцией Н. И. Кузнецова для военных вузов Вооруженных сил Российской Федерации, «Военное право» Ю. И. Мигачева и С. В. Тихомирова, «Военное право» Н. И. Котлярова, «Военное право» под общей редакцией В. Г. Стрекозова и А. В. Кудашкина, «Военное право» Л. Л. Попова, Ю. И. Мигачева, С. В. Тихомирова и др. Перечисленные авторы схо-

дятся во мнении о необходимости закрепления в системе права новой отрасли, источником которой является военное законодательство [3].

В Беларуси проблемами теории военного права, разработкой отрасли военного права практически не уделялось должного внимания со стороны ученых-правоведов, военных юристов. Отдельные вопросы военного права рассматривались такими специалистами, как А. В. Иванов, Д. С. Жук, отождествляющими понятия «военное право» и «военная администрация» [4].

О. И. Адамюк придерживается той точки зрения, что сложилась «самостоятельная область общественных отношений, представляющая собой целостную систему со своими теоретико-правовыми, историко-правовыми и институциональными особенностями» [5]. И. А. Горнак считает правильным развитие и совершенствование военного законодательства Беларуси путем принятия новых законов, способных в т. ч. урегулировать мобилизационные мероприятия, установить порядок введения военного положения и др. [6]. Обоснованной представляется точка зрения С. Б. Матвийчука и С. В. Павлюшика, аргументировавших необходимость формирования отрасли военного права в Беларуси [7].

Правовое регулирование воинской службы и ее сущность

Основными источниками правового регулирования воинской службы в Республике Беларусь являются:

- 1) Конституция Республики Беларусь;
- 2) Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575;
- 3) Закон Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. (ред. 17.07.2018 № 126-3) «Об обороне», являющийся важнейшим элементом национальной правовой базы в области обороны и вооруженной защиты Республики Беларусь;
- 4) Закон Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. «О Вооруженных Силах Республики Беларусь»;
- 5) Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь», которая представляет собой совокупность официальных

основополагающих взглядов и принципов обеспечения военной безопасности государства посредством применения политических и военных мер;

б) Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 года «О воинской обязанности и воинской службе»; и др.

Ст. 57 Конституции Республики Беларусь предусматривает, что защита Республики Беларусь является обязанностью и священным долгом гражданина Республики Беларусь. Под защитой Республики Беларусь понимается прежде всего оборона страны, охрана ее суверенитета и независимости, конституционного строя, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территорий.

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь закрепляет, что «Вооруженные Силы есть структурный элемент военной организации государства, предназначенный для обеспечения военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, ее суверенитета, независимости и территориальной целостности». Защита Республики Беларусь является обязанностью и священным долгом гражданина Республики Беларусь, которая основана на воинской службе граждан в военной организации государства.

Заметим, что Вооруженные Силы составляют основу суверенитета многих государств, и прохождение военной службы связывается с гражданством, в конституции закрепляется особый статус военной службы, ее относят к числу священных и почетных обязанностей граждан. Так, советский ученый С. В. Черниченко отмечал: «Военная служба должна быть направлена на защиту суверенитета соответствующего государства. Выполнение же воинской обязанности в иностранном государстве несовместимо с суверенитетом государства, граждане которого привлекаются к ее выполнению» [8, с. 82].

Воинская служба в соответствии с Законом «О воинской обязанности и воинской службе» рассматривается как *особый вид государственной службы*, включающей прохождение военной службы или службы в резерве Вооруженных Сил Республики Беларусь, военных или специальных сборов в период состояния в запасе Вооруженных Сил Республики Беларусь или других войск

и воинских формирований Республики Беларусь.

Военная служба является основным видом воинской службы, заключающейся в непосредственном исполнении гражданами воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований.

Военная служба подразделяется на военную службу по призыву и военную службу по контракту.

Следует обратить внимание и на *иные виды воинской службы*, к которым закон относит следующие:

1) служба в резерве – вид воинской службы, заключающейся в обязательном исполнении гражданами, подлежащими призыву на срочную военную службу, воинской обязанности путем прохождения службы в воинских частях, иных организациях Вооруженных Сил или транспортных войск Республики Беларусь на занятиях и учебных сборах в целях получения военно-учетной специальности без прекращения трудовой деятельности;

2) военные сборы – вид воинской службы, заключающейся в исполнении воинской обязанности военнообязанными путем подготовки их для назначения на высшие воинские должности, совершенствования знаний в военной области и освоения новых видов вооружения и военной техники, подготовки специалистов, необходимых для комплектования Вооруженных Сил и других воинских формирований на военное время, обслуживания вооружения и военной техники неприкосновенного запаса, участия в мероприятиях по проверке боевой и мобилизационной готовности воинских частей, военных комиссариатов, иных организаций Вооруженных Сил, а также других воинских формирований;

3) специальные сборы – вид воинской службы, заключающейся в исполнении воинской обязанности военнообязанными путем участия в мероприятиях по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В настоящее время можно выделить *пять видов военной службы* в зависимости от статуса военнослужащего: срочная военная служба солдат и сержантов; военная служба солдат и сержантов по контракту; воен-

ная служба курсантов военных учебных заведений; военная служба офицеров по контракту; военная служба офицеров по призыву.

Республика Беларусь на основе изучения и анализа зарубежного опыта первой среди стран СНГ ввела в армию такое понятие, как служба в резерве – разновидность исполнения воинской обязанности.

Таким образом, *воинская служба* – это особый вид установленной государством на основании закона деятельности человека в специально создаваемых войсках, воинских формированиях и органах, решающих задачи в области обороны и военной безопасности специфическими (военными) методами в целях подготовки к вооруженной защите Отечества. В результате правового анализа действующих норм можно прийти к выводу, что понятия «воинская обязанность» и «воинская служба» соотносятся как «целое и часть». Воинская обязанность есть обязанность граждан Республики Беларусь, устанавливаемая в целях создания и постоянного функционирования системы мероприятий, обеспечивающих защиту Республики Беларусь, прохождение гражданами воинской службы, подготовку их к вооруженной защите Беларуси.

Краткая характеристика основных источников в сфере правового регулирования воинской службы позволяет сформулировать вывод, что определяющими обстоятельствами в формировании данной отрасли законодательства являются: во-первых, особый публичный характер воинских подразделений и формирований; во-вторых, особенности взаимных отношений; в-третьих, прохождение воинской службы как разновидности государственной службы.

Подходы к формированию понятия «правовой институт воинской службы»

Следует отметить, что полнота правового регулирования отношений, связанных с воинской службой, детерминирована уровнями, которые могут быть охарактеризованы исходными правовыми титулами: правовой статус военнослужащего; правовой режим воинской службы; стадия непосредственного правового регулирования фактических конкретных отношений, возникающих, изменяющихся, прекращающихся между военнослужащими по поводу реализации прав и обязанностей.

Воинская служба представляется довольно сложным механизмом специфической деятельности военнослужащих и лиц, к ним приравненных, в связи с публичным характером таких взаимоотношений, урегулирование которых осуществляется комплексно нормами различных отраслей национальной системы права, например, такими, как конституционное право, финансовое право, административное право, гражданское право, уголовное право и др.

Исходя из концепта обособленности достаточно однородных отношений, единственным объектом которых является воинская служба, следует, что формирование соответствующего правового института положит начало становлению и новой отрасли права – военного права.

Правовое исследование комплекса взаимосвязанных качественно родственных военно-служебных отношений позволяет говорить о наличии правовых норм, устанавливающих правовой статус военнослужащего как главного элемента структуры данных отношений. Анализ этих отношений показывает, что они являются одним из видов воинских отношений и складываются по поводу организации и несения военной службы. Содержание военно-служебных отношений составляют права и обязанности, связанные с началом, прохождением и прекращением военной службы, исполнением военнослужащими должностных обязанностей военной службы, а также с реализацией военнослужащими и другими субъектами этих отношений прав, исполнением обязанностей и несением ответственности, которые обусловлены военной службой.

Заметим, что правовые нормы, регулирующие данные военно-служебные отношения, устанавливаются специальными правовыми актами. Их действие распространяется на конкретный круг лиц, состоящих на военной службе и имеющих специальную правосубъектность.

Проведенный анализ норм действующего законодательства [9–14] показывает, что правовой статус военнослужащего Республики Беларусь не только отграничивается от правовых статусов граждан иных категорий субъектов права (например, депутатов, ветеранов, государственных служащих и др.), но и имеет свои специальные составы в зависимости от субъекта военно-

служебных отношений, возникающих при прохождении различных видов военной службы в Вооруженных Силах.

Исследование правового статуса военнослужащих Республики Беларусь позволяет сформулировать предложения по теоретическому развитию правового положения военнослужащих и практическому совершенствованию теории в сфере воинской службы как правовом институте.

Предлагается теоретическое определение специального правового статуса военнослужащего как нормативно закрепленного определенного статуса личности, на основе которого у личности военнослужащего как субъекта права появляются специфические права, свободы, обязанности и законные интересы, которые конкретизируют и дополняют или ограничивают его общий правовой статус. Следует отметить, что одно и то же конкретное лицо (военнослужащий) может быть носителем одновременно различных специальных статусов в зависимости от тех социальных позиций, которые он занимает в обществе и на воинской службе.

Так, особенности конституционно-правового статуса военнослужащих Республики Беларусь заключаются в его структуре, основные компоненты которой:

- 1) обязательное гражданство Республики Беларусь;
- 2) наличие общей и специальной правосубъектности, в которой центральное место занимают конституционные права, свободы и обязанности, вокруг которых находятся все иные элементы;
- 3) ответственность за нарушение военнослужащими законодательства;
- 4) ограничения и запреты, связанные с прохождением воинской службы;
- 5) наличие государственных гарантий (политических, социально-экономических, нравственных, организационных) как условий и средств их реализации.

Совокупность прав, свобод, обязанностей военнослужащего Республики Беларусь занимает центральное место в структуре его конституционно-правового статуса. Следует различать конституционные права, свободы и обязанности военнослужащего как человека и гражданина. Кроме того, законом предусмотрены ограничения и запреты, связанные с прохождением военной

службы, которые, по своей сути, являются правовыми нормами, определяющими действия, несовместимые с исполнением обязанностей военной службы, установленные действующим законодательством в целях эффективного и качественного исполнения военнослужащими функций по обороне и безопасности государства. Обязанности военнослужащего, кроме конституционных, могут быть подразделены на общие воинские обязанности, должностные обязанности и специальные, закрепление которых нашло отражение в общевоинских уставах.

Таким образом, можно утверждать, что урегулирование отношений, связанных с воинской службой, требует комплексного подхода с применением норм как публичных, так и частных отраслей права.

Исследуя правоотношения, связанные с воинской службой сквозь призму общетеоретических признаков понятия «правовой институт», считаем необходимым подчеркнуть, что фактически все признаки правового института воинской службы реально существуют. Во-первых, имеет место качественная однородность фактического содержания военно-служебных отношений; во-вторых, выявлено наличие юридического единства; в-третьих, сформирована обособленная группа норм, регулирующих данные общественные отношения во всей их полноте; в-четвертых, проявлена взаимоуязвимость, точнее, связанность этих отношений единственным объектом, представляющим собой воинскую службу.

По нашему мнению, рассматриваемые нормы имеют общий объект правового регулирования и основаны на Конституции Республики Беларусь. Нормы о воинской службе содержатся в базовых законах и соответствующих международных актах. Целостность нормам правового института воинской службы придают особые юридические механизмы, служащие реализации военно-служебных прав и обязанностей, воинской компетенции различных по своему правовому статусу субъектов данных правоотношений, возникающих, изменяющихся, прекращающихся в сфере организации и прохождения военной службы, обусловленных в том числе и ее правовым режимом.

Правовой институт воинской службы, по нашему мнению, представляет собой совокупность норм, входящих, как отмечалось

выше, в состав различных отраслей права (конституционного, административного, гражданского, уголовного и некоторых иных), но регулирующих взаимосвязанные родственные отношения в сфере организации и прохождения военной службы.

Рассматривая воинскую службу как правовой институт, можно сделать вывод, что это комплексный институт права, который должен представлять собой обособленную внутри новой отрасли военного права совокупность правовых норм различных отраслей права (конституционного, административного, уголовного, гражданского и др.), регулирующих однородные общественные отношения в сфере прохождения воинской службы.

Заклучение

Теоретико-правовые подходы основаны на выделении и обособлении специфической совокупности специальных норм права в качестве правового института воинской службы. Правовой анализ предмета регулирования исследуемого института права позволяет классифицировать военно-служебные отношения как отдельный вид высокой степени однородных, связанных единым объектом, воинской службой, общественных отношений в составе воинских отношений.

Определение единого объекта, единого предмета и специфического метода правового регулирования фактически дает объективные научные основания выделить правовой институт воинской службы.

Формирование института воинской службы позволит оказывать систематическое оптимальное правовое влияние на регулируемые отношения всей совокупностью юридических средств, добиваясь тем самым необходимого юридического результата, решения целей и задач эффективного правового регулирования.

Нормы, положенные в основу разрабатываемого института военного права, смогут образовать единый комплекс и должны будут выражать основные положения о воинской службе; закрепят правовые принципы, определяющие содержание и направление правового регулирования военно-служебных отношений; установят специфические правовые понятия и категории, а также юридические средства; станут основой создания особого правового режима конкретного вида воинской службы, присущего данной конкретной разновидности военно-служебных отношений.

Правовой институт воинской службы представляет собой сложный комплексный элемент отрасли военного права, требующей незамедлительной теоретико-правовой регламентации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаршун, В. А. Систематизация военного законодательства Беларуси: история и перспективы / В. А. Шаршун // Наука и воен. безопасность. – 2003. – № 2. – С. 44–49.
2. Игнатенко, А. С. Историко-правовые основы становления и гармонизации военного законодательства Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации / А. С. Игнатенко // Право и правосудие: история и современность : материалы студенч. науч.-практ. конф., Воронеж, 12 дек. 2019 г. : в 2 т. / Рос. гос. ун-т правосудия ; сост. Д. Д. Солодовченко. – Воронеж, 2019. – Т. 1. – С. 57–59.
3. Военное право : учебник / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. – М. : За права военнослужащих, 2004. – 633 с.
4. Иванов, А. В. Актуальные вопросы преподавания правовых дисциплин [Электронный ресурс] / А. В. Иванов, Д. С. Жук. – Режим доступа: <http://elib.grsmu.by/bitstream/handle/files/3865/53-56%20z.pdf?sequence=1>. – Дата доступа: 25.09.2020.
5. Адамюк, О. И. Теоретико-правовые основы военной юстиции и военного законодательства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / О. И. Адамюк // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. – С. 14–18.

6. Горнак, И. А. Правовые аспекты военного строительства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / И. А. Горнак. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/2052-94/1/91-95.pdf>. – Дата доступа: 25.09.2020.

7. Матвийчук, С. Б. История развития военного права в Беларуси [Электронный ресурс] / С. Б. Матвийчук, С. В. Павлюшик. – Режим доступа: <https://voennoepravo.ru/files/Matveichuk>. – Дата доступа: 26.09.2020.

8. Черниченко, С. В. Международно-правовые вопросы гражданства / С. В. Черниченко. – М., 1968. – 160 с.

9. Игнатенко, А. С. Особенности конституционно-правового статуса военнослужащего Вооруженных Сил Республики Беларусь / А. С. Игнатенко // XVIII Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, Брест, 13 мая 2016 г. : сб. материалов : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под ред. А. Е. Будько. – Брест, 2016. – Ч. 1. – С. 33–36.

10. Игнатенко, А. С. Особенности правового статуса слушателей и курсантов военных факультетов при вузах Республики Беларусь / А. С. Игнатенко // XIX Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, Брест, 12 мая 2017 г. : сб. материалов / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под ред. А. Е. Будько. – Брест, 2017. – С. 140–143.

11. Игнатенко, А. С. К вопросу о специальной дисциплинарной (служебной) ответственности военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания / А. С. Игнатенко // Противодействие преступности: криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты : материалы Респ. науч.-практ. интернет-конф., Брест, 23 марта 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь. – Брест, 2017. – С. 129–131.

12. Игнатенко, А. С. Конституционно-правовое положение военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь / А. С. Игнатенко // Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты : материалы Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 3–4 нояб. 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь. – Брест, 2018. – С. 48–49.

13. Игнатенко, А. С. Особенности конституционных прав, свобод и обязанностей военнослужащих пограничной службы Республики Беларусь / А. С. Игнатенко // Современные проблемы и тенденции развития экономики, управления и права в XXI в. : сб. ст. межвуз. заоч. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Липецк, 15 дек. 2017 г. / под общ. ред. Г. Ф. Графовой, Ю. А. Солодовник. – Липецк : ЛФ РАНХиГС, 2017. – С. 459–463.

14. Игнатенко, А. С. Военнослужащие Республики Беларусь: законные ограничения на пользование отдельными правами в период воинской службы / А. С. Игнатенко // Проблемы становления гражданского общества : материалы VIII Междунар. науч. студен. конф., Иркутск, 20 марта 2020 г. : в 2 ч. / Иркут. юрид. ин-т. – Иркутск, 2020. – Ч. 1. – С. 119–120.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.10.2020

УДК 349.233

Антон Иванович Гущин
председатель Брестского областного суда
Anton Huschyn
Chairman of Brest Regional Court
e-mail: guschin@tut.by

СУДЕБНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

Рассматриваются вопросы правоприменительной деятельности судов при рассмотрении трудовых споров о материальной ответственности работников. Отмечается, что выносимые судом решения по трудовым спорам являются результатом правоприменительной деятельности. Предлагается понятие судебной правоприменительной практики, а также вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Judicial Law Enforcement of Labor Legislation Standards on Material Liability of Employees

The article deals with the issues of law enforcement activities of courts when considering labor disputes about the material liability of employees. It is noted that the decisions made by the court on labor disputes are the result of law enforcement activities. The author proposes the concept of judicial law enforcement practice, and also makes proposals to improve the current legislation.

Одним из элементов механизма правового регулирования трудовых правоотношений является судебное правоприменение. Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, «необходимость использования государственного принуждения главным образом и обосновывает потребность в специальной деятельности по применению права» [1].

Судебная правоприменительная практика, по нашему мнению, представляет собой систему правоприменительных актов, включающую как судебные акты по индивидуальному регулированию конкретных трудовых правоотношений, так и акты высших судебных органов.

Судебное правоприменение, на наш взгляд, является одним из основных способов разрешения трудовых споров, возникающих между субъектами трудовых правоотношений. По своей правовой природе решения судов по трудовым спорам о материальной ответственности работников являются правоприменительными актами, направленными на индивидуальное целевое воздействие на поведение субъектов конкретных трудовых правоотношений, возникших в связи с причинением материального ущерба противоправными действиями работника. Несмотря на то что судебный акт, принятый по результатам рассмотрения трудового спора, выполняет функцию инди-

видуального регулятора трудового правоотношения, судебная практика не упомянута в ст. 7 Трудового Кодекса (далее – ТК) Республики Беларусь [2] в числе источников регулирования трудовых и связанных с ними отношений.

В отличие от иных органов (организаций), наделенных полномочиями по рассмотрению и разрешению трудовых конфликтов, суды принимают решения по трудовым спорам, которые являются правоприменительными актами, регулирующими конкретные трудовые правоотношения между работником и нанимателем. Эти решения имеют обязательную силу не только для сторон трудового договора, но и для иных лиц. Кроме того, в ходе судебного разбирательства трудовых споров и вынесения решений суды устанавливают наличие или отсутствие нарушений субъективных прав сторон трудового договора, выявляют наличие вины и противоправность действий нанимателя или работника, определяют меры трудовой ответственности, осуществляют толкование правовых норм трудового законодательства. При этом толкование является не просто первой стадией процесса судебного правоприменения, а предпосылкой эффективного судебного разрешения трудового спора.

В процессе рассмотрения трудовых споров и вынесения судебных постановлений по результатам исследования доказательств и обстоятельств дела в порядке гражданского судопроизводства выявляются не только факты нарушения трудового законодательства, но также пробелы и противоречия (коллизии) в правовом регулировании трудовых правоотношений. Применение аналогии закона и аналогии права судами при рассмотрении трудовых споров является эффективным способом восполнения пробелов в действующем трудовом законодательстве. В соответствии со ст. 21 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) Республики Беларусь [3] в случае отсутствия нормы права, регулирующей спорные отношения, суд применяет норму права, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы права суд, разрешая спор, исходит из общих начал (принципов) и смысла законодательства Республики Беларусь (аналогия права).

Правоприменительная деятельность судов в значительной степени связана с необходимостью осуществления толкования правовых норм, применяемых при рассмотрении трудовых споров о материальной ответственности работников. «При осуществлении правосудия суд, сталкиваясь с пробелами или противоречиями в законодательстве, вынужден решать более сложную задачу – он обязан вынести единственно правильное (правовое) решение, основываясь на собственной интерпретации» [6]. Судебное правоприменение происходит на всех стадиях рассмотрения трудового спора о материальной ответственности работников: возбуждения производства по делу, подготовки дела к судебному разбирательству, вынесения решения. Толкование норм трудового права судами в процессе рассмотрения трудовых споров о материальной ответственности позволяет не только выявить их действительный смысл, но и не совершить ошибок в их применении, правильно соотносить содержание применяемой правовой нормы и реальные обстоятельства рассматриваемого трудового спора. Неправильное применение норм материального права в соответствии со ст. 424 ГПК Республики Беларусь может повлечь отмену

решения либо его изменение судом апелляционной инстанции.

Исследователи отмечают, что трудности правоприменения определены такими факторами как несоответствие правовых решений внутренним закономерностям правовой формы, нарушение принципа системности права, несоответствие норм права объективным процессам экономического и социального развития, особенности правовой традиции и др. [7]. Следует согласиться с мнением, что правоприменительная деятельность «обладает повышенной социальной значимостью по сравнению с другими формами реализации права» [8]. Научная дискуссия о том, является ли судебная практика (прецедент) самостоятельным источником права, продолжающаяся уже несколько десятилетий, так и не приблизилась к завершению [9]. Решения судов общей юрисдикции, осуществляющих правосудие по трудовым спорам, являются результатами судебного правоприменения, актами индивидуального регулирования конкретных трудовых правоотношений, но по своей правовой сущности не могут быть отнесены к источникам (формам) права.

Вопрос о признании источниками права судебных актов высших судебных органов являлся дискуссионным достаточно длительное время. В белорусской правовой доктрине были разработаны концептуальные положения о статусе актов высших судебных органов как важнейших источников права [10]. Теоретическая дискуссия о правовой сущности судебных актов, на наш взгляд, потеряла актуальность в связи с законодательным закреплением правотворческой функции за высшими судебными органами. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [11] в нормотворческой деятельности применяются термины «акты законодательства», понимаемые как нормативные правовые акты, составляющие законодательство Республики Беларусь, и «законодательные акты», т. е. Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, декреты и указы Президента Республики Беларусь. Законодательство в соответствии с указанным Законом представляет собой систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, а нормативный правовой акт – это

официальный документ установленной формы, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение.

Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в соответствии со ст. 2 указанного Закона являются нормативными правовыми актами, на которые не распространяется установленный Законом порядок подготовки, оформления, принятия (издания), опубликования, действия, толкования и систематизации нормативных правовых актов Республики Беларусь. Принятие Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь нормативных правовых актов (постановлений) ни в коей мере не противоречит принципу разделения властей по следующим причинам. Во-первых, постановления, принимаемые Пленумом Верховного Суда, являются нормативными правовыми актами, действующими и имеющими обязательную силу в рамках судебной системы. При этом Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не является локальным нормативным правовым актом, т. к. его действие не ограничено рамками одной или нескольких организаций, а распространяется на неопределенный круг лиц и рассчитано на неоднократное применение.

Во-вторых, судебное правотворчество Верховного Суда Республики Беларусь в отличие от нормотворческой деятельности государственных органов Республики Беларусь, принимающих законодательные акты, отличается специализацией принимаемых нормативных правовых актов, обусловленной спецификой рассматриваемых судами дел, а также четким обозначением круга регулируемых общественных отношений. Следует отметить, что нормотворческая деятельность Верховного Суда Республики Беларусь не ограничена принятием таких нормативных правовых актов, как постановления Пленума. Обобщения Верховным Судом судебной практики по рассмотрению отдельных категорий дел, безусловно, являются эффективным видом толкования действующего законодательства.

Анализ правоприменительной деятельности судов по рассмотрению трудовых споров позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления самостоятельного правового института тру-

доправовой ответственности субъектов трудовых правоотношений в специальном разделе ТК Республики Беларусь «Ответственность сторон трудовых правоотношений», «в котором будут объединены правовые нормы об ответственности субъектов трудовой правовой ответственности, а именно:

1) гл. 14 «Дисциплинарная ответственность работников»;

2) гл. 37 «Материальная ответственность работников за ущерб, причиненный нанимателю при исполнении трудовых обязанностей»;

3) ст. 245 «Возложение материальной ответственности на должностное лицо, виновное в незаконном увольнении, переводе, перемещении, изменении существенных условий труда, отстранении от работы»;

4) ст. 256 «Материальная ответственность руководителя организации»;

5) ст. 376, устанавливающей ответственность сторон за неисполнение норм главы «Соглашения, коллективные договоры»;

6) ст. 387 «Ответственность сторон за неисполнение обязательного решения трудового арбитража»;

7) ст. 465 «Ответственность за несоблюдение законодательства о труде».

Объединение в специальном разделе ТК Республики Беларусь правовых норм о трудовой правовой ответственности позволит системно урегулировать основания и условия трудовой правовой ответственности, а также санкции за совершение правонарушений субъектами трудовых правоотношений.

Считаем также целесообразным дополнение ст. 1 ТК Республики Беларусь, содержащей перечень основных терминов, применяемых в ТК, понятием «трудовая правовая ответственность».

Аналитическое исследование и мониторинг судебной практики по рассмотрению трудовых споров, на наш взгляд, являются неотъемлемой частью процесса совершенствования и систематизации действующего трудового законодательства Республики Беларусь.

Достаточно актуальными являются теоретические и практические проблемы унификации и структуризации процедурно-процессуальных правовых норм, регламентирующих порядок судебного и внесудебного рассмотрения трудовых споров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Государство и право : учеб. пособие / С. С. Алексеев. – М. : Проспект Велби, 2012. – С. 179.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : [по состоянию на 31.08.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : [по состоянию на 31.08.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О применении судами законодательства о материальной ответственности работников за ущерб, причиненный нанимателю при исполнении трудовых обязанностей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2002 г., № 2 : [по состоянию на 31.08.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Об утверждении Инструкции о порядке определения размера причиненного государственному имуществу вреда в связи с утратой, повреждением (порчей), недостачей при проведении проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности государственных юридических лиц [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 24 марта 2003 г., № 39/69 : [по состоянию на 31.08.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Василевич, Г. А. Судебный прецедент как источник права / Г. А. Василевич // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск : Право и экономика, 2007. – Вып. 2. – С. 13–23.
7. Третьяков, С. В. Правоприменение: теория и практика / С. В. Третьяков, Ю. А. Тихомиров, А. В. Кашанин / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – С. 10.
8. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – С. 132.
9. Марченко, М. Н. Является ли судебная практика источником российского права? / М. Н. Марченко // Журн. рос. права. – 2000. – № 12. – С. 14–15.
10. Хомич, В. Постановления Пленума Верховного Суда как проявления судебной власти и источник права / В. Хомич // Суд. весн. – 2003. – № 3. – С. 14–16.
11. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 : с изм. и доп. : [по состоянию на 31.08.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.10.2020

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзнак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя аб'ёмам 100–150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруюцца падзагалюнкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры; спіс выкарыстанай літаратуры дубліруюцца ў лацінскім алфавіце (References), пры гэтым колькасць крыніц, прыведзеных у спісе, і ў References, павінна супадаць.
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на мове артыкула і англійскай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, электронны адрас і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстанова адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 22.12.2020. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,60. Ул.-выд. арк. 14,39.

Тыраж 100 экз. Заказ № 369.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.